В. Л. Модзалевскій.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ ИВАНЪ ЧАРНЫШЪ

И

ЕГО РОДЪ.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

375376

В. Л. Модзалевскій.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ ИВАНЪ ЧАРНЫШЪ

И

ЕГО РОДЪ.

2225
13

ЗАМѢЧЕННАЯ ОШИБКА.

Стр. 88, строка 10 сверху, напечатано: «для людей образованныхъ»
слѣдуетъ: «для людей бѣдныхъ».

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

2-й экз.

375376

В. Л. Модзалевскій.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ ИВАНЪ ЧАРНЫШЪ

И

ЕГО РОДЪ.

2215
13

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина".

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

2-й экз.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 22 апрѣля 1904 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
712363.

Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ.

Родословіе Чарнышей.

I колѣно.

№№ по порядку. №№ отцовъ.

1. *Ѳедоръ* (?).
   Ж. Татьяна (?).

II колѣно.

2. *Иванъ (Ѳедоровичъ?)*, 1698—войсков. канцеляристъ; 1700-1703—господарь Гадяцкаго замка; 1709-1715—полковникъ гадяцкій; съ 1715—генеральный судья, † 30-го декабря 1728 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.
   Ж. 1) Елена Степановна *Гречаная*, дочь генеральнаго писаря.
   2) Евдокія Константиновна *Голубъ*, † 31-мая 1743 г., дочь генеральнаго бунчучнаго и Настасьи Марковны, бывшей во второмъ бракѣ за гетманомъ Иваномъ *Скоропадскимъ*. 1
3. *Тихонъ (Ѳедоровичъ?)*, житель батуринскій, † до 1716 г.
   Ж. Марина Романовна, родомъ изъ Батурина, † 1717; во 2-мъ бракѣ была за сотникомъ Ковалювскимъ (1715—1717) Аѳанасіемъ Николаевичемъ *Кищемъ* 1

III колѣно.

4. *Иванъ Ивановичъ*, отъ 1-го брака, бунчуковый товарищъ (1735), † 1756. 2

Ж. 1) Татьяна Осиповна *Костенецкая*, дочь сотника конотопскаго.

2) Зиновія Якимовна (упом. 1755) 2

5. *Петръ Ивановичъ*, отъ 1-го брака, † 173. бездѣтнымъ.

Ж. Ульяна Степановна *Бутовичъ*, вдова гадяцк. полк. Мих. *Милорадовича* 2

6. *Иванъ Ивановичъ*, отъ 2-го брака, † холостымъ въ 1741 г. 2

7. *Семенъ Ивановичъ*, отъ 2-го брака, канцелярист 1737—39; † холостымъ въ 1742 г. 2

8. *Яковъ Ивановичъ*, отъ 2-го брака, канцелярист, † 28-го декаб. 1745 г.

Ж. Марѳа Степановна *Ширай*, † 1764; съ 1747 г. во 2-мъ бракѣ за генер. подскарбіемъ Михаиломъ Вас. *Скоропадскимъ*, † 1758 2

— *Анастасія Ивановна*, † 1742. За *Забѣлой* . . . 2

— *Анна Ивановна*, † 1745. За бунч. тов. Андреемъ Ив. *Войцеховичемъ*. 2

— *Елена Ивановна*, † дѣвицей въ 1745 г. . . . 2

9. *Ѳедоръ Тихоновичъ*, упом. 1717. 3

— *Агафья Тихоновна*, упом. 1717. За Романомъ NN (1717) 3

IV колѣно.

10. *Иванъ Ивановичъ*, 1754—канцелярист, † до 1769.

Ж. Настасья Романовна, во 2-мъ бракѣ за Ѳедор. Петров. *Войной* 4

11. *Данило Ивановичъ*, упом. 1754, † до 1769.

Ж. Пелагея, вдова 1784. 4

12. *Александръ Ивановичъ*, малолѣтній въ 1754 г., † до 1769 4

— *Анна Яковлевна*, род. 1746; † около 1769 г. Съ 1765 г. за д. с. с. Григоріемъ Григорьевичемъ *Фридрикевичемъ* 8

V колѣно.

13. *Василій Ивановичъ*, род. 1759; маршалъ Полтав. губерніи.

Ж. Анна Петровна *Бѣлуха*, дочь полтавск. полков. писаря. 10

VI колѣно.

14. *Петръ Васильевичъ*, р. 1771; 1798—капитанъ Сѣверскаго драгунскаго полка 13
15. *Дмитрій Васильевичъ*, р. 1795 13
— *Ульяна Васильевна*, р. 1795 13
— *Анастасія Васильевна*, р. 1787 13
— *Анна Васильевна*, р. 1788 13
— *Анастасія Васильевна* 2-ая, р. 1790 13
— *Екатерина Васильевна*, р. 1797 13

Происхожденіе Чарнышей, выдвинувшихся въ старшину благодаря личнымъ качествамъ извѣстнаго генеральнаго судьи Ивана Чарныша, намъ неизвѣстно. Въ синодикѣ Любецкаго монастыря записанъ «родъ пана Іоанна Чарниша, бувшого судѣ енералного», въ которомъ сказано: «помяни Господи рабовъ своихъ: Феодора, Татіану, Тихонія, Параскевію, іереа Петра, Марію, Елену, Максима, младенцевъ: Петра, Іоана, Іакова, Іоана, Григорія» [1]). Можно предполагать, что упоминаемые здѣсь на первомъ мѣстѣ Федоръ и Татьяна были—отецъ и мать генеральнаго судьи; далѣе слѣдуетъ братъ послѣдняго—Тихонъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже; Параскевія—лицо намъ неизвѣстное, Елена—по всей вѣроятности, первая жена генеральнаго судьи. Остальныя упоминаемыя синодикомъ лица намъ раскрыть не удалось. Изъ лицъ, носившихъ прозвище Чарниша или Чорниша, намъ извѣстенъ лишь Иванъ Чорнишъ, житель конотопскій, упоминаемый въ одномъ актѣ 1681 года [2]), но врядъ-ли это одно лицо съ будущимъ генеральнымъ судьею. Родиной послѣдняго былъ, по всей вѣроятности, Гадячскій полкъ, гдѣ онъ впослѣдствіи жилъ и обзаводился хозяйствомъ. Здѣсь же, повидимому, Чарнышъ и

---

[1]) Синодикъ Любецкаго монастыря, изд. Черниг. губ. арх. комм., Черниговъ. 1902, стр. 52.

[2]) Обозрѣніе Румянцевской описи, стр. 258.

высмотрѣлъ себѣ невѣсту. Это была Елена, дочь Степана Прокофьевича Гречанаго, служившаго въ 1663—65 годахъ генеральнымъ писаремъ у Брюховецкаго [1]); кромѣ того, невѣста Чарныша приходилась родной племянницей стольнику и полковнику харьковскому Ѳедору Донцу-Захаржевскому [2]). Когда и какимъ образомъ состоялось сватовство и затѣмъ женитьба Чарныша—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ этотъ бракъ для Чарныша былъ очень выгоденъ, ибо тесть его Степанъ Гречаный былъ человѣкъ вліятельный и зажиточный. Универсаломъ гетмана Мазепы 27 августа 1688 года дано было п. Стефану Гречаному, «значному и заслуженому въ Войску Запорожскомъ товаришевѣ: село Римаровка въ уѣздѣ гадяцкомъ знайдуючоеся, да подъ тимъ селомъ, на греблѣ, на рецѣ Грунѣ, млинъ стоячой, два кола, да село Борки зо всѣми до нихъ належитими приналежностями, грунтами поліовими, сѣножатми и всякими угодіи» [3]), а въ слѣдующемъ году гетманъ выхлопоталъ на эти имѣнія и царскую грамоту. Хотя у Гречанаго были сыновья, но тѣмъ не менѣе Чарнышъ могъ разсчитывать получить отъ тестя что-либо за женою и этотъ бракъ поставилъ сразу же на твердое основаніе его благосостояніе. Что касается до того, какое положеніе занималъ Чарнышъ въ это время, то на этотъ вопросъ отвѣтить трудно: свѣдѣній, касающихся первыхъ годовъ выступленія его на арену жизни, очень мало. Въ царской грамотѣ 1718 года, подтверждающей его имѣнія, между прочимъ имѣется указаніе на то, что дѣдъ и отецъ Чарныша участвовали въ чигиринской баталіи, а онъ самъ отъ малыхъ лѣтъ служилъ и былъ при взятіи Казикермена и Тавани (1695), «такожъ по царскому указу посыланъ былъ къ солтану турецкому въ Царигородъ и оттуду привезъ постановленіе тогда мирніе договори». Затѣмъ извѣстно, что въ 1698 году онъ былъ войсковымъ канцеляристомъ [4]), что позволяетъ думать, что онъ не лишенъ былъ

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. III. изд. 1842 г., с. 207.

[2]) Любецкій Архивъ гр. Милорадовича, стр. 9.

[3]) Н. П. Василенко, Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка, стр. 15—17.

[4]) Каталогъ музея В. В. Тарновскаго, стр. 247.

образованія, или, по крайней мѣрѣ, обладалъ хорошимъ почеркомъ и умѣньемъ составлять бумаги. Служа въ гетманской канцеляріи, Чарнышъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе Мазепы и настолько серьезное, что тотъ въ 1701 году посылалъ его «въ обозъ царскаго величества къ великому государю, подъ Рукголдъ» [1]). Несомнѣнно, что такое порученіе могло быть дано только лицу, чѣмъ-либо особеннымъ обратившему на себя вниманіе гетмана и сумѣвшему заслужить довѣріе его. Гетманъ настолько цѣнилъ Чарныша, что въ 1700 году назначилъ его даже «господаремъ гадяцкого замку», т. е. управителемъ имѣній, принадлежавшихъ гетману. На эту должность обыкновенно назначались люди ловкіе и расторопные, которые, лично служа гетману, пробирались затѣмъ и въ старшину [2]). Занимая должность управителя гетманскихъ имѣній, Чарнышъ имѣлъ возможность развернуть всѣ свои способности, чѣмъ онъ и пользовался, стараясь угождать какъ своему патрону, такъ и вообще людямъ богатымъ и вліятельнымъ. Господаремъ у Мазепы Чарнышъ пробылъ до 1703 года, и за это время сохранились его два письма къ Ивану Забѣлѣ: въ одномъ изъ нихъ (1701 г.) онъ, между прочимъ, увѣдомляетъ его о томъ, что присланное Забѣлой въ подарокъ гетману мартовское пиво принято «до пивницѣ велможного добродѣя» и что съ этого «обзсланья вдачень есть велце ясневелможній добродѣй панъ гетманъ и рейментарскою ласкою и респектомъ пріобѣцуетъ вм. мосцѣ пану нагорожати» [3]). Служа у гетмана, Чарнышъ успѣлъ заслужить его довѣріе, но, видимо, господарство ему было не совсѣмъ по душѣ, и онъ жаждалъ быстраго возвышенія, чего ему не могла дать служба у гетмана, имѣвшаго уже въ это время замыслы о политическомъ переворотѣ. Поэтому

---

[1]) Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I, стр. 313.

[2]) Напримѣръ, Михаилъ Турковскій, бывшій впослѣдствіи генеральнымъ писаремъ. Степанъ Трощинскій, будущій гадяцкій полковникъ и другіе.

[3]) Кіевская Старина 1883 г., т. VI, стр. 530, 533. Подлинники писемъ Чарныша хранятся въ музеѣ В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ (Каталогъ его, стр. 247).

Чарнышъ оставилъ господарство и принялъ участіе въ войнѣ со шведами. Въ 1705 году онъ уже былъ какимъ-то козацкимъ начальникомъ [1]) и назывался даже полковникомъ. Вмѣстѣ съ гетманскимъ племянникомъ Войнаровскимъ Чарнышъ одно время находился въ Гроднѣ, а Мазепа въ Дубно, причемъ Чарнышъ прислалъ гетману письмо и копію съ указа, по которому будто-бы два козацкіе полка, Кіевскій и Прилуцкій, посылались въ Пруссію для изученія ратнаго дѣла и для перестроенія ихъ впослѣдствіи по образцу драгунскихъ полковъ [2]). Въ слѣдующемъ году Чарнышъ участвовалъ въ калишскомъ сраженіи, затѣмъ рѣшилъ, по всей вѣроятности, что послужилъ довольно и потому сразу же заявилъ притязанія на стародубское полковничество, урядъ котораго остался вакантнымъ послѣ смерти Михайла Миклашевскаго, убитаго въ 1706 году подъ Несвижемъ [3]).

Хотя Чарнышъ лично былъ извѣстенъ царю, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ въ это время опять лишь войсковымъ канцеляристомъ и потому его притязанія на полковничій перначъ были нѣсколько преждевременными. Но Чарнышъ былъ вообще неразборчивъ въ средствахъ и плохо разбирался въ окружающей его обстановкѣ. Надѣясь на поддержку гетмана, онъ поѣхалъ хлопотать о полковничествѣ въ Москву, гдѣ тогда находился царь, и отъ имени гетмана сталъ просить о назначеніи своемъ въ Стародубъ. Благодаря лично пріобрѣтеннымъ связямъ и умѣнію угождать лицамъ, власть имущимъ, Чарнышъ заручился обѣщаніями объ удовлетвореніи своего ходатайства и съ тѣмъ собирался вернуться на родину. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ гетманъ разбилъ его

---

[1]) Письма и бумаги императора Петра Великаго, т. III, С.-Пб. 1893; стр. 928, письмо Корчмина отъ 27. VIII. 1705 г. къ Петру въ Митаву: «И я лутче козаковъ радъ ихъ лошадямъ; посланной отъ вашей милости началникъ козацкой господинъ Чернышъ пріѣхалъ до меня вечоръ средь лѣсу».

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. III, стр. 1489.

[3]) Черниговская лѣтопись по новому списку, стр. 23.

надежды, представивъ царю своего кандидата—генеральнаго есаула Ивана Скоропадскаго. Дѣло въ томъ, что Мазепѣ, задумавшему планъ измѣны, нужно было имѣть въ лицѣ Стародубскаго полковника, коему подчинялся одинъ изъ самыхъ большихъ полковъ, человѣка себѣ угоднаго, или въ достаточной степени безличнаго; не найдя человѣка первыхъ качествъ, Мазепа выбралъ Скоропадскаго, человѣка, какъ извѣстно, мало энергичнаго, слабаго характеромъ. Гетманскій кандидатъ получилъ утвержденіе, а Чарнышу, такимъ образомъ, пришлось возвратиться на родину ни съ чѣмъ. Раздраженный противъ гетмана, онъ по возвращеніи изъ Москвы сталъ распускать слухи о томъ, что полковничество ему пожаловано помимо воли гетмана, причемъ, вѣроятно, не упустилъ случая не совсѣмъ хорошо отозваться и о самомъ гетманѣ. На это обстоятельство намекаютъ письма Мазепы къ графу Головкину и Шафирову о томъ, что Чарнышъ будто бы «всѣялъ многіе плевелы о имени монаршемъ и иные многіе непристойства къ возмущенію народа малороссійскаго». Поѣхавъ, затѣмъ, въ Москву, гетманъ добился у царя разрѣшенія судить Чарныша «по вопискимъ правамъ»; но, вѣроятно, бывшій канцеляристъ успѣлъ вымолить у гетмана прощеніе при помощи какого-либо подарка, и онъ, кажется, не былъ и вовсе преданъ суду. Съ этихъ поръ Чарнышъ пересталъ быть войсковымъ канцеляристомъ, окончательно, повидимому, разойдясь съ гетманомъ.

Скоро послѣ того онъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Кочубея и Искры и едва не поплатился головой. Въ грамотѣ отъ 20-го апрѣля 1708 года царь Петръ писалъ гетману слѣдующее: «И понеже по тому розыску явились въ томъ же воровствѣ приличные полковникъ миргородскій Апостоленокъ и бывшій канцеляристъ Чарнышъ, того ради повелѣваемъ, дабы ты, вѣрной подданной нашъ, оныхъ немедлено взявъ за крѣпкой караулъ, а по разсмотрѣнію своему и сковавъ, у себя держалъ, гдѣ пристойно, или послалъ въ Кіевъ къ воеводѣ князю Голицыну, пока привезены будутъ отсюда выше помянутые воры Кочубей и Искра» [1]).

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, изд. 1842 г., т. IV, с. 183.

На основаніи этого указа Чарнышъ былъ схваченъ, закованъ въ кандалы и посаженъ въ тюрьму въ Бѣлой Церкви, гдѣ тогда находился и самъ гетманъ. На допросахъ Чарнышъ признавалъ себя совершенно непричастнымъ къ дѣлу Кочубея, утверждая, что Головкинъ и Шафировъ изъ личной немилости къ нему посылаютъ указы ему на погибель. Гетманъ, конечно, не преминулъ о словахъ бывшаго канцеляриста довести до свѣдѣнія всесильнаго въ то время Головкина и Шафирова. Надо думать, что Чарнышъ дѣйствительно не былъ причастенъ къ доносу на гетмана. Въ розыскѣ о немъ указано было только на слѣдующее. На допросѣ 19-го апрѣля Искра показалъ, что онъ не знаетъ достовѣрно, кто изъ старшинъ по преклонности къ Мазепѣ не доноситъ о его измѣнѣ и прибавилъ: «а ежели-бъ былъ Чарнышъ, то-бъ онъ пространнѣе о томъ донесть могъ, ибо о томъ онъ съ нимъ (Искрой) часто говорилъ, и естли-бъ онъ вѣдалъ о ихъ поѣздѣ, то-бъ и онъ былъ съ ними». Петръ Яценко, въ допросѣ 21-го апрѣля, показалъ, что въ концѣ 1707 года Чарнышъ посылалъ къ полтавскому протопопу своего человѣка съ письмомъ, къ которому была приложена и особая «цидула», а въ ней стояло, что «великаго государя указу было великое поруганіе, плеваніе и смѣяніе, а сказывалъ протопопъ, что Чарнышъ сіе письмо писалъ о гетманѣ». Въ этихъ двухъ «пунктахъ» и заключалась вся прикосновенность Чарныша къ дѣлу Кочубея и Искры. Трудно предполагать, чтобы Чарнышъ выказалъ себя активнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ, зная его всю послѣдующую дѣятельность, основнымъ мотивомъ которой была ненасытная алчность. Тѣмъ не менѣе надо удивляться, какимъ образомъ онъ выпутался изъ этого опаснаго дѣла. Съ гетманомъ въ это время онъ находился въ полномъ разрывѣ, графъ Головкинъ и Шафировъ были раздражены противъ него за его нареканія, будучи извѣщаемы о томъ самимъ гетманомъ,—а все-таки Чарнышъ ничѣмъ, кромѣ тюрьмы, не поплатился за участіе въ доносѣ, тогда какъ другіе участники, даже слуги и писаря доносчиковъ, потерпѣли строгую кару... Самъ Чарнышъ видѣлъ свое «спасеніе отъ бѣдъ» въ заступничествѣ и помощи Божіей Матери. Разсказывая о томъ, что

онъ чувствовалъ, сидя въ оковахъ въ Бѣлоцерковской тюрьмѣ и видя казнь Кочубея и Искры, не надѣясь на иную помощь, какъ только свыше, онъ сообщаетъ о томъ, какъ женѣ его, томимой страшнымъ безпокойствомъ объ участи мужа, явилась «въ тонкомъ снѣ» сама Богородица и сказала ей, что мужъ ея будетъ освобожденъ. И дѣйствительно, Чарнышъ былъ освобожденъ въ тотъ самый день, когда его женѣ было чудесное видѣніе, т. е. 18-го іюля, на третій день послѣ казни Кочубея и Искры [1]). Кто былъ его дѣйствительнымъ освободителемъ—мы не знаемъ. Быть можетъ самъ Мазепа, знавшій хорошо ловкость и пронырливость Чарныша, освободилъ его изъ тюрьмы, надѣясь милостью этой привлечь его на свою сторону.

Выпутавшись такъ счастливо изъ бѣды, Чарнышъ, именовавшійся знатнымъ войсковымъ товарищемъ, снова попытался добиться уряда стародубскаго полковничества, ставшаго вакантнымъ послѣ избранія гетманомъ Скоропадскаго, но не встрѣтилъ поддержки у гетмана: Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Скоропадскому Головкинъ 15-го января 1709 года пишетъ: «Что-же изволилъ ваша вельможность писать въ цыдулѣ своей о Чарнышѣ, дабы ему не быть въ полковникахъ стародубовскихъ, понеже полчане того требуютъ, а быть-бы сотнику новгородскому (Лукьяну Жоравкѣ), и его царское величество повелѣлъ быть въ Стародубѣ полковнику по прежнему указу сотнику новгородскому, а отъ Чарныша о томъ и прошенія намъ не было»[2]). Такимъ образомъ и во второй разъ Чарнышъ не успѣлъ въ своемъ исканіи Стародубскаго полковничества. Въ полку, гдѣ онъ хотѣлъ быть полковникомъ, онъ былъ совершенно чужимъ человѣкомъ, а изъ сильныхъ людей ему не на кого было опереться, тогда какъ его конкуррентъ Жоравка, по преданію, оказалъ услугу царю въ Мазепину измѣну, сдавъ ему Новгородсѣверскъ, укрѣпленный Мазепою [3]).

---

[1]) Кіевская Старина, 1893 г., т. 59.
[2]) Матеріалы Судьенка, II, 105.
[3]) А. Лазаревскій, Описаніе Ст. Малороссіи, т. I, 38.

Сохранилось преданіе [1]), что съ извѣстіемъ объ избраніи новаго гетмана, Чарнышъ былъ посланъ къ крымскому хану и запорожцамъ по назначенію самаго царя. Возвращаясь изъ Крыма, Чарнышъ заѣхалъ къ державшимъ сторону шведовъ запорожцамъ въ Сѣчь, гдѣ атаманъ Гордѣенко арестовалъ его и выдалъ шведамъ, а послѣдніе размѣняли его на своихъ плѣнныхъ при сдачѣ шведскаго войска подъ начальствомъ Левенгаупта князю Меньшикову подъ мѣстечкомъ Переволочной. Изъ этого преданія можно вѣрить только тому, что Чарнышъ дѣйствительно посылался кѣмъ-то въ Крымъ, но зачѣмъ, неизвѣстно [2]). Взамѣнъ стародубскаго полковничества гетманъ далъ Чарнышу по универсалу 2-го марта 1709 года въ батуринской сотнѣ село Митченки: «Ознаймуемъ, иж п. Иванъ Чарнишъ, знатній войсковій товаришъ, понесши подъ часъ руины батуринской въ добрахъ и хуторахъ своихъ, около Батурина будучихъ, разореніе, просилъ насъ для подпоможенія своихъ шкодъ и убытковъ о надане села Митченокъ; мы теди, тому его прошенію давши у себе мѣстце, тое село Митченки ему, п. Чарнышеви, въ подданское владѣніе надаемъ»— [3]). Трудно предположить, чтобы понесенные Чарнышемъ убытки были такъ велики, чтобы у него было право на вознагражденіе за нихъ въ видѣ цѣлаго села подъ самымъ Батуриномъ. Въ это время Чарнышъ былъ вдовцомъ и по всей вѣроятности уже предназначался въ мужья гетманской падчерицѣ Евдокіи Константиновнѣ Голубъ, дочери генеральнаго бунчучнаго, отъ брака его съ извѣстной Настасьей Марковной, вышедшей вторично замужъ за Скоропадскаго, и гетманъ поэтому награждалъ своего будущаго зятя.

Не успѣвъ въ своихъ хлопотахъ о стародубскомъ полковничествѣ, Чарнышъ на «Полтавской баталіи» былъ уже гадяцкимъ полковникомъ. На этотъ разъ Скоропадскій, по всей вѣроятности, напомнилъ уже самъ царю о Чарнышѣ, и послѣдній назна-

---

[1]) Кіевская Старина 1884 г., т. 9, стр. 342—3.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 32.

[3]) Лазаревскій, Описан. Стар. Малороссіи, т. II, стр. 277—78.

ченъ былъ на мѣсто Степана Трощинскаго, смѣщеннаго съ уряда за близость къ Мазепиному дѣлу. Сразу же по прибытіи въ Гадячъ Чарнышъ далъ почувствовать полчанамъ, какого полковника они себѣ получили. Въ іюлѣ 1709 года данъ былъ «рѣшительный» указъ гетману изъ посольской походной канцеляріи въ отвѣтъ на присланные отъ гетмана пункты, что «по докучному челобитью» жителей мѣстечка Котельвы, которое раньше принадлежало къ Гадячскому полку, опредѣлено то мѣстечко «для близости и удобства въ вѣдѣніе къ Ахтырскому полку», а въ февралѣ 1710 года графъ Головкинъ писалъ Скоропадскому: «Нынѣ били челомъ здѣсь его царскому величеству помянутого мѣстечка Котельвы жители, что гадячскій полковникъ Иванъ Чарнышъ въ то мѣстечко видѣніемъ вступается и пишетъ къ нимъ и нарочныхъ посылаетъ съ великими угрозами и прещеніемъ, чтобъ были ему во всемъ послушны, и прислалъ къ нимъ отъ себя сотника бывшаго котельвскаго Ивана Долгополова невѣдомо для чего; того ради я вашей вельможности симъ напоминаю, дабы вы изволили къ помянутому гадячскому полковнику послать универсалъ свой, чтобъ онъ и никто иной въ то мѣстечко Котельву не вступались и нимало къ оному видѣніемъ не интересовалися»[1]). Такъ неудачно окончилась попытка Чарныша присоединить къ своимъ владѣніямъ лишнюю сотню.

Получивъ въ свои руки полковничій перначъ, Чарнышъ уже могъ оффиціально посвататься къ гетманской падчерицѣ Евдокіи Голубовнѣ. Когда состоялась свадьба его, въ точности неизвѣстно, но въ ноябрѣ 1710 года имъ былъ выданъ «записъ» своей будущей женѣ, въ которомъ онъ писалъ:--«поймуючи я въ доживотное сожителство ей мосць благородную панну Евдокію

---

[1]) Матеріалы Судьенка, II, 145 – 6. Гадяцкій полкъ, какъ извѣстно, почти цѣликомъ (кромѣ двухъ сотенъ—камышанской и рашевской) принадлежалъ на булаву гетманскую и такимъ образомъ Чарнышу нелишнимъ казалось забрать подъ свою власть третью сотню, ибо всѣ остальныя находились въ вѣдѣніи господаря гадяцкаго замка.

Константиновну Голубовну зъ дому высоцеповажного рейментарского ясневелможности его милости пана Іоана Скоропадского, гетмана, ясневелможной еи мосцѣ панеи Анастасіи Марковни, гетмановой, родителского, вручаю въ вѣчную опеку двохъ синовъ моихъ, съ первобрачною блаженной памяти панею малжонкою моею Еленою Гречановною, спложенныхъ, Ивана и Петра, власне единоутробной матери еи мосцѣ панеи Евдокіи Голубовнѣ». Далѣе Чарнышъ записалъ своей второй женѣ половину всѣхъ своихъ «добръ, власнимъ коштомъ зъ праци и заслугъ набутихъ, то есть: дворѣ, въ злотѣ, въ сребрѣ, въ клейнотахъ, въ перлахъ, въ сукнахъ, въ млинахъ, ставахъ, пасѣкахъ, лѣсахъ, степахъ, хуторахъ, бидлѣ и протчіихъ угодіяхъ господарскихъ», причемъ другая половина должна была достаться его двумъ сыновьямъ отъ перваго брака. «Если жъ вседаровитій Господь», говорилось въ концѣ записа, «подасть сполное имѣти потомство, теди при особѣ еи мосцѣ панеи Евдокіи заховавши половину, зъ половини Ивана и Петра, синовъ моихъ, ровная половина новимъ отъ Бога дарованнимъ потомкамъ нашимъ всѣхъ добръ конечне половина бити». Конечно, Анастасія Марковна, выдавая свою дочь замужъ, сумѣла вытребовать отъ Чарныша и это обязательство, по которому онъ завѣщалъ своей женѣ половину не только бывшихъ въ то время его «добръ», но и тѣхъ, которыя «подай Господи Боже въ долголѣтномъ пожитіи набути»—[1]). За женою же своей Чарнышъ получилъ большую скуплю Голубовъ подъ селомъ Подоловымъ, кролевецкой сотни, Нѣжинскаго полка [2]).

Надо думать, что Чарнышъ съ полученіемъ полковничества ощущалъ особенное удовольствіе бытія и считалъ, войдя въ близкія родственныя отношенія съ гетманомъ, свое благополучіе навѣки устроеннымъ. По крайней мѣрѣ, въ 1710 году онъ приказалъ сдѣлать серебряную ризу на той иконѣ, которая спасла его отъ бѣдъ и отъ кары за участіе въ Кочубеевскомъ дѣлѣ и не-

---

[1]) Любецкій архивъ, стр. 1—2.

[2]) А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., II, 386.

редъ которой молилась первая его жена, и вырѣзать на ней вирши, въ которыхъ выставлялъ себя какъ жертву гоненія измѣнника гетмана [1]):

Полковництвомъ Гадяча от Бога почтеній,
Іоанъ Чарнішъ, азъ бѣхъ егда обложеній
Желѣзы в Бѣлой-Церквѣ от лютейша звѣрных
Мазепи, полковництва раді от безмѣрных
Сылъ царя наданого Стародуба града
За вѣрну мою службу,—се ми бысть отрада
Едина Дѣва Мати, къ Ней же взирахъ вину,
Дабы-мъ обрѣлъ свободы радостну годину.
Но не презри слезнаго, о Царыца славы,
Риданія: въ то время, в онь же ма избавы,
Явися во снѣ тонкомъ моей супружницѣ,
Свѣтлѣйшіми от солнца украшенна вѣнцы,
Глаголющи: «Не бойся! От сѣты ловляща,
Акы птенецъ, изиде из руки губяща:
Твой господинъ воскори, умолих бо Сына,
Яко избавлен (будетъ) от узъ; тому вина
Сей ест, Егоже зрішы на рукахъ, преславній
Судія, злим отмстітель, Богу отцу равній.
Внегда прейдетъ в радосты путы сіе тѣсны,
Воспоетъ Богу и Мнѣ побѣдные пѣсны».
Збавлень от бѣдъ, услішахъ сей глас торжественій,
Верху защищенія Дѣвы подложеній.
Сію исповѣдую чудотворну быти,
Юже со Сыномъ долженъ во вѣки хвалити.

Року Божого ҂ѧ҃ѱі (1710), мца юля дня н҃і (18).

Однако, какъ ни было прочно положеніе Чарныша въ Гадячѣ, ему вскорѣ же пришлось столкнуться съ человѣкомъ, не менѣе его убѣжденнымъ въ безнаказанности своей. Это былъ из-

---

[1]) Кіевская Старина 1897 г., т. 59.

вѣстный протопопъ Лисовскій [1]), пожалованный, по его словамъ, на протопопство въ Гадячъ «за вѣрность» въ измѣну Мазепину. Само собой разумѣется, что такой соперникъ по вліянію и самовластію въ Гадячѣ Чарнышу былъ очень нежелателенъ, и между этими двумя лицами завязалась борьба, окончившаяся, благодаря вмѣшательству царя, благополучно для обоихъ. Характеръ Лисовскаго и его притязанія прекрасно обрисовываются въ жалобѣ гадячскихъ священниковъ, поданной гетману: «Присемъ же похваляется» (пишутъ они про Лисовскаго), «же не ради протопопства одного тутъ зосланъ, але ради всѣхъ управленій и постереганя и преслѣдованя змѣни, самъ и архіерей и гетманъ именуючися!» Чарнышъ, конечно, принялъ сторону священниковъ и съ своей стороны посылалъ гетману извѣты на протопопа, яркими красками изображая беззаконныя дѣянія Лисовскаго. Вотъ одинъ изъ нихъ: «Не разъ уже передъ симъ доносилъ я вашей ясневельможности и письменно, и словесно, по требованію всей гадяцкой громады, что богомолецъ нашъ не токмо по смертныхъ, невинныхъ убійствахъ, самовольныхъ околѣченіяхъ людскихъ и безсовѣстныхъ окривавленіяхъ, при всечастныхъ погибельныхъ перехвалкахъ, неправилного своего не поправуетъ поступку, лечъ ясно, явно, безъ стида и страха божія, злодѣйствомъ бавячися, во горшое преусиѣваетъ: нѣкого нѣ за що вомѣняючи, одинъ бичъ надъ людьми невинними, аки во Израили Фараона себе поставляетъ!» Въ заключеніе этого письма, писаннаго въ 1712 году, Чарнышъ проситъ гетмана ходатайствовать у кого слѣдуетъ, «дабы освободившися мы такого бодрого до коней и воловъ чужихъ богомолца, воспѣли градъ со людьми: лютыя работы избывъ Гадячъ и безмолвенъ поживе» [2])! Но на эти краснорѣчивыя письма гетманъ не далъ отвѣта: онъ не имѣлъ власти судить Лисовскаго, поставленнаго царемъ на протопопство;

---

[1]) О немъ см.: С. Моравскій, Ѳедоръ Лисовскій (1709—1722), очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи 1-й половины XVIII столѣтія, Кіевъ, 1891 (оттискъ изъ «Кіевской Старины»).

[2]) А. Лазаревскій, Описаніе Стар. Малор., I, 200.

къ тому же Лисовскій былъ лицо духовное. Въ концѣ концовъ различныя «плутни» Лисовскаго, среди которыхъ главное мѣсто занимало конокрадство, дошли (быть можетъ, не безъ стараній Чарныша) до вѣдома духовной власти, и изъ Кіева было наряжено надъ нимъ слѣдствіе, отъ котораго Лисовскій убѣжалъ, долго «плутался» около Гадяча и другихъ городовъ, а затѣмъ, когда узналъ, что судьи пріѣхали въ Гадячъ и на розыскѣ подтвердились многія изъ его насилій,—«побѣгъ къ Москвѣ и тамъ змышленные плутовства своего пункта» на Чарныша, подалъ въ Сенатъ. Случилось это въ августѣ 1712 года. «Доношеніе» Лисовскаго [1]) о нѣкоторыхъ «противныхъ» поступкахъ Чарныша было направлено къ тому, чтобы обвинить своего врага въ «государевомъ дѣлѣ». Въ своемъ доносѣ онъ, между прочимъ, пишетъ, что Чарнышъ, узнавъ о его намѣреніи ѣхать въ Москву съ доносомъ. «хотѣлъ его посадить подъ колоколню въ яму и засыпать землею. и для поимки его въ городѣ Гадичѣ и около дворовъ его загородныхъ, и хуторовъ, и вездѣ по дорогамъ посланы были отъ него, полковника, козаки, и приказано его ухватя, гдѣ ни есть, безвѣстно погубить, о чемъ онъ, протопопъ увѣдавъ, ушелъ въ городъ Каменское къ воеводѣ, и воевода каменскій, давъ ему провожатыхъ, отпустилъ его къ Москвѣ, которому онъ о вышеупомянутыхъ своихъ нуждахъ сказывалъ». «И полковникъ—де и паки на него рпясь, домъ его и деревни всѣ разорилъ и крестьянъ его посажалъ въ тюрьму». Самымъ важнымъ пунктомъ обвиненія Чарныша въ доносѣ протопопа было слѣдующее обстоятельство: «Въ нынѣшнемъ 1712 году, въ день тезоименитства великаго государя святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла», писалъ Лисовскій, «служилъ онъ въ городѣ Гадячѣ въ соборной церкви Богоявленія Господня по литургіи за его государево здравіе молебенъ соборный, на который гадичскій полковникъ Иванъ Чарнышъ не пришелъ и изъ пушекъ стрѣлять не велѣлъ, и съѣхалъ

---

[1]) Полный доносъ Лисовскаго напечатанъ въ «Матеріалахъ военно-ученаго архива Гл. Штаба», т. I; Судьенко, Матеріалы, II, 210—215; А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., I, 200—201.

въ маетность свою». Замѣтивъ отсутствіе полковника, Лисовскій спросилъ о причинѣ его у есаула Грабянки, а тотъ объ этомъ сказалъ Чернышу; послѣдній послѣ этого и хотѣлъ посадить Лисовскаго подъ колокольню и засыпать землею, зная, что протопопъ не преминетъ по своей враждѣ къ нему донести объ этомъ кому слѣдуетъ... Далѣе Лисовскій писалъ, что Чарнышъ, «старшихъ Гадячскаго полку полковыхъ особъ, которыя служили царскому величеству вѣрно, а именно: полкового судью Василія Велецкаго изъ города выгналъ, да писаря полкового Степана Залескаго билъ дубьемъ, а жену его плетьми смертнымъ боемъ, и изъ города выгналъ, и маетности у него взялъ и инымъ тамошнимъ жителямъ многія обиды и грабежи и разоренія чинитъ непрестанно; а вмѣсто ихъ въ тотъ полкъ принялъ на судьино мѣсто есаула полкового Василія, а въ есаулахъ велѣлъ быть измѣнику запорожцу Мартыну Штыху, который пріѣхалъ изъ Крыму; да Гадячскаго полку козаку измѣннику жъ (а какъ его зовутъ и чей сынъ и прозвищемъ, не вѣдаетъ) велѣлъ быть въ городѣ Гадичѣ городничимъ, который и понынѣ тамъ городничимъ». Кромѣ этихъ насилій, Чернышъ въ доносѣ Лисовскаго обвиняется еще и въ измѣнѣ: «А измѣна его такая, что во время бытности Шведскихъ войскъ въ Гадичѣ подводилъ подъ городъ Веприкъ шведовъ, и тотъ городъ шведами взятъ, и многихъ малороссійскаго народу людей, которые служили царскому величеству вѣрно, мучилъ и ихъ и пожитки ихъ отдавалъ шведамъ, и на подъѣзды подъ войска царскаго величества шведовъ проводилъ, а по дорогамъ, гдѣ имъ идтить, ставилъ тычки для знаку, и черезъ рѣки для опыту, крѣпокъ-ли ледъ,—по льду возилъ куфы съ водою, чтобъ шведы не проломились».

Ужъ, кажется, этихъ тяжкихъ обвиненій было достаточно для того, чтобы уничтожить гадяцкаго полковника, но Лисовскому казалось мало этого: онъ увѣрялъ, что въ его полковничьей маетности, въ селѣ Боркахъ, его полковничій котельникъ дѣлаетъ копѣйки мѣдныя московскія государева герба изъ красной мѣди и лудитъ, а по чьему велѣнію тѣ деньги онъ дѣлаетъ—прибавлялъ Лисовскій—и куда ихъ дѣваетъ,—о томъ онъ самъ

скажетъ». Далѣе въ «доношеніи» Лисовскаго слѣдуетъ указаніе на насилія, дѣлаемыя Чарнышемъ козакамъ, которыхъ онъ заставляетъ работать на себя въ своихъ маетностяхъ, отъ чего «тѣ козаки разорились въ конецъ и лошадей измучили и (главное) служить имъ стало не на чѣмъ,—о чемъ подлинно будутъ бить челомъ сами»—и, наконецъ, доносъ на Чарныша за взятки: «въ городѣ Гадичѣ подписокъ его полковничій Иванъ Криницкій у вдовы Ульяны дочь, дѣвочку шести лѣтъ, растлилъ, и за то она вдова ему полковнику била челомъ, и онъ, полковникъ, съ того подписка взялъ сто ефимковъ и безъ наказанія и безъ суда его освободилъ. И которые своевольники чинятъ убійства и женамъ и дѣвкамъ насиліе,—изъ тѣхъ онъ, полковникъ, емлетъ себѣ взятки, а ихъ безъ наказанія и суда освобождаетъ, а что кому учинено,—о томъ явно будетъ по ихъ челобитнымъ»...

Нельзя, конечно, вполнѣ вѣрить извѣтамъ озлобленнаго протопопа, но весьма возможно, что Чарнышъ, получивъ, наконецъ, возможность удовлетворять своимъ алчнымъ наклонностямъ, и былъ виноватъ въ томъ, въ чемъ его обвинялъ протопопъ... Какъ-бы-то ни было, но челобитной Лисовскаго былъ данъ ходъ: списокъ съ нея былъ пересланъ Головкинымъ Скоропадскому съ приказомъ разсмотрѣть ее по пунктамъ и «освидѣтельствовать подлинно». «А межъ тѣмъ (писалъ Головкинъ гетману), пока тотъ розыскъ чинится тамо будетъ, извольте ваша вельможность полковнику Ивану Чернышу велѣть побыть при себѣ въ Глуховѣ, дабы во отбытіи его оттуду наилучшимъ образомъ тотъ розыскъ продолженъ и окончанъ былъ и не могъ бы никто послѣ нарекать, чтобъ кто за присутствіемъ его, полковника, съ боязни неправду въ розыску отважился сказать; полковнику жъ Ивану Чернышу извольте приказать, чтобъ онъ помянутого гадячскаго протопопа женѣ никакихъ обидъ, разоренія и нападковъ не чинилъ, и ежели что у него взято съ пожитковъ или маетностей его, то бъ онъ все ему возвратилъ, покамѣстъ по тому розыску увидится, чья сущая правда»[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Головкинымъ по-

[1]) Судьенко, Матеріалы, II, 210—11.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ручалъ гетману на розыскъ отправить кого-либо отъ себя вмѣстѣ съ опредѣленнымъ офицеромъ отъ Протасьева, состоявшаго при гетманѣ.

Вскорѣ и самъ Лисовскій прибылъ изъ Москвы для обвиненія полковника. Вернулся онъ на родину съ какимъ-то подъячимъ и съ указомъ, коимъ повелѣвалось гетману, коменданту Глуховскому князю Гагарину и стольнику Протасьеву «тое его доношеніе по существенной правдѣ розыскать». Дальнѣйшее движеніе дѣла видно по одной изъ челобитныхъ Чарныша, поданныхъ имъ на Лисовскаго: «И взять я, полковникъ, — разсказываетъ Чарнышъ, — з старшиною полковою, з козаками, з мѣщанами, з попами и черноризцами въ Глуховъ и противъ его плутовскихъ наносовъ допрашиваны мы были предъ Гагариным. Протасьевымъ и генеральнымъ судьей, писаремъ и асауломъ, и по его ложнымъ доношеніямъ никой на насъ не взыскано виности, а на его протопопа явлени за руками и печатми майстратовыми и живыми свидѣтелми в лице ему о двоеженствѣ, чего и самъ онъ не запирается, также о воровствѣ, в кого лошади покралъ, в кого волы и коровы, з якими ворами на воровство ѣжувалъ, а зворовавши, гдѣ тые лошади и воли дѣвалъ, кому продавалъ, другимъ за горѣлку мѣнялъ, третьимъ за котли мѣдные промѣневалъ» [1]). Розыскъ, начатый въ 1712 году, продолжался довольно долго и подъ конецъ его «для существеннѣйшаго розыску и очнаго видѣнія», былъ посланъ въ Гадячъ полковникъ Вестовъ съ товарищи, «а мене, полковника (писалъ Чарнышъ въ челобитной), з товарищи потоль держано въ Глуховѣ, поколь по всему полку розыскъ чинено по ложнымъ его протопоповымъ наносамъ, который пріѣхавши въ Гадячъ, собиралъ предъ себе всю старшину, урядниковъ, козаковъ, мѣщанъ, и всякаго чина свѣцкихъ людей, поповъ и черноризцевъ, и отъ себе посылалъ во всѣ города и села солдатъ, которые въ колокола церковніе, по городахъ и селахъ ѣздячи, дзвонили, велегласно говорячи и на письмѣ указомъ ва-

---

[1]) С. Моравскій, Ѳ. Лисовскій, стр. 7—9.

шего царскаго пресвѣтлаго величества, по десяти разъ читаючи, приказовали, чтобы на едного полковника приносили челобитія».

Такую картину торжества Лисовскаго рисуетъ Чарнышъ въ своей челобитной. Но несмотря на это, челобитныя во множествѣ подавались на самого Лисовскаго,—до того онъ былъ ненавистенъ гадячанамъ за свои насилія. Сторону Лисовскаго держалъ и Вестовъ, «отвѣтуючи же нѣтъ мнѣ указу на протопопу челобитя пріймать». Въ Гадячѣ Вестовъ пробылъ цѣлую недѣлю, а когда «з Гадяча имѣлъ выѣздити, тогды его-жъ протопопа Лисовскаго баба, (т. е. жена) во время звоненя на набожество утреннее почю въ челобитной своей написанніе байки принесла и ему полковнику Вестову тайно отдала; а когда подалъ Богъ свѣтъ, и старшина гадяцкая з жителями тамошними, извѣстившися о томъ неправедномъ челобитю, просили его, полковника Вестова, дабы онъ тую челобытную велѣлъ вычитать, а мы, мовятъ, на всякое въ ней написанное ложное слово праведній за руками нашими з очисткою учинимо отвѣтъ, на которой старшины гражданъ гадяцкихъ вопросъ онъ, полковникъ Вестовъ, таковый учинилъ отвѣтъ: «Въ челобитной, мовитъ, отъ попадѣ бабы Лисовской поданной, дѣла нѣтъ, читать нечего, и уже оная до возка схована». И старшина ему, полковнику Вестову, повторне отказали: «Если в ней дѣла нѣтъ, то ненадобно ей и пріймать, а если принята, то надобно ей обявить намъ, и мы противъ всего того готови будемъ учинить очиску». Вестовъ и паки бабиной челобитной не обявивши, отъѣзжалъ з Гадяча въ Глуховъ».—«Да онъ-же, протопопъ Лисовскій, мене, вѣрнаго вашего царского пресвѣтлаго величества слугу, безчестилъ тимъ, клевещущи всенародно, будто я, полковникъ, герба государева денги дѣлавъ, и якъ въ прочіемъ, такъ и въ томъ его протопопова явная есть неправда: понеже тотъ котелникъ скоро з воровскими копѣйками на ратуши гадяцкой освидѣтельствованъ засталъ и мнѣ полковнику о томъ з ратуши объявлено; того жъ часу я велѣлъ котелника крѣпко заковать и до ста ударовъ дубьемъ безъ пощады велѣлъ бить, допрошуючи, якъ давно воровскіе денги почалъ дѣлати, сколь много и с кимъ дѣлалъ, и хто о томъ бы зналъ; который котелникъ подъ немило-

ствымъ боемъ, якъ тамъ передо мною, полковникомъ, и передъ прочіею старшиною, такъ и въ Глуховѣ, скованный, з денгами воровскими и рецептами отъ мене присланный, на ратуши глуховской и передъ княземъ Гагариномъ и столникомъ Протасьевымъ въ килкахъ допросахъ однаково жъ сказалъ; и сказка его есть особно записана и его самого котельника послано з Глухова къ Москвѣ въ приказъ посолскій къ крайнему допросу». Оправдываясь такимъ образомъ, Чарнышъ въ заключеніе челобитной проситъ защитить его отъ безчестья Лисовскаго: «А мене, вашего царского пресвѣтлаго величества полковника, вѣрнаго раба и слугу, ему, протопону, явному вору и весьма никчемному ябеднику и плуту, такимъ безчестнымъ клеветаніемъ и другими его плутовскими напрасно-злобными напосами не доводилося бы безчестить и измышленными клеветами въ народѣ тривогъ и смятенія затѣвати». Перечисливъ, затѣмъ, службы отца и свои собственныя, Чарнышъ заключаетъ свою челобитную воззваніемъ: «Только и паки стократно пренайпокорнѣй васъ, великого государя, ваше царское пресвѣтлое величество, со слезами прошу: умилосердися, великій государь, при вѣрной многой службѣ моей на мене и на ввесь полкъ мой и повели милостиво вовся оборонити мене з многими тисячами вѣрными рабы своими и богомолцами, полчанами моими, отъ такого ябедника, явного вора, двоеженца и плута, протопопа гадяцкого Лисовскаго, на котораго бія челомъ, у стопъ ногъ монаршихъ со слезами упадаю!» [1]).

Приведенная челобитная подана была Чарнышемъ уже въ 1714 году; она возбудила вопросъ о двоеженствѣ Лисовскаго и его, наконецъ, убрали изъ Гадяча, назначивъ сотникомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Что же касается Чарныша, то несмотря на то, что слѣдствіе произведено было, какъ мы видѣли, строгое и слѣдователи держали руку Лисовскаго, онъ остался на полковничествѣ и ничѣмъ не пострадалъ; должно быть, слѣдствіе ничего важнаго не обнаружило, а, кромѣ того, Чарныша спасла непа-

[1]) Ѳ. Лисовскій. С. Моравскаго, стр. 8—10.

висть полчанъ къ своему протопопу, который тѣснилъ ихъ еще больше, должно быть, чѣмъ самъ полковникъ.

Избавившись отъ своего соперника, Чарнышъ сталъ полновластно распоряжаться въ полку, увеличивая свои и безъ того уже значительныя богатства и маетности. Такъ, на рангъ ему принадлежали: мѣстечко Рашевка—300 дворовъ [1]), городъ Комишная—275; села Комышанской сотни: Гримячка—18, Остановка—46 дворовъ; затѣмъ Скоропадскій отдалъ ему изъ принадлежавшихъ ранѣе на булаву, т. е. ему лично, какъ гетману: Хитцы—59, Плѣшивецъ—140, Будища—185, Капустинцы—169, Опанасовку,—101, Сергѣевку—108, Свинарную—60 и Вельбовку—92 двора. Кромѣ того, Чарнышъ получилъ еще въ бытность свою господаремъ у Мазепы изъ имѣній Гречанаго, брата своей жены, село Борки—191 дворъ, и съ 1709 года владѣлъ, какъ мы видѣли, селомъ Митченками, которыя были отобраны Скоропадскимъ для своего зятя у Батуринской ратуши. Какъ только Чарнышъ получилъ полковничество, гетманъ сталъ выдавать ему универсалы на различныя маетности, награждая ими своего зятя якобы за службы: 10-го января 1710 года Чарнышъ получилъ подтвердительный универсалъ на село Борки, «дворъ и при дворѣ байракъ съ сажелкою, луками, левадою и полемъ пахатнымъ, и греблею на рѣкѣ Грунѣ, въ селѣ Буркахъ будущею, гай и ставокъ Куриловскій съ лугомъ Олшанскимъ, подъ селомъ обрѣтающимися, греблю, прозиваемую Куличиху, съ луками и полемъ пахатнимъ; неподалеку села обрѣтающійся байракъ, прозваніемъ Біевецъ, со степю, около того байрака степъ, луки, завоміе Пробудка, лѣсъ Колитинецъ и инніи при томъ же селѣ Боркахъ угодія»,—а *на слѣдующій день* гетманъ далъ Чарнышу разрѣшеніе занять греблю на рѣкѣ Ислѣ для устройства мельницы [2]).

---

[1]) Данныя о количествѣ дворовъ и о принадлежащихъ Чарнышу деревняхъ заимствуемъ изъ „Генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ Гадяцкаго полка (1729—1730 г.г.), изд. Н. П. Василенко, стр. 6, 7, 9, 38—39.

[2]) Каталогъ музея Тарновскаго, стр. 247.

Черезъ два года, 23-го августа 1712 года, Скоропадскій нашелъ возможнымъ прибавить Чарнышу изъ принадлежавшихъ къ гадяцкому замку, «за всегдашніе на урядѣ полковничества гадяцкаго тщателно дѣйствителніе труди и прислуги, «ко вспоможенію господарства. до ласки войсковой,—села Сары и Крутки, въ уѣздѣ гадяцкомъ будучіе», въ которыхъ по ревизіи 1729 года показано во Сарахъ—55, Круткахъ—32 двора.

Помимо полученія богатствъ изъ рукъ гетмана, Чарнышъ и самъ увеличивалъ ихъ, скупая у окрестныхъ жителей грунты. Особенное вниманіе свое онъ обратилъ на село Борки, владѣніе которымъ ему казалось самымъ прочнымъ, тогда какъ другія маетности были лишь ранговыя, т. е. принадлежавшія Чарнышу до тѣхъ поръ, пока онъ занималъ урядъ гадяцкаго полковничества. Такъ, въ 1711 году онъ купилъ у жителя броварскаго Демка Бутенка луку; въ 1712 году—отъ Наума Кошеленка лѣсъ; отъ Семена и Василія Михайловичей, жителей гадяцкихъ.—греблю на рѣкѣ Грунѣ съ прудомъ или ставомъ, и съ ловлею рибною, въ гору по греблю Римаровскую, съ млинами, съ дворомъ, лугомъ, лѣсомъ и садомъ, съ левадами въ селѣ Красной Лущѣ, около того жъ села съ лѣсами, лугами, полемъ пахатнимъ, степю и луговыми сѣнокосами»—и много другихъ мелкихъ грунтовъ. Само собой разумѣется, что Чарнышъ покупалъ земли не только у добровольныхъ продавцовъ, но, пользуясь своей властью, употреблялъ и насиліе, если встрѣчалъ препятствіе своему желанію округлить какую-либо маетность. Не имѣя наслѣдственныхъ имѣній, Чарнышъ, получивъ въ свои руки власть, спѣшно наживался. Особенно онъ тѣснилъ обывателей рашевскихъ и комышанскихъ, которые, занимаясь преимущественно ремеслами, отличались зажиточностью, чѣмъ Чарнышъ и пользовался, увеличивъ ихъ повинности. Когда, вслѣдъ за поставленіемъ Апостола гетманомъ, разнесся въ Гадячѣ слухъ, что полковникомъ туда будетъ назначенъ Гаврило Милорадовичъ, гадяцкая полковая старшина писала гетману, прося его не содѣйствовать этому назначенію: «Довольно натерпѣлись мы бѣдъ», писали они, «отъ Чарныша и Милорадовича, которые, наѣхавъ въ нашъ полкъ со стороны и желая

съ другими застарѣлыми полковниками въ богатствѣ сравняться, прежде всего стали добывать себѣ грунта, чѣмъ такъ стѣснили народъ, что чуть не пустъ остается нашъ полкъ теперь» [1]). Съ нѣкоторыми отдѣльными случаями насилій Чарныша мы познакомимся ниже.

Но не долго Чарнышъ мирно жилъ въ своихъ маетностяхъ, увеличивая свои богатства. Въ 1715 году на Чарныша были поданы доносы о его злоупотребленіяхъ и по разслѣдованіи оказались справедливыми; кромѣ того Петръ Великій хотѣлъ наградить извѣстнаго Михаила Милорадовича за услуги, оказанныя ему, и для этого рѣшилъ дать ему полковничій урядъ въ Малороссіи. Чарнышъ и раньше былъ извѣстенъ своими насиліями въ Москвѣ и хотя его, послѣ разслѣдованія доносовъ, и нельзя было держать болѣе на полковничествѣ, но царь не хотѣлъ обижать гетмана смѣщеніемъ его зятя, да еще за насилія, а, между тѣмъ, свободныхъ полковничьихъ урядовъ въ то время не было. Царь былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго однако былъ найденъ исходъ, и въ январѣ 1715 года Головкинъ писалъ Протасьеву: «Надлежитъ вамъ гетману объявить, что когда онъ будетъ, по указу царскаго величества, выбирать и назначать въ генеральныя старшины, то между другими написалъ бы и зятя своего, гадяцкаго полковника Чарныша, потому что по доношеніямъ на него и жалобамъ въ обидахъ царское величество не изволитъ ему больше быть полковникомъ въ Гадячѣ; но сіе время мы терпимъ для гетмана, потому что отнятіе полковничества у зятя его не можетъ ему, гетману, быть безъ зазору. Надѣюсь, что господинъ гетманъ приметъ это объявленіе за знакъ моей къ нему пріязни, ибо лучше зятю его быть въ чинѣ генеральной старшины, нежели просто». Но Скоропадскій былъ тоже въ затрудненіи, такъ какъ всѣ уряды генеральные были заняты. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи Чарнышъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда 1-го іюля 1715 года была подписана царская грамота, назначающая его генеральнымъ судьей:

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., т. I, стр. 497.

«Въ Малороссіи для управленія войсковыхъ генеральныхъ судовъ было прежде всегда по два человѣка, а теперь одинъ Туранскій, и тотъ уже старъ, и ему одному управлять не безъ трудности; о выборѣ въ генеральную старшину на праздныя мѣста писано было къ тебѣ, подданному нашему, однако по сіе время никто не выбранъ, а ты о томъ къ намъ не писалъ по сіе время. Поэтому мы, милосердуя о народѣ малороссійскомъ, дабы въ судахъ войсковыхъ не было какихъ затрудненій, указали быть другимъ судьею генеральнымъ полковнику гадяцкому Ивану Чернышу» [1]. 10-го іюля состоялось назначеніе замѣстителя Чарнышу—Михаила Милорадовича. О истинной подкладкѣ назначенія Чарныша генеральнымъ судьей не знали въ Малороссіи, и потому гетмана упрекали въ томъ, что онъ роздаетъ уряды своимъ родственникамъ. Новомлинскій сотникъ Шишкевичъ, между прочимъ, открыто заявлялъ: «Пусть гетманъ знаетъ, что своихъ родичей—одного генеральнымъ судьею, а другого—лубенскимъ полковникомъ (Марковичъ, братъ гетманши) наставилъ... У моего хлопца больше въ головѣ, чѣмъ у нихъ!» [2].

Не хотѣлось Чарнышу покидать Гадяча... Хотя для взяточничества и наживанія денегъ новый урядъ генеральнаго судейства представлялъ обширное поле, все-же Чарнышъ былъ недоволенъ перемѣщеніемъ, теряя ранговыя маетности. Къ тому же, генеральный судъ находился въ Глуховѣ, гдѣ былъ гетманъ, а при немъ великороссійскіе чиновники... Въ виду этого Чарнышъ, вообще неразборчивый въ средствахъ, ведущихъ къ намѣченной цѣли, воспротивился назначенію Милорадовича. Поднимая вражду противъ своего замѣстителя, Чарнышъ опирался на свое свойство съ гетманомъ, который, какъ увидимъ, поддерживалъ его, но тѣмъ не менѣе Чарнышъ, возстановляя полчанъ противъ новаго полковника, дѣйствовалъ опрометчиво, непонимая, повидимому того, что Милорадовичъ назначенъ царскимъ указомъ и, слѣдовательно, удалить его изъ Гадяча нѣтъ возможности. Какъ-бы то ни было.

---

[1]) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 288, 289.

[2]) А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., II, 287.

но Чарнышъ рѣшилъ идти противъ Милорадовича и когда тотъ пріѣхалъ въ Гадячъ, то Чарнышъ встрѣтилъ его, нанеся «безъ всякой причины многія безчестья». Скоропадскій очень былъ недоволенъ тѣмъ, что Милорадовичъ былъ назначенъ полковникомъ безъ его вѣдома, и 9-го августа 1715 года писалъ графу Головкину: «Увѣдомился я отъ царскаго величества, что на полковничество (гадяцкое) опредѣленъ иноземецъ господинъ Милорадовичъ, который, не вѣдая войсковыхъ ихъ порядковъ (а въ томъ полку люди посполитые издавна на гетманскую булаву належатъ), не похотѣлъ-бы интересоваться, но довольствовался-бъ особливо въ двухъ сотняхъ, рашевской и комишанской, людьми, также издавна на полковника опредѣленными». Написавъ это предостереженіе, подъ которымъ скрывалось желаніе избавиться отъ новаго полковника, Скоропадскій 24-го августа вновь писалъ Головкину съ ходатайствомъ за Чарныша, который просилъ, чтобы послѣ назначенія Милорадовича полковникомъ, «изъ тѣхъ двухъ сотенъ, на полковника надлежащихъ, одною (Милорадовичъ) правилъ, а другую Чарнышу оставить». Просьба эта мотивировалась тѣмъ, что «онъ, Чарнышъ, въ тѣхъ полковыхъ маетностяхъ многіе себѣ грунты и немалые заводы сдѣлалъ, а онъ гетманъ (присовокупилось далѣе)—вмѣсто той полковничьей маетности Милорадовичу дастъ отъ себя». Конечно, все дѣло было въ томъ, что Чарнышу не хотѣлось разставаться со своими ранговыми маетностями....

Но всѣ эти хлопоты и гетмана и Чарныша не привели ни къ чему, и первому изъ нихъ былъ посланъ отвѣтъ, что Милорадовичъ на полковничество опредѣленъ уже давно, отправленъ туда и велѣно владѣть ему всѣми принадлежащими на урядъ маетностями, какъ прежніе полковники владѣли,—«потому отмѣнить того царскаго величества указу не мочно; а чтобъ онъ, Милорадовичъ, въ маетности его, гетманскія, къ булавѣ принадлежащія, не интересовался,—о томъ писано къ нему, Милорадовичу»[1]). Пока происходила эта переписка, Милорадовичъ уже былъ въ Гадячѣ и терпѣлъ отъ Чарныша разныя «противности». Столько-

---

[1]) Матеріалы Судьенка, II, 250—51.

веніе Чарныша съ Милорадовичемъ повело за собою весьма цѣнное для характеристики перваго дѣло, изъ котораго приводимъ любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дѣяніяхъ бывшаго гадяцкаго полковника [1]).

Въ жалобѣ своей гетману Милорадовичъ писалъ про Чарныша, что тотъ «козаковъ сарскихъ и крутковскихъ (эти села принадлежали Чарнышу), подъ командою полковничьею издавна будучихъ, за то, что подали они челобитную, дабы при бытности его, Милорадовича, въ волностяхъ козацкихъ могли пребывать, а мужики на него, Черныша, не работать,—наславъ ночью (людей), велѣлъ ловить, бити и кого изловятъ—заковати, грозя, чтобъ изъ подданства не отбывали; козаковъ комишанскихъ (Комышная принадлежала на рангъ гадяцкихъ полковниковъ) знатныхъ, прежде бывшихъ на урядахъ, за то, что по пріѣздѣ его, Милорадовича, приносили ему хлѣбъ по обычаю,—при пушкѣ черезъ нѣсколько дней держалъ; рыбалокъ изъ села Роменца, полковнику належныхъ, нарочно разослалъ для своихъ дѣлъ, чтобы выгоды никакой ему, Милорадовичу, не было; когда на него, Милорадовича, послано было нѣсколько подводъ привезти сѣна, которого сто возовъ гетманъ на пріѣздъ далъ,—тогда дворецкій Чарнышовъ, набѣжавъ, людей тѣхъ побилъ и коней позабиралъ; слуги его, Чарнышевы, во время ярмонки, о святой Параскевіи въ Гадячѣ бывшей, разбивая ночью (коморы?), грабя ихъ,—какъ на самомъ дѣлѣ изловлены были,—безъ розыску за караулъ ратушской отданы,—то сверсники, отъ дворецкаго посланные, сторожей всѣхъ разогнали и тюрму отбивъ, самовольно ихъ выпустили, (а) вино, посланное отъ него, Милорадовича, велѣлъ запечатать и не велѣлъ продавать, а вмѣсто того своего вина чрезъ три мѣсяца выдалъ кухъ 15, съ коихъ прибыли взялъ 150 рублевъ; приходъ съ ярмонки Дмитріевской, 70 талярей, онъ завладѣлъ; о пашнѣ яровой того лѣта, котораго онъ, Милорадовичъ, туда прибылъ, приказъ гетмана

---

[1]) Полное дѣло Чарныша съ Милорадовичемъ напечатано (къ сожалѣнію со многими ошибками) въ книгѣ: «Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей», Кіевъ, 1884, стр. 90—111.

былъ, чтобъ пополамъ ему съ Чарнышомъ раздѣлить, а онъ, Чарнышъ, до пяти скирдъ вымолотя, забралъ на свою потребу и ничего ему отъ того не далъ. Онъ-же Чарнышъ, многимъ полчанамъ гадяцкимъ выдалъ судейскіе универсалы, уволняя ихъ отъ всякихъ податей и зимовыхъ квартиръ войску царского величества».... Но не только Чарнышъ старался причести Милорадовичу имущественный ущербъ,—онъ хотѣлъ его поссорить съ Саввою Рагузинскимъ, для чего не остановился и передъ подломъ: «Палетъ (?) тотъ, который, по опознанію на ратушѣ гадяцкой, положено въ маетности Борки (это село принадлежало Чарнышу) для квартиръ солдацкихъ»,—писалъ Милорадовичъ,—«за рукою и печатю его, Милорадовича, фортелне скасовалъ, пбо сверху его надпись *Борковскій* вытерши, написалъ *Розбышовскій* и въ Розбышовку (принадлежавшую Рагузинскому) отослалъ, приводя его, Милорадовича, въ ссору съ господиномъ Рагузинскимъ». Кромѣ всего этого, «онъ-же, Чарнышъ, писалъ къ нему, Милорадовичу, письмо укорителное и отъ гордости имени своего не подписалъ, вмѣняючи его за найгрубшаго простака».—«На остатокъ, что есть паче всего жалостнѣйше (пишетъ Милорадовичъ гетману), онъ-же, Чарнышъ, подписка своего, а господаръ замковый шафара своего, посылали въ Комишную съ универсаломъ, чтобъ козаки ни въ чемъ его, Милорадовича, не слушали, но его, Чарныша, и тотъ универсалъ на рынку въ Комишной прочитанъ былъ. Да тотъ-же подписокъ въ Сарахъ (имѣніе Чарныша), собравъ множество козаковъ и мужиковъ, явно и публично предъ народомъ безчестилъ его, Милорадовича, срамотне, называючи измѣнникомъ, запорожцомъ, плутомъ, цыганомъ и шалберомъ (бездѣльникомъ)»....

Въ такихъ размѣрахъ и формахъ выразилось противленіе Чарныша повому гадяцкому полковнику. Мы не имѣемъ возможности провѣрить справедливость этихъ жалобъ Милорадовича, но весьма возможно, что онъ не преувеличивалъ. Одно только можно сказать въ защиту Чарныша, что онъ перемѣною наименованія села Борки на Розбышовку имѣлъ въ виду, быть можетъ, лишь избавить свою маетность отъ непріятнаго воин-

скаго постоя, а не имѣлъ намѣренія поссорить Милорадовича съ его землякомъ Рагузинскимъ,—но тѣмъ не менѣе подлогъ, сдѣланный Чарнышомъ, остается на лицо. .

Какъ же относился народъ къ борьбѣ Чарныша съ Милорадовичемъ? Мы можемъ на это отвѣтить, что, по всей вѣроятности, народъ, отлично знавшій наслѣдія Чарныша, былъ склоненъ скорѣй къ новому полковнику. По крайней мѣрѣ, подданные чарнышевскихъ селъ, вслѣдъ за прибытіемъ Милорадовича въ Гадячъ, взбунтовались противъ своего прежняго «державцы» и не хотѣли отдавать ему «послушенства»... Возмущеніе было настолько серьезно, что гетманъ принужденъ былъ выдать 3-го ноября 1715 года въ защиту своего зятя универсалъ, обращенный къ жителямъ саровскимъ, камышанскимъ и остаповскимъ: «Увѣдомился онъ, гетманъ, яко они съ чьегось наущенья будучи ослушными, не хотятъ державцу своему, Ивану Чарнышу, судьѣ войсковому енеральному, отдавати послушенства; того ради нарочно тѣмъ универсаломъ накрѣпко упоминаемъ, дабы они,—знаючи одного державцу своего господина судью, безъ жадной противности ему, несмотря ни на кого (разумѣется—Милорадовичъ), по прежнему отдавали послушаніе и повиновеніе. А хто будетъ противный—такового велѣно будетъ сыскивать въ Глуховѣ и карать немилостиво, какъ бунтовщиковъ». Получивъ въ свои руки этотъ универсалъ, Чарнышъ послалъ въ Сары слугу своего Ивана Ставецкаго и Якова Реченка, шафара замковаго, которые, по разсказу Милорадовича, велѣли всѣмъ тамошнимъ козакамъ собраться въ домъ священника для слушанія универсала, а по прочтеніи его Яковъ Реченко говорилъ:

«Дурни козаки! Для чего хочете сего полковника—плута, цыгана, шалбера? Ибо сей такой-же, какъ и запорожцы: можетъ за море запровадить, или на границу вывевши, запропастить...»

Ставецкій же при этомъ прибавилъ:

«Ибо уже онъ, Милорадовичъ, измѣнилъ одному,—и государю измѣнитъ!»

Но несмотря на эти дѣйствія агентовъ Чарныша, народъ, много натерпѣвшись отъ прежняго своего полковника, былъ на сторонѣ Милорадовича. Козакъ Иванъ Руда, напримѣръ, говорилъ:

«Тогды я за все товариство говорилъ, что довольно его (Чарныша) терпѣли! Хвала Богу, имѣютъ они нынѣ себѣ (полковника) отъ великаго свѣта государя!».

Кромѣ того, гадяцкая полковая старшина и сотники 9-го ноября 1715 года выдали Милорадовичу свидѣтельство, въ которомъ писали, что они «его царскому величеству за благороднаго господина Михаила Милорадовича, по милости царскаго величества опредѣленнаго (полковникомъ къ нимъ)—рабски покорно благодарствуютъ, который (полковникъ) по природному добронравію своему любезенъ, милостивъ и добротенъ есть ко всѣмъ, будучи въ службѣ царскаго величества безъ найменьшей обиды, ибо никого ничѣмъ не озлобляетъ, но паче ущедряетъ, желая во всемъ изобиловати».

Своей жалобой Милорадовичъ хотѣлъ добиться того, чтобы надъ дѣйствіями Чарныша былъ наряженъ розыскъ, по которому несомнѣнно подтвердились бы многія изъ злоупотребленій Чарныша. Но гетманъ нашелъ возможнымъ выручить своего зятя изъ бѣды; о томъ, какой былъ найденъ исходъ, Милорадовичъ разсказываетъ въ письмѣ своемъ отъ 14-го января 1716 года къ Головкину. Оказывается, что послѣ подачи имъ челобитной на Чарныша гетману, послѣдній «велѣлъ (пишетъ Милорадовичъ) полковникамъ и старшинѣ генеральной жалобы моей выслушать; тогда всѣ, сторонѣ господина Чарныша будучи фаворизантами, убѣдили мене до примиренія, выговариваючи, что мы тебѣ будемъ противниками, если примиренія не возьмешь!» На примиреніе Милорадовичъ сперва согласился было, но потомъ, когда требованія его относительно пытки безчестившаго его подписка Чарнышевскаго исполнено не было («подписку тому польгочено и не допрашиванъ какъ належало, кромѣ того, что 7 разъ по шубѣ ударенъ»), онъ взялъ свои слова назадъ, говоря, что онъ съ такой пытки—«не контентъ». Слѣдствіемъ несостоявшагося примиренія было то, что Милорадовичъ, не нашедшій суда надъ своимъ врагомъ у гетмана, принужденъ былъ обратиться съ жалобой къ Головкину въ январѣ 1716 года. Упоминая уже объ извѣстномъ намъ подлогѣ, сдѣланномъ Чарнышемъ, Милорадовичъ

прибавляетъ: «Для чего я опасаюся, что можетъ онъ искати главы моей, попеже когда случится мнѣ писати до ясневелможнаго, или до другого лица высокаго, то онъ вытретъ и подпишетъ письмо мое къ хану татарскому»... При челобитьѣ своемъ Милорадовичъ приложилъ особые «пункты», въ которыхъ сообщалъ о новыхъ злоупотребленіяхъ Чарныша: «Онъ, Чарнышъ», писалъ Милорадовичъ, «полкъ Гадицкой до конца разорилъ, въ чемъ на него, Чарныша, болше ста челобитенъ есть, которыя челобитныя не смѣлъ онъ, Милорадовичъ, закрыти, держитъ у себя, а къ господину гетману посылалъ списки, однакоже, или за его (гетмана) многими оккупаціями, или свойствомъ—о чемъ ни пишетъ,—не видитъ ничего, кромѣ продолженія, а челобитчики кричатъ и грозятъ ему: ежели имъ суда не будетъ—то всѣ пойдутъ ко двору его царскаго величества искати суда за свои обиды; и той ради причины, дабы ему, Милорадовичу, не отвѣтствовать впредь, принужденъ онъ донести о всемъ, а также и о томъ, что онъ-же, Чарнышъ, всѣ доходы, полковникамъ надлежащіе, прежде времени нареченнаго выбралъ» [1]). «Онъ же, Чарнышъ», пишетъ

[1]) Весьма вѣроятно, что число челобитчиковъ на Чарныша Милорадовичемъ преувеличено: въ числѣ бумагъ Чарнышей, бывшихъ у А. М. Лазаревскаго, а теперь принадлежащихъ университету св. Владиміра, сохранилось лишь около десятка ихъ; приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) Марія Ющиха жаловалась Милорадовичу, что Чарнышъ «въ началѣ своего властелства», вырубилъ въ ея лугѣ надъ Хоромъ «тридцятеро дерева олшини», а затѣмъ взялъ у нея «лошака молодого таранковатаго рижого» и далъ за него лишь десять талярей, когда цѣна ему больше ста золотыхъ; 2) Лукьяниха Холодиха вдова жаловалась на завладѣніе Чарнышемъ ея лѣса, гдѣ онъ и «пасѣку вчинилъ; спамятаючи на тую удову, которая приносила до Христа Сина Божого два пѣнязѣ, а Христосъ Синъ Божій на неѣ милость показалъ», Холодиха прибавляетъ: «такъ и ти, милосердній пане, покажи милосердіе свое на мене, убогую удову»; 3) Федоръ Кущенко просилъ о возвращеніи срубленнаго Чарнышемъ его лѣса, бывшаго близъ винницы генеральнаго судьи въ с. Березовой Лукѣ; 4) Панасиха, жителька остаповская, жаловалась на насилія Чарныша за то,

далѣе Милорадовичъ, «будучи полковникомъ, изъ артиллеріи гадяцкой пушки городовыя въ маетности свои вывозилъ, порохъ и протчее,—запасъ военной, невѣдомо гдѣ подѣвалъ, особенно войсковыхъ большихъ 3000 злотыхъ забралъ». Затѣмъ, Милорадовичъ сообщаетъ подробности объ отдачѣ ему ранговыхъ имѣній: «Отдавалъ ему ясаулъ енеральный Бутовичъ сотню рашавскую, а комышанской не отдалъ. Тогда онъ, Милорадовичъ, говорилъ ему, есаулу: «для чего не по прежнему опредѣляетъ»? И онъ, есаулъ, сказалъ, что онъ, Милорадовичъ, не можетъ тѣхъ правъ имѣть, какъ прежніе полковники имѣли, ибо одинъ былъ племянникъ (Троцинскій, предшественникъ Чарныша, былъ племянникъ Мазепы), а другой (Чарнышъ) – зять гетманской». Кромѣ всего этого, Милорадовичъ сообщалъ еще «что прежніе генеральные судьи жили при гетманахъ и тамо дѣло судейское управляли, а до

что она не продавала ему своего хутора близъ Бодаквы; 5) Василь Лященко писалъ Милорадовичу, что когда онъ продалъ свой грунтъ, то узнавшій объ этомъ Чарнышъ сталъ обвинять его въ томъ, что тотъ хотѣлъ «на той бокъ ити зъ его держави» и по этому случаю забралъ у него: «товару двое, гусей тридцятеро, трохъ талярей грошей»; 6) Войтъ рашевскій сообщалъ гадяцкому полковнику отъ имени всей громады, что Чарнышъ «на строеніе млина подъ Рашевкою вырубалъ лѣси наши и хату у млиновъ построивъ з нашего-жъ дерева»; 7) Иванъ Харченко жаловался, что Тихоній небожчикъ (братъ генеральнаго судьи) вырубилъ у него «неисчетно» дерева въ грунтѣ подъ Березовой Лукой; 8) Семенъ Коломыецъ, житель подставскій, писалъ, что генеральный судья выкосилъ у него насильно луку, «за якую якъ перво упомянулемся, такъ его милость пріобѣцалъ мнѣ третую часть отдати»; однако, сколько потомъ жалобщикъ ни ходилъ къ Чарнышу, тотъ нетолько не отдалъ ему ничего, но «отдалилъ» насильно отъ всей луки, вручая ему за нее деньги; 9) трое жителей комишанскяхъ жаловались на то, что староста Чарнышевскій комишанскій завладѣлъ ихъ сѣножатями и т. д. Изъ этого списка насилій Чарныша можно видѣть, насколько онъ былъ изворотливъ въ выборѣ средствъ для веденія своихъ хозяйственныхъ операцій.

полку не интересовались, а господинъ Чарнышъ живетъ въ Гадичѣ и командѣ его, полковника Милорадовича, чинитъ помѣшательства» [1]).

Положеніе Милорадовича было дѣйствительно затруднительнымъ: съ одной стороны, былъ Чарнышъ, а съ другой—онъ, по его собственному выраженію,—человѣкъ пришлый, «странный», и ему, разумѣется, не хотѣлось сразу же становиться во враждебныя отношенія со всей, державшей сторону Чарныша, генеральной старшиной и гетманомъ. Результатъ его челобитныхъ получился, однако, благопріятный: ему, въ концѣ концовъ, отдана была комышанская сотня [2]), но за обиды, понесенныя имъ отъ Чарныша и его челядниковъ, онъ, кажется, удовлетворенія не получилъ; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы Чарнышъ пострадалъ въ какомъ-либо отношеніи изъ-за своего столкновенія съ Милорадовичемъ. Что-же касается, собранныхъ гадяцкимъ полковникомъ, челобитенъ, то они тоже Чарнышу не принесли никакого вреда. Попавъ въ руки Скоропадскому, они были переданы имъ самому же Чарнышу, а тотъ сумѣлъ совершенно оправдаться. Мы не будемъ приводить данные генеральнымъ судьей и сохранившіеся на оборотахъ самихъ челобитенъ собственноручные его отвѣты на каждую жалобу. Скажемъ только, что насильная покупка грунтовъ и прочаго имъ совершенно отрицалась и взамѣнъ ея—утверждался добровольный торгъ со стороны продавца. Почти во всякомъ отвѣтѣ Чарнышъ обращаетъ вниманіе на запоздалость жалобы и, намекая на Милорадовича, наивно спрашиваетъ: «И для чего передъ симъ не скаржился? Учинена была-бы справедливость! Знать теперъ з паущеня суплѣкуетъ, чили с приказаня»!

Въ общемъ дѣло съ Милорадовичемъ закончилось въ 1716 году вполнѣ благополучно для Чарныша, хотя еще и въ слѣду-

---

[1]) Генеральный судья Туранскій, въ помощь которому назначенъ былъ Чарнышъ, умеръ въ 1716 году, послѣ того, какъ происходили описываемыя событія и Чарнышъ, можетъ быть, потому и не ѣхалъ въ Глуховъ, что тамъ было кому рѣшать дѣла.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцк. полка, стр. 7.

ющемъ году эти два противника спорили изъ-за нѣкоторыхъ земель [1]). Чарнышъ, при несомнѣнной своей виновности, не только вышелъ сухимъ изъ воды, но получилъ еще, вслѣдъ за поставленіемъ своимъ въ генеральные судьи, нѣсколько универсаловъ, утверждающихъ за нимъ какъ скуплю, такъ и дающихъ новыя маетности: гетманъ, видимо, не скупился для своего зятя... Такъ, 19-го февраля 1716 года Чарнышъ получилъ универсалъ на скупленные имъ дворы въ Гадячѣ и множество мелкихъ грунтовъ при селахъ: Книшовкѣ, Римаровкѣ, Красной Лукѣ, Хитцахъ, Боркахъ, Сарахъ, Круткахъ, Рашевкѣ, Остаповкѣ, Ковалювкѣ—въ Гадяцкомъ полку, и при Батуринѣ, Митченкахъ, Шаповаловкѣ, Ксендзовкѣ, Алтановкѣ, Подоловѣ—въ нѣжинскомъ полку; 1 марта 1716 года гетманъ нашелъ возможность дать Чарнышу изъ принадлежавшихъ гадяцкому замку села: Сватки (144 двора) и Цѣпки (101 дворъ), находящійся подъ Гадячемъ, и 31-го іюля 1716 же года Чарнышъ получилъ на урядъ генеральнаго судейства «села Аксютинцы съ Пустовойтовскою и съ млинами, подъ Аксютинцами будучими, и иными грунтами и угодіями, ко восноможенію домовственному, что онъ при боку его гетманскомъ будетъ жити»... Но, какъ мы видѣли, Чарнышъ и не думалъ жить въ Глуховѣ, при «боку гетманскомъ», а проводилъ время въ своихъ маетностяхъ; тѣмъ не менѣе—предлогъ для дачи маетности былъ найденъ—и Чарнышъ получилъ цѣлыхъ два села...

Не окончилось еще дѣло Чарныша съ Михаиломъ Милорадовичемъ, какъ генеральный судья принужденъ былъ снова испытывать всю свою ловкость и изворотливость, дабы избавиться отъ новаго врага, хотя и мелкаго, но непріятнаго. Это былъ сотникъ ковалевскій (гадяцкаго полка) Аоанасій Кищешъ, называвшійся иногда просто Волошиномъ, т. е. волохомъ. Дѣло это, возникшее въ 1716 году, продолжалось цѣлыхъ восемь лѣтъ, и сводить послѣдніе счеты по нему пришлось уже вдовѣ Чарныша... Въ виду этого, а также того, что въ немъ наиболѣе характерно вырази-

[1]) Матеріалы Судьенка, II, 86—87.

лась личность генеральнаго судьи, считаемъ нужнымъ привести подробности о Кицешѣ [1]).

Въ одной изъ своихъ челобитныхъ этотъ упорный челобитчикъ на Чарныша разсказываетъ о себѣ и о причинѣ своего столкновенія слѣдующее. «Въ прошлихъ, государь, годѣхъ служилъ я вашему царскому величеству при войскѣ вѣрно и былъ противъ шведовъ в Калишской и в другихъ многихъ быталіахъ, и при Полтавской баталѣи, и на Турецкой акціи служилъ я вашему-жъ царскому величеству в волоскихъ полкахъ ротмистромъ; а послѣ Турецкой акціи, какъ войско вашего царского величества возвратилось назадъ и пошло вверхъ рѣки Прута,—и в то время былъ я, нижайшій рабъ, при свѣтлѣйшемъ князѣ Дмитріѣ Костентиновичѣ Контемирѣ. А какъ онъ, свѣтлѣйшій князь, по указу поихалъ изъ Украини в Москву,—и я, нижей менованній, остался з товарищи своими и с хоругвою подъ командою господина енерала фелтъ-мершала и ковалера графа Бориса Петровича Шереметева и былъ з два года, а не команди его вашимъ царского величества указомъ отпущени мы в Черкаскіе городи. и по разсмотрѣнію господина гетмана Іоана Илича Скоропадского опредѣленъ я в Гадяцкой полкъ, в мѣстечко Ковалювку, сотникомъ. А какъ я прибилъ на Украину (1713 г.) и опредѣленъ былъ сотникомъ в Гадецкому полку, и онъ, Чарнишъ, многіе разы призивалъ меня къ себѣ, говаривалъ, дабы я ево невѣстку, которая была за братомъ ево роднимъ Тихономъ, взялъ за себе, за которою обѣщался мнѣ пожитки мужа ея всѣ отдать, также отъ себя особливо—кафтанъ подбытъ соболями с вишитіемъ персопою царского величества, и ручался за опую, что оная его невѣстка, будучи вдовою полтретя года, пороку на себя никакова не учинила и роду хорошова; которая (невѣстка) была за мною (и) послѣ свадбы в шестидпехъ родила, которое (дитя) прижилъ блудно онъ, Чарнишъ. И онъ, Чарнишъ, мужа ея пожитковъ и обѣщанности мнѣ—кафтана—ничево не далъ. —И не хотя такой недоброй слави я, ниже іменованній, на себѣ понести и утаить,—и такое ево, Чарнишово, блудное житіе с тою ево невѣсткою, а

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ находятся въ бумагахъ А. М. Лазаревскаго, находящихся нынѣ въ университетѣ св. Владиміра. Мы пользовались ими благодаря любезности Н. П. Василенка, коему и приносимъ здѣсь нашу глубокую благодарность.

с моею женою обявилъ тамошнимъ (ковалювскимъ) обывателемъ, честнимъ особамъ, и господамъ полковникамъ: миргородскому (Апостолу) и гадяцкому (Милорадовичу) и Ѳедору Івановичу Протасіеву, и другимъ многимъ людямъ; о которомъ ево, Чарнишовомъ, недобромъ порядку чрезъ господина полковника миргородского, о такомъ дѣлѣ, в разговорахъ, будучи в Украинѣ, свѣдомъ его свѣтлость енералъ фелтъ-маршалъ и ковалеръ князь Александеръ Даниловичъ Меншиковъ, да обличастъ ево, Чарнишово, и доныне блудное дѣло—то рожденное дитя. И злясь онъ, Чарнишъ, на меня за то объявленіе и попошеніе, и второе—имѣя на полковника гадяцкого злобу для того, что оной полковникъ іноземецъ, а по имянному вашего царского величества указу пожалованъ на ево, Чарнишово, мѣсто въ Гадяцкой полкъ, также и я, нижей именованній, іноземецъ-же и на оного полковника (Милорадовича), по указу его, вибиралъ ярмарковіе гроши, какъ есть такой обычай,—и по той злобѣ оной енералной судя напалъ на меня нагло и пожитки мои и всякіе вѣдомости пограбилъ и разорилъ безъ остатку, и держалъ мене в Гадячу в крѣпости три недѣлѣ подъ карауломъ, и с того караулу висвободилъ меня Ѳедоръ Івановичъ Протасіевъ»...

Какъ только слухи, распускаемые Кицешемъ объ отношеніяхъ Чарныша къ невѣсткѣ, дошли до свѣдѣнія генеральнаго судьи,—тотъ немедленно порвалъ свои отношенія съ Кицешемъ, выселивъ его изъ своего дома. Когда это случилось, Кицешъ, повидимому, спохватился, что далеко зашелъ, и попытался помириться съ Чарнышемъ, но безуспѣшно... Въ ноябрѣ 1715 года онъ написалъ генеральному судьѣ любопытное письмо, въ которомъ униженно просилъ не лишать его крова въ зимнее время [1]).

[1]) Вотъ это письмо: «Велможній а премилостивѣйшій добродѣю мой, мосце пане судія енералній! Многосмо терпѣлъ отъ велможности вашей, премилостивѣйшаго добродѣя моего, даремной зневаги,—а то все чрезъ уданне злосливихъ на мя людей, яко и теперь чрезъ тое велможность ваша велите з дому своего панскаго виходить... А якъ-би звиклая милость ваша панская и родителская на мнѣ оказалася и поважною увагою своею спомнѣли тое, же я цалую волю вашу панскую вчинилъ (т. е. женился на вдовѣ Тихона Чарныша) и много пріобицалисте милости своей и ласку мнѣ, слузѣ своему и подножку, препослать, а теперь за оболганнемъ злихъ людей, велите из двору

Но видно, генеральный судья слишкомъ былъ разсержень на Кицеша,—и это письмо осталось безъ послѣдствій. Чарнышъ видимо рѣшилъ покончить съ Кицешемъ: но такъ какъ поднимать противъ него дѣло ему самому было неудобно въ виду ужъ очень скандальной для генеральнаго судьи подкладки его, то избранъ былъ другой предлогъ,—обиды, которыя терпѣли отъ Кицеша ковалевскіе обыватели. Дѣло, конечно, не обошлось безъ денежныхъ расходовъ со стороны Чарныша, и 6-го февраля 1716 года обыватели ковалевскіе Семенъ Драбъ, Ониско Андреенко и Демьянъ Перехристъ подали Чарнышу «супилѣку», въ которой, жалуясь на своего сотника, писали: «Будучи въ такомъ великомъ и незносномъ утяженю нашомъ, жалосную нашу до велможности вашей, милостивого пана и великого добродѣя, уносимъ скаргу о кривдѣ, которую дознались теперъ отъ пана сотника ковалювского, ижъ не маймтаючи на боязнь Божію, а нѣ тежъ уважаючи на каране надъ собою старшихъ, незносное утяженя обивателямъ нашимъ и кривди чинитъ: которіе люде о кривдѣ своей хотятъ жаловатися,—такъ онъ говоритъ такія слова, что будто тихъ бунтовниковъ обухами карати (будетъ), а намъ тромъ хочетъ волоскую карность задавати, а якую карность: Семену Драби хочетъ язикъ проколоти та вовками оченити, а Ониска Андреенка хочетъ на гакъ за ребро оченити, а Демяна Перехриста—на палю збити». Въ заключеніе этой «супилѣки» Драбъ, Андреенко и Перехристъ просятъ Чарныша освободить ихъ отъ такового «утяженя, да таковихъ убитковъ на себѣ поносить не можемъ, а въ дознаню милостивой ласки велце вашей панской на насъ,—въ томъ повиписмо Господа Бога за щасливое и многолѣтное ваше реймен-

---

виходить,—в томъ, хоча не на мя покажѣте звиклую милость, але на своихъ дѣтей и на зиму з двору не виходити,—бо когдабъ дома лѣтовалъ, то-бъ якъ колвекъ халупу себѣ вдѣлалъ, а теперь не могу: и не тилко з двору не виходити—покажѣте родителское свое и добродѣйское милосердіе и горливость, але еще на свои миліе дѣти пришлѣте, жеби на зиму чимъ пріодягнути... О всемъ и паки слезне испросивши, зостаю велможности вашей, премилостивѣйшему добродѣю, поволній слуга и подножокъ Афтанасъ Николаевичъ, сотникъ ковалювскій. З Ковалювки, ноембрія 17 дня, 1715 року».

тарское пановання благати отъ нынѣ и до вѣка».—Какой былъ результатъ этой челобитной мы не знаемъ, но надо думать, что онъ состоялъ именно въ трехнедѣльномъ тюремномъ сидѣніи Кицена, о чемъ онъ говоритъ въ приведенной выше челобитной. Этой мѣрой Чарнышъ надѣялся смирить Кицена и заставить его молчать, но тотъ, повидимому, этого не понялъ и продолжалъ распускаемыми слухами компрометировать генеральнаго судью. Тогда послѣдній возстановилъ противъ него уже большинство ковалювскихъ обывателей, имѣя въ виду удалить Кицена съ сотническаго уряда. Кицень, оказывается, узналъ раньше о готовящейся на него жалобѣ и вновь пытался примириться съ генеральнымъ судьей, обратившись къ нему съ униженнымъ письмомъ, но опять безуспѣшно[1])... Въ началѣ 1717 года Чарнышъ полу-

[1]) Приводимъ это любопытное письмо Кицена къ Чарнышу: «Велможній а премилостивѣйшій добродѣю и отче, мосцѣ пане судія енералній! Есть велможности вашей, добродѣеви моему и отцеви, с прикреннемъ мое подлое листовное частокротное прошеніе и отмовка в моей невинности. Теди, вѣдаючи слова Бозкіе: просите - и дастся вамъ, одознавши з початку на себѣ, подломъ пахолку и чужоземцу, значного на себѣ отъ велможности вашей милосердія, же не тилко за слугу, але раче якоби и за сина принявши, властію сотництва обдаралисте мя, которой ласцѣ благодаренъ бивши, всегда за щасливое пановаиіе и долголѣтное Всемогущаго Творца вѣрне благаю, и билъби гдѣ предъ знатними особами—ласкою таковою и милосердіемъ вашимъ панскимъ и отческимъ хвалюся, такъ и служу, и за мою вѣрность предней ласкы слезне жебраю и цале надѣю покладаю, же помилованъ зостану отъ велможности вашей, добродѣя моего и отца! Бо gдижъ отъ знатной особи, албо отъ честного человѣка, слово нестатечное и невѣрность не приняла!—Тилко отъ Семена Драба тое походитъ и гнѣвъ вашъ отческій на мнѣ оказуется, бо не токмо то онъ, Драбъ, що мене уже разивъ килка вдаетъ и турбуетъ, але и прежнимъ сотникомъ и инимъ людемъ фалшивими и неправдивими слови своими до гнѣву и турбаціи приводилъ и позви чинилъ, и всѣмъ его фалшивость и неправда есть явна. Зачимъ, велможній добродѣю и отче, не повѣраючи онаго плутству и его сверстникамъ намовленнимъ, и гнѣвъ свой панскій отложивши,—преднею ласкою прикрити мя, бо я велможности вашей не зоставалъ и не зостаю подступцею,—токмо вѣрнимъ слугою; также и дѣтемъ вашимъ панскимъ, якъ роднимъ отцемъ;

чилъ жалобу на Кицеша со стороны шенгирсевскаго атамана Кузьмы Симоновича о томъ, что «онъ, сотникъ, набѣгши до стада мірского и не знать зъ якой причини взялъ у меня яловицю, хотячи полковнику (Милорадовичу) удобрити, которую и до сего время завладѣлъ,—и прислалъ мнѣ напотимъ денегъ конъ три, и я не узялъ, бо неслушная цѣна, а я ей оцѣнилъ за сѣмъ конъ»; а затѣмъ были поданы жалобы на Кицеша и отъ ковалевскихъ обывателей. Воспользовавшись пребываніемъ въ Гадячѣ самого гетмана, ковалевцы подали ему реестръ обидъ, прося защиты. Изъ длиннаго списка насилій Кицеша приводимъ наиболѣе интересныя. Во главѣ списка стояло слѣдующее самое тяжкое преступленіе Кицеша: «1-mo) Афанасій Николаевичъ Волошинъ, при свидѣтельствѣ и.и. Мартина Стишевского, асаула полкового гадяцкого, Романа Корицкого—опошанского, Тимофея Лукашевича—гадяцкого и Леонтія Масюка,—веприцкого—сотниковъ—подавалъ пунктъ, такъ в себѣ маючій: «Что я, мовитъ, когда служилъ королю шведскому лѣтъ десять,—тогда много москалей, рубаючи и чистячи, кололъ своими руками, и впредь не зарѣкаюся чистити»; 2-do) похвалки чинилъ на старшину и козаковъ: язики рѣзати, на гаки скидати и голови ихъ на палѣ збываты». Затѣмъ идетъ длинный перечень отдѣльныхъ Кицешевыхъ насилій, изъ которыхъ приводимъ наиболѣе характеризующія его: «3-tio) козаками сѣно косить, оретъ і всякую работизну дѣетъ; 4-to) провіантового овса за трома рази забралъ осмачокъ 43; 5-to) козацкихъ пинковихъ грошей 180 золотыхъ забралъ; 6-to) отъ давнихъ лѣтъ царина

и що пріобрѣту моимъ не останется, але имъ будетъ по смерти моей. И нехай-би я през данную ласку вашу панскую въ тихомирности хлѣба кавалекъ моглъ зъисти, отъ того сутяжци и клеветника Драба уволнити,—нехай би онъ болшъ мною не турбовалъ! А за показанное ваше отческое и добродѣйское милосердіе виннимъ себе деклярую за многолѣтное ваше отческое пановаиіе до смерти житія моего Господа Бога благаючи, вѣрность прекладати, яко и зостаю Велможности вашой, премилостивѣйшому добродѣеви моему и отцеви, нижайшій слуга и подножокъ Афтанасъ Николаевичъ, сотникъ ковалювскій. З Ковалювки, февраля 2, 1717 року».

была для випуску волная одъ пашнѣ, теперъ закопавши себѣ. панщиною козаками изоравши, пашнею засѣялъ; 7-to) в Денисихи вдови надаремно, насилно, зол. пять грошей взялъ; 8-to) подъ часъ жнивъ зганяетъ людей з поля на свои ныви усиловне; 9-to) былъ шкляра, осердившися, безвынне; 10-to) тертичникамъ не заплатилъ десяти талярей грошей за свою домашнюю роботу: 11-to) теслямъ не заплатилъ золотихъ сорокъ;—13-to) торги за его великимъ здирствомъ не збываются;—19-to) Мартина Щербаченка, зазвавши в дворъ свой, за тое, що двохъ дубовъ ему, Волошинову, не далъ, былъ и поле отнялъ насилне; 20-to) Мартина Драбенка былъ напрасно пянiй; 21-to) Дениса козака без даня причини былъ и вязенемъ мордовалъ, ажъ мусѣлъ з вязеня втекти; 22-to) Гордѣя Шкуренка завернувши на дорозѣ, тирянско былъ, що не далъ за написане подорожной кони грошей; 23-to) шпиталнымъ старцомъ вигнанемъ на панщину и розною работизною творитъ великiе накости и обиды;—33-to) челядь при собѣ волохувъ держачи, з околичнихъ мѣстечокъ и сѣлъ (особливо з полку миргородского, полтавского и лубенского) конѣ крадутъ и по ярмалкахъ посторонних возячи, спродуютъ,—о которомъ его злодѣйствѣ совершенно вѣдаетъ его милость панъ полковникъ миргородскiй и самого его хвалився где поймати. тамъ и повѣсити (т. е. Кицеша); а злодюги челядники, чили—товарищи (Кицеша), своими половленнiе, в Гадяцкой турмѣ сидѣвши, одтоль повтѣкали,—всей старшинѣ Гадяцкой тое свѣдомо». «Да зособна», говорится въ концѣ реестра, «онъ-же, Волошинъ. удовствуючую зацную невѣсту, ковалювскую жителку Марiю Василиху, насилне при другой невѣстѣ Евдокiи Вовкувнѣ, в домъ свой зазвавши, згвалтилъ і еслибы и Вовкувна одтоль не втекла—то бы того же одъ его, Волошина, гвалту не уволнилася бъ, поневажъ его служка Іванко Волошинъ хатнiе двери былъ подперъ»... Подавая этотъ списокъ насилiй своего сотника, ковалевцы прибавляютъ отъ себя: «І ежели еще достойно, якъ онъ хощетъ, на тое сотницство быты ему урадникомъ по нижей слѣдствуемихъ пунктахъ (особливе в початку за противность iнтерессу монаршому)—подъ високое зверхнѣйшой власти подается разсужденiе»....

«Зверхнѣйшая власть» въ лицѣ гетмана передала жалобу ковалевцевъ на разсмотрѣніе генеральному судьѣ Чарнышу, а тотъ пока что́—смѣстилъ Кицепа съ сотничества и посадилъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, его въ тюрьму еще до рѣшенія самой жалобы. Сохранилось письмо, писанное Кицепемъ изъ тюрьмы къ Чарнышу отъ 22-го февраля 1717 года: «Велможній мосцѣ пане судія енералній, мнѣ, безвинне страждующему во узахъ, чадолюбивій отче и добродѣю! В сей моей нещасливой фортунѣ, которая завше омилними звикла поступати степени, не имѣю болшей ни до кого иншого, з кравоплачливими отъ незносного жалю неутолимими очесъ моихъ слезами, чрезъ всепокорственную, подлую и нижайшую челомъ—бытія моего харту, до стопъ погъ велможности вашей себе повергаю.—Вѣмъ убо воистинну, яко нихто не обрѣте у ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана милости таковой, якъ велможность ваша: вся можеши, елико хощеши по прежней своей отческой ку мнѣ, бѣдствующему в напасти, призирателной милости, якой и теперъ ищу и всеслезне прошу уволнити мене отъ сей напасти—не подати мене на такое поруганіе и поталу онимъ ковалювскимъ бунтовникамъ, якіе безвинне на мене повстали и до остатнего разоренія хощуть привести, а особливе сторони удания неправедного, овшемъ ложнаго! Подъ сумленнемъ христіанской души сознаю, же не знаю и не вѣдаю того, что они говоратъ на мене! А при уволненіи моемъ и отъ узъ свобожденіи, по премногой отческой своей милости,—повели, всемилостивѣйшой отче, свое високо поважное з суду енералного видати защитителное писаніе, абы не тѣшилися и не ругалися з прехитраго и злаго умишленія исполненіе помянутіи бунтовщики! Чаю и желаю горливого и благоутробного милосердія, якое получивши, долженъ зостаю зъ женою и дѣтми найвишшаго во благоутробіяхъ препебеснаго Творца, волно страждущаго на крестномъ полю Царя слави Христа Господа про особливое здравіе, щасливое и благополучное во премногія лѣта велможности вашой панованне благати. Велможности вашой, пану моему всемилостивому и человѣколюбивому отцу,

найнижшой рабъ Аѳанасій Николаевичъ. бувшій сотникъ ковалювскій».

Доказательствомъ тому, что дѣло объ обидахъ, причиненныхъ Кицепемъ ковалевскимъ обывателямъ. было начато и раздуто Чарнышомъ, служитъ свидѣтельство, выданное въ январѣ того же 1717 года группою ковалевскихъ козаковъ Кицешу: «Мы. товариство города Ковалювки (слѣдуетъ перечисленіе по именамъ 24 лицъ)—при собраню нашомъ на рынокъ под часъ дня недѣлного, не з нѣякого примушенія, але з доброхотной нашей волѣ, чинимъ вѣдомо и явно, гдѣ колвекъ сіе наше писаніе явленно будетъ: якъ прежнихъ нашихъ сотниковъ бывало, що отъ нихъ намъ укажется отбувати повинность войсковую и городовую, то жадныхъ нашихъ не подпѣмаемъ бунтовъ, але з охотою тое творимъ, що они намъ повелѣваютъ, вѣдаючи тое. же которій станетъ началникомъ, то намъ повинно его слухати и повиноватися и за началника мѣти,—такъ и сего нашего пана сотника Аѳанаса Николаевича мѣлисмо его за сотника и повиновалися, що намъ отъ него указанно, такъ и теперъ мѣемъ за сотника и мѣти хочемъ, жебы потомъкове его дождали надъ нами началниковати, бо gдижъ мы якъ не придетъ указъ отъ зверхнѣйшихъ, то отъ него жадной кривди не узнаемъ. и якъ зайдетъ указъ монаршій, рейментарскій и его милости пана полковника гадяцкого и кавалера македонского Михаила Милорадовича. то хто стается указовѣ противній и непослушній—то такова не сотникъ караетъ, але указъ панскій: якъ и теперъ Семенъ Драбъ и его соверсники давно звикли бунтоватися на сотниковъ и сами собою, такъ и теперъ не вѣдаемъ для чого бунтуются и пановъ турбуютъ... А ми, вишеписанніе товариство, отъ своего пана сотника на актахъ, гдѣ лучится, и тежъ в дому корчемномъ. отъ трезвого и отъ подпилого, не дознали зневаги и на грунтахъ нашихъ убила самоволного, хиба з ласки своей албо з повинности хто що дастъ, якъ належитъ старшему; гдѣ, даючи сіе наше свѣдителство, велце и покорне испрошаемъ и мѣти хочемъ его за сотника»—[1]).

---

[1]) Любопытна небольшая подробность: зная, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Кицешъ этого почти единственнаго говорящаго въ его пользу

Такимъ образомъ, послѣдній документъ и реестръ обидъ—дають двѣ совершенно противоположныя характеристики одному и тому-же Кицешу; несомнѣнно поэтому, что въ нихъ обоихъ большую роль играли подачки со стороны тѣхъ лицъ, кои были заитересованы въ томъ, или другомъ документѣ; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Кицеша поддерживалъ въ борьбѣ съ Чарнышомъ столь непріязненный послѣднему Михаилъ Милорадовичъ... Однако, послѣдній документъ, равно какъ и три свидѣтельства 1715 года, представленныя Кицешемъ отъ полковника браславскаго Григорія Ивановича (Иваненка) и отъ трехъ ротмистровъ полка Апостола-Кегича, у которыхъ служилъ ранѣе Кицешъ, о томъ, что послѣдній—человѣкъ «доброй»—ни къ чему не привели: свидѣтельство ковалевцевъ затерялось среди обвинительнаго матеріала, имѣвшагося въ рукахъ Чарныша, а свидѣтельства отъ сослуживцевъ Кицеша были написаны его земляками—и имъ, быть можетъ, просто не дали вѣры...

Получивъ въ свои руки жалобу ковалевцевъ, генеральный судья съ необычайной для него быстротой разобралъ ее, и 2-го марта 1717 года уже былъ готовъ декретъ генеральнаго суда; «чадолюбивый отецъ» не преклонилъ уха къ «слезному» письму Кицеша изъ тюрьмы... Въ декретѣ было сказано, что Кицешъ по всѣмъ поданнымъ на него пунктамъ повинился и потому долженъ былъ удовлетворить всѣхъ обиженныхъ имъ. Кромѣ того, безпристрастный и суровый на этотъ разъ генеральный судъ за «похвалки» и «кгвалтъ» приговорилъ Кицеша къ «арматному сидѣнію». а «що зась дерзалъ (говорилось дальше въ декретѣ) вижей намѣненіе з устъ своихъ неповстягливихъ вирекати неслушніе слова, за якіе ведлугъ права належало бы смертію карати;—но за докладомъ ясневелможному его милости пану гетману и за вѣдомомъ царского величества столника его милости господина Федора Івановича Протасіева—урадъ сотництва отъ его отобравши, впредъ з вѣрпими престолу монаршому служачими на всякомъ мѣстцу доброй репутаціи імѣти отказано»...

документа Чарнышу въ подлинникѣ не далъ, а оставилъ ему лишь засвидѣтельствованную копію...

На этомъ дѣло между Кицешемъ и Чарнышомъ, быть можетъ, и окончилось бы, но случилось такъ, что вслѣдъ за лишеніемъ сотничества, бывшій ковалевскій сотникъ потерялъ и свою жену Марину Романовну, имѣвшую отъ брака съ Тихономъ, братомъ генеральнаго судьи, двухъ дѣтей: Ѳедора и Агаѳью. Чарнышу представился новый предлогъ обидѣть Кицеша и онъ, заявивъ себя опекуновъ племянниковъ, рѣшилъ отобрать на нихъ имущество Кицеша, утверждая, что все почти имѣніе послѣдняго было получено имъ какъ приданое за женою. Обстоятельства генеральному судьѣ вполнѣ благопріятствовали: по его указанію сотникомъ на мѣсто Кицеша былъ назначенъ извѣстный уже намъ «Демянъ Перехристъ», ставшій уже съ этихъ поръ «Демяномъ Ивановичемъ» [1]), а городовымъ атаманомъ былъ поставленъ Семенъ Драбъ. Какъ мы видѣли выше, оба эти лица были первыми жалобщиками на Кицеша и состояли какъ-бы агентами Чарныша въ Ковалевкѣ. Имъ генеральный судья и поручилъ составить опись оставшагося послѣ Марины Кицешъ имѣнія, выславъ для этой цѣли отъ своего «боку панского» слугу «Василя», въ присутствіи котораго сотникомъ Демьяномъ и Драбомъ сперва была составлена опись, а затѣмъ состоялось и «опредѣленіе» «добръ» на дѣтей Марины отъ перваго ея брака съ Тихономъ. Въ силу постановленія ковалевскаго уряда, на племянниковъ Чарныша было отдано: «1) коня едного вороного; 2) едну клячу, а коня едного въ грабежѣ взялисмо за ронзикъ, что изъ срѣбра небожчишиного онѣй Афанасъ зробилъ и завладѣлъ; 3) бидла старого и малого 11; 4) овечокъ старихъ, ярчатъ и малихъ з козами и козенятами—58; 5) gарелъ лисици годованій з шлямами подлими—35; 6) кунтушъ лудановій зеленый женскій; 7) кунтушъ вишневый, отъ панѣ судѣной данный; 8) кунтушъ зеленый рецетовій, одъ панѣ судѣной данный; 9) кунтушъ атласовый жовтій съ бѣлками подбитій, одъ пана судѣ данній; 10) сподница штаметовая зеленая; 11) плахта шовковая червоная; 12) шталтъ червоный аксамитній,

[1]) 10-го мая 1717 года уже послѣдовалъ гетманскій универсалъ, коимъ Демьянъ Ивановичъ утверждался ковалевскимъ сотникомъ.

одъ панѣ судѣной данній; 13) два чепцѣ на аксамитѣ вишніовомъ заживаніе, одъ панѣ судѣной данніе; 14) серпанковъ два; 15) обрусовъ три; 16) хустка золотомъ шитая; 17) футро сѣбирковое старое; 18) сорочокъ шисть женскихъ; 19) килимціовъ чотире старихъ; 20) подушокъ двое; 21) коцовъ два; 22) пчулъ улліовъ 12; 23) вѣлчура чорная баранковая, бѣлими баранками жъ подшитая; 24) свиней старихъ и малихъ—18; 25) грошей одъ Григорія Кирсти, крамара комишанского, Тихоновскихъ справленнихъ—300 золотыхъ» и т. д.

Изъ этого перечня взятой Чарнышомъ «худобы» своей невѣстки якобы на ея дѣтей видно, какую заботливость выказалъ генеральный судья о своихъ племянникахъ: онъ не забылъ даже «чепцовъ и сподницъ»... На самомъ дѣлѣ все это имущество Марины Чарнышъ забралъ на себя; самому же Кицешу почти ничего не осталось: все было отдано въ опеку генеральному судьѣ. Послѣдній навѣрное ожидалъ жалобы на себя со стороны обиженнаго имъ Кицеша, почему и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы быть готовымъ встрѣтить обвиненіе. Самое лучшее было совершенно стереть съ лица земли Кицеча, и генеральный судья пробовалъ было поднять противъ него обвиненіе въ «забитіи» имъ своей жены Марины, но священникъ ковалевскій засвидѣтельствовалъ, что она «Божіими судбами померла». Тогда оставалось лишь свѣдить за дѣйствіями Кицеша, жившаго въ Ковалевкѣ и собирать противъ него свидѣтельства о насиліяхъ, а особенно о «похвалкахъ» и всемъ касающемся «до монаршого интересу». На «продерзостныя» слова Кицеша Чарнышъ главное свое вниманіе обратилъ потому, что обвинить въ невѣрности своего врага генеральному судьѣ казалось самымъ вѣрнымъ средствомъ объяснить и свои насилія по отношенію къ нему и, быть можетъ, удалить его и совсѣмъ изъ предѣловъ Малороссіи.

Вѣрные агенты Чарныша въ Ковалевкѣ—Демьянъ Ивановичъ (сотникъ) и Семенъ Драбъ (атаманъ) неусыпно слѣдили за Кицешемъ и немедленно доносили о всемъ, что касалось до дѣла его съ Чарнышомъ. Между прочимъ, они сообщали генеральному судьѣ съ мельчайшими подробностями, сколько въ настоящее время

у Кицеша жита, ячменя, какіе имъ были сдѣланы расходы на погребеніе жены своей и что пошло на этотъ предметъ изъ ея имущества и т. д. Въ одной изъ «цѣдулъ» своихъ они пишутъ: «Сіе до уваги велможности вашой являемъ, что того в насъ на городѣ немаешъ, яко онъ, Волошинъ, жонкамъ двомъ gвалтъ починилъ, и о коняхъ, покраденихъ нимъ же Волошиномъ: *надъемся, якъ можетъ бити, у вашой велможности тое записано*». Самымъ же цѣннымъ документомъ, доставленнымъ сотникомъ Демьяномъ и Драбомъ Чарнышу, былъ слѣдующій, въ которомъ сообщалось о явныхъ намѣреніяхъ Кицеша жаловаться на генеральнаго судью: «Передъ намы, врадомъ ковалювскимъ, Демяномъ Івановичомъ—сотникомъ, Семеномъ Драбомъ—атаманомъ городовимъ—значная дѣялася винарація продъукованной инквѣзиціи взглядомъ Афанаса Николаевича, бившого сотника ковалювского, такъ подлугъ его учинковъ и велерѣчивого его язика, завзявши на врадъ нашъ и на всѣхъ гражданъ нашихъ не малую контру, невинне на насъ, токмо за его власніе учинки се мстячи, не толко промежку пародомъ гражданъ нашихъ, лечъ и по инихъ сторонахъ, во иномъ полку, неспособніе и людемъ неужитіе похвалки плодитъ на висоце поважній гоноръ, особливе на врадъ нашъ ковалювскій и на всѣхъ гражданъ,—что по свидѣтелству неложномъ, в нижеписанныхъ пунктахъ очне предъ нимъ обясняется таковимъ достовѣрнимъ а слушнимъ доводомъ. Сего нижеписанного марта 19 Петро Бойченко, житель сорочинскій, прибувши за своимъ дѣломъ в Ковалювку (при случаю, мовитъ, сторони Аффанаса Волошина), сознавалъ предъ нами, виже писанними особами: «Ижъ, мовитъ, чулемъ на перевозѣ Баранувскомъ отъ перевозниковъ Баранувскихъ, ижъ впредъ тутъ ехалъ Волошинъ, сотникъ ковалювскій, изъ Сорочинецъ и такъ говорилъ: «Билемъ у пана полковника миргородского и не засталемъ, же в Кіевѣ обрѣтается, и я, мовитъ, воскорѣ буду простовати в Кіевъ до князя Голицина, где тамъ же и панъ миргородскій, прекладаючи жалобу о забраню худобы моей отъ ковалювцовъ». Сего-жъ марта 20. «И якъ прибулъ Василь, посланій отъ пана судіи енералного войскового з поважними его писмами панскими о раздѣленію худобы з

дѣтми, оній Волошинъ, будучи упарностю знятій, называлъ всѣхъ насъ, више писанних особъ, драпѣжцами и *булавинцами* и обухъ ухвативши и шаблю, похвалялся на Семена Драба, атамана нашего городового, «ижъ, мовитъ, на тебе я сей обухъ держу и шаблю,—чого и не увойдешъ», и называлъ атамана Драба собачою вѣрою, жидомъ, псою бородою и инимп неучтивими слови, что свѣдители всѣ више писанніе особы и на тотъ часъ згодившіеся.—Лаврѣнъ Романенко, шуринъ Афанасовъ Волошиновъ, посвѣдчаетъ на Афанаса Волошина таковіе слова неудобніе: «ижъ, сдучи сего зимнаго времени сапками з Волошиномъ до Гадячого, и чулъ таковую мову отъ Волошина: «ижъ, мовитъ, мѣю скаргу прекладати въ Кіевѣ до князя Голицина на пана судію енералного, что сердячися на пана полковника гадяцкаго (Милорадовича), позволилъ козакамъ ковалювскимъ худобу мою разобрати [1]), и чулемъ отъ волохъ, же давно князь Голицинъ на пана суддю *зубы стриже* и мѣетъ его, суддю, повѣсити. А если бы не мѣло бы право мнѣ бути в Кіевѣ, то мѣю намѣреніе простовати ажъ до Пѣтербурху, и хочай тамъ буду служити за солдата и в постоляхъ ходити, любъ сколка роковъ, а своего достою, ижъ в десятеро буду брати за свою худобу, и еще я самъ лучше подновлю, же конечне его, пана суддю, повѣсятъ». Сію мову више реченній Лаврѣнъ ему, Волошину, презентовалъ при всѣхъ насъ, вишписанних особахъ, а оній Волошинъ жадного виводу з собѣ не далъ, тилко тимъ словомъ притится. Грицко Сѣчка и Иванъ Коваленко посвѣдчаютъ предъ нами, вижеписанними, ижъ чули отъ Василя Волошина, брата Афанасового, таковую мову: «же скоро води стягнутся,—Афанасъ, братъ мой, мѣетъ ехати въ Кіевъ до князя Голицина, а с Кіева до Пѣтербурха, скаргу заносити о розибранной худоби отъ ковалювцовъ», якъ и самъ Василь предъ нами очне а доброволне тіе слова презентовалъ. Самъ Афанасъ Волошинъ в тотъ часъ, якъ худобу дѣ-

[1]) Рѣчь идетъ о тѣхъ «добрахъ» Кицеша, которыя были розданы на основавіи декрета 2 марта 1717 г. ковалювскимъ обывателямъ въ удовлетвореніе за убытки, понесенные ими отъ Кицеша.

лили з дѣтми, ганилъ Семена Драба, атамана нашего городового, и такими слови домовлялъ, називаючи чаровникомъ: «же ти, мовитъ, винника и виничку отрулъ и ихъ з свѣта людей позганялъ!» И тимъ словомъ мы, вище писанніе особи, свѣдоми и праведно сознаемъ. Мы теди врадъ, слишачи таковое свѣдительство на оного Волошина при вище писанихъ особахъ, персоналне ему договоруючи, до слушности велѣлисмо сію инквизицію ретелне, подлугъ самой совершенной правди, записавши, до висоце поважного респекту велможности вашой преподаемъ. Року 1717, марта 27 дня».

Какъ было упомянуто выше, Чарнышъ, зная объ упорности Кицепа и ожидая отъ него на себя жалобы, собиралъ свидѣтельства о «рѣчахъ» Кицепа. Такъ, еще 7-го февраля 1717 года сотникъ веприцкій Леонтій Масюкъ писалъ Чарнышу: «Велможній и благородній мосцѣ пане судія енералній войсковій, мой велце премилостивѣйшій пане и великій добродѣю! На высоце поважное велможности вашоя писаніе и на пунктъ той, что в листѣ вашомъ панскомъ выражено о мовѣ словесной пана сотника ковалювского, такій мой служебничій отдаю отвѣтъ.—Когда прибулемъ в Опошное з своей квартери, в тое время у пана сотника опошанского в дому учулемъ отъ пана Мартина Штишевского, асаула полкового гадяцкого, отъ пана Романа Корицкого, сотника опошнянского, и отъ пана Тимофѣя Лукашевича, сотника уѣзду сѣлъ гадяцкихъ, таковія слова, будто панъ сотникъ ковалювскій говорилъ тое, что *я при королевѣ шведскому служилъ и много того поганства москалевъ чрезъ тое время надчистилъ*».—«Самослишатель» этихъ словъ—сотникъ опошанскій Романъ Корицкій 8-го февраля писалъ генеральному судьѣ: «Поневажъ по злеценю вашой панской милости писалъ до мене панъ асаулъ Кграбянка указомъ вашимъ же панскимъ, жебы совершенно учинилъ извѣстно на писмѣ о вирекенныхъ неподобныхъ словахъ сотника ковалювского,—ознаймую: ижъ, когда остался панъ Мартинъ (Штишевскій) наказнимъ полковникомъ надъ товариствомъ, тутъ зостаючимъ, теди якось случилось обѣдать в дому моемъ пану асаулу Мартину жъ, пану сотнику ковалювскому и рашев-

скому, и при тихъ особахъ говорилъ сотникъ ковалювскій такую рѣчь: «*же я правъ служилъ лѣтъ подъ десятокъ при шведови и много москалей рубалъ и кололъ*», о чомъ могутъ праведно и помянутіе особы вашой панской милости предложити». Иванъ Пиратинскій, сотникъ полковой гадяцкій, и Мартинъ Штишевскій, асаулъ, своими письменными свидѣтельствами подтвердили тѣ же «неслушніе» слова Кицеша.

Между тѣмъ, пока генеральный судья собиралъ эти «сказки», изъ Ковалевки къ нему поступали новыя доношенія о поведеніи Кицеша. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Чарнышу, тамошній сотникъ Демьянъ Ивановичъ сообщалъ, что когда составлялась опись «худобы» Марины Кицешевой, то «бывшій сотникъ Афтанасъ вирекалъ таковіе слова: «же правѣ водите меня самого, поки я буду васъ всѣхъ водити, та не таковымъ способомъ, але лутше, и будетъ хтось тому и не радъ!» При этомъ Кицешъ говорилъ еще «публѣчне»: «Хто в мене озметъ едно, то возвратитъ четверицею, бо я симъ судомъ, не во правду учиненнымъ, не контентуюся и потомъ будетъ хтось тому каятися!» Еще подбиваетъ (пишетъ далѣе Демьянъ Ивановичъ Чарнышу) «из собою Василя Вишничепка, щобъ совокупне поехати в Пѣтербурхъ прекладати жалобу на судъ войсковій енералній за то, що отъ уряду отдаленъ зосталъ—и еще при сей о нихъ порадѣ якоби то на поважній гоноръ велможности вашой (говорилъ) страшніе словеса, *которихъ намъ неудобъ зрекати и характеромъ обявляти*,—хиба сей Лаврѣнъ, братъ небожки, якъ намъ говорилъ, такъ и велможности вашой устне змовитъ... И телко то (заканчиваетъ Демьянъ свое письмо), велможній добродѣю, болшіе его Афтанасіеви словеса допошаемъ, самихъ себе остерегаючи, а що много есть похвалокъ и словъ *гнилихъ*,—то вопще пускаемъ».—Въ «цѣдулахъ» сообщается еще Чарнышу конфиденціально, что въ реестръ имѣній Марины не вписаны были еще «саняновъ два, гарелъ лисичовихъ подъ сорокъ совокупне зъ рушниками», и присовокупляется: «Еще, велможній добродѣю, чого совершенно не знаемъ: що то за рѣчь есть, же житель комишанскій з Кіева привезъ,—то тоею рѣчу барзо Афтанасъ утѣ-

шается и нѣкоторуюсь надѣю покладаючи, уфность мѣетъ». Въ апрѣлѣ Демьянъ и Драбъ жалуются Чарнышу, что Кицешъ къ исполненію декрета генеральнаго суда «старанія отнюдь не прикладаетъ» и, отъѣзжая въ Гадячъ, говорилъ: «За тіе добра вдесятеро будете платити!»

Кицешу въ Кіевъ къ князю Голицину пробраться почему-то не удалось; однако, онъ какимъ-то образомъ успѣлъ получить отъ Меньшикова «писаніе» къ гетману, у котораго онъ рѣшился искать защиты. Въ своей челобитной къ гетману Кицешъ писалъ: «Ясне велможній мосцѣвій пане гетмане, мнѣ велце премилостивѣйшій добродѣю и великій патроне! Слезне упадаючи до ногъ ясновельможности вашой, прекладаючи скаргу на пана Івана (sic), судію енералного, которій-то мнѣ презъ немалое время великіе утиски и гоненіе чинитъ, обличаетъ мене словами неудобними, ижъ би велможности его якіе противніе слова мовилъ—якихъ я не знаю,—тилко з ненависти тое мовилъ панъ судія на меня. Я, в томъ невѣдаючи, великою клятвою заклинаю себе: нехай Господь Богъ на душѣ и тѣлѣ покараетъ, ежели что колвекъ бы мовилъ я о велможножности вашой, просячи на себе вашого милосердія, тилко-жъ не чулъ жадного прикрого слова отъ ясне велможности вашой и до сего часу... Але Господь Богъ вѣсть, зъ якой причинѣ панъ судія таковую ненависть имѣетъ на мене,—тилко Богъ вѣсть»,—увѣрялъ гетмана Кицешъ. «А я теперъ», писалъ онъ далѣе, «за его ненавистю не маю себе жадного пристановища: издплемъ до многихъ полковниковъ, просячися, ижъ-би приняли до ласки своей—и не пріймаютъ, знаючи мене, же я въ сродствѣ зостаю пану судѣ... Когда бувъ ясневелможность ваша въ Гадячомъ безъ битности пана полковника Михаила Милорадовича гадяцкого, въ тотъ часъ з примусомъ п. судѣ ковалювскіе люде ковъ поддіймовали на мене»... Далѣе мы узнаемъ изъ этой челобитной, какимъ образомъ генеральный судья устроилъ, что «писаніе» Меньшикова къ гетману съ просьбой объ опредѣленіи сотникомъ въ Ковалювку вновь Кицеша,—осталось безъ послѣдствій. «Теперешнихъ часъ, до вашей велможности залецаючи, писалъ свѣтлѣйшій князь объ мене, аби я

помилованъ билъ отъ ясне велможности вашой, которое и подалъ я жъ велможности вашой, ожидаючи ласки—тилко не получилемъ, але болшое учулъ на себе отъ пана судѣ гоненіе. В тотъ часъ, безъ битности пана полковника гадяцкого, приказалъ панъ судя сотниковѣ ковалювскому Демяну Перехристенковѣ, аби ис тамошними людми (болше, нежели пятдесятма человѣками) пріѣздилъ в Глуховъ,—и сотникъ, по указу его, пріѣхалъ на Рождество Іоанна Предитечи». По увѣренію Кицеша, «судя намовлялъ онихъ людей, аби мене не пріймовали, многіе причини випаходячи неправдивіе, а я (прибавляетъ Кицешъ)—на тотъ часъ въ сѣняхъ велможности вашой стоялъ и чулъ тое, що судя людемъ говорилъ... А хто имѣлъ би що за мною, мизернимъ, говорити,—по запрещенію судѣ не можетъ, страха ради. И тое велможности вашей доношу», продолжаетъ Кицешъ, «же такіе похвалки чинитъ на мене, бѣдного, мовячи: «Такъ учиню я тебѣ, аби булъ повѣшенъ!» І единого часу случилося мнѣ сидѣти съ паномъ сотникомъ ковалювскимъ и мовитъ мнѣ панъ сотникъ: «Панъ Афанасій, нехай тебѣ Господь Богъ хранитъ! Чулемъ я, же панъ судя мовилъ такъ з великимъ гнѣвомъ, похваляючися: «Уже одъ моихъ рукъ не увойдетъ: по прежнему, мовитъ, повѣшенъ будетъ!» И козаки, которіе били в тотъ часъ, в ти жъ слова мовили: «Будетъ старатися, аби ты бувъ повѣшенъ!». «Слишачи я таковіе слова», продолжаетъ свой разсказъ Кицешъ, «неудобь зносиміе сердцу моему, мушу вслѣдъ свѣтлѣйшого князя ихати, также и предъ лице великого монарха его царского пресвѣтлого величества, обявляючи скорбь, также и худобу свою доходячи, которую пограбилъ панъ судя, не вѣдаю з якой причини, и ковалювцамъ пораздовалъ, кому онъ зналъ». Свою челобитную Кицешъ заканчиваетъ такъ: «Тое все все велможности (вашой) описавши, всю мою скорбь и тѣсноту, самого полецаю ласце велможности вашой и зостаю нижайшимъ слугою: ясневелможности вашой нижайшій рабъ и служити радъ Афанасій, грѣшній иноземецъ, сотникъ бувшій ковалювскій».

Должно быть, положеніе Кицеша было ужаснымъ, если даже такой его врагъ, какъ сотникъ Демьянъ, предупреждалъ о гро-

зящей ему опасности... Положеніе разореннаго Чарнышомъ Кицеша ухудшилось въ это время еще какой-то ссорой съ Милорадовичемъ; причины ея намъ неизвѣстны, но она была настолько серьезна, что Кицешъ собирался ѣхать жаловаться въ Москву и на него... Энергичный Кицешъ подалъ жалобу на Милорадовича сперва гетману, а затѣмъ, зная о враждебныхъ отношеніяхъ между Чарнышомъ и гадяцкимъ полковникомъ, написалъ, передъ своимъ отъѣздомъ генеральному судьѣ письмо, въ которомъ просилъ его «своимъ поважнимъ и премудримъ словомъ за мною, бѣднимъ сиротою, на чужинѣ остаючомусь, велможному добродѣеви его милости пану гетману примовити о поданную супплѣку ис пунктами его панской велможности на пана полковника гадяцкаго у великихъ мнѣ отъ его, пана полковника, кривдъ дѣючихся,—дабимъ получилъ якій отвѣтъ.—И поради велможности вашой прошу: ежели ясневелможній панъ гетманъ не схочетъ его, пана полковника, на томъ усилковати, чтобн моя вся утрата нимъ, паномъ полковникомъ, дѣячаясь, при мнѣ била, то (заключаетъ свое письмо Кицешъ) благослови мнѣ, велможній пане, при сюй оказіи до лица царского величества отъиздити!» Однимъ словомъ, Кицешъ не зналъ, съ какой стороны подойти къ генеральному судьѣ, и наивничалъ съ нимъ, умалчивая въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ нему о томъ, что онъ и на него подалъ гетману челобитную.

По ни по дѣлу своему съ Чарнышемъ, ни по дѣлу съ Милорадовичемъ Кицешъ у гетмана результата никакого не добился. По крайней мѣрѣ, въ началѣ 1718 года, когда гетманъ былъ въ Москвѣ, то тамъ же находился и Кицешъ, подавшій на этотъ разъ свою жалобу на Чарныша прямо «министрамъ». Какимъ образомъ Чарнышъ выпустилъ изъ своихъ рукъ Кицеша и позволилъ ему пробраться въ Москву—мы не знаемъ. Быть можетъ, что Кицешъ успѣлъ это сдѣлать, замаскировавъ свое настоящее намѣреніе—жаловаться на Чарныша—желаніемъ найти судъ надъ Милорадовичемъ и провелъ Чарныша такимъ образомъ. Несомнѣнно, однако, и то, что Кицешъ хотѣлъ жаловаться и на Ми-

лорадовича, но не могъ этого сдѣлать по причинѣ, о которой узнаемъ ниже. Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ дѣло принимало для генеральнаго судьи неблагопріятный оборотъ: хотя онъ уже давно былъ извѣстенъ въ Москвѣ своими насиліями, все же разоблаченіе его отношеній съ Кицешемъ не могло входить въ его интересы. Но съ неизмѣнной ловкостью Чарнышъ и на этотъ разъ выпутался изъ бѣды, давъ дѣлу совершенно иной ходъ. Много помогли ему и сами «министры», передавшіе жалобу Кицеша самому гетману, а въ такомъ случаѣ дѣло для Чарныша становилось совершенно легкимъ и малосерьезнымъ... Но не зная еще о судьбѣ жалобы Кицеша, Чарнышъ поднялъ вопросъ о сомнительности «вѣрности» вообще всѣхъ иноземцевъ, получившихъ уряды въ Малороссіи, и тѣмъ отвлекъ вниманіе гетмана отъ частнаго своего дѣла съ Кицешемъ. Гетманъ настолько былъ встревоженъ слухами, доходившими къ нему, должно быть, черезъ посредство Чарныша, о гетманствѣ Кантакузина и о прочемъ, что немедленно же выслалъ изъ Москвы «розищиковъ»: Романа Бороховича и Стефана Максимовича, которымъ удалось собрать нѣсколько фактовъ, касающихся вѣрности Кицеша и другихъ. Кромѣ того, самъ Чарнышъ вновь затребовалъ отъ извѣстныхъ уже намъ «самослишателей» «рѣчей» Кицеша «сказки» по этому поводу. Но было найдено кое-что и новое. Такъ, между прочимъ, въ апрѣлѣ 1718 года, когда Кицешъ вернулся изъ Москвы и былъ въ Галячѣ, священникъ святоуспенскій гадяцкій Георгій Терпѣловскій, зная о враждебныхъ отношеніяхъ между Милорадовичемъ и Кицешемъ, очень удивленъ былъ, увидѣвъ послѣдняго въ домѣ Милорадовича. При этомъ былъ и протопопъ гадяцкій Семенъ Михайловскій, спросившій Кицеша: «Якъ и гдѣ, вашмость, поѣднался зъ паномъ полковникомъ?» И онъ, сотникъ, при всѣхъ насъ (священникахъ), осклабившися, вслухъ всѣхъ священниковъ, такъ мовилъ: «Трудно мнѣ было не прощатись, бувши на Москвѣ, поневажъ тамъ и кого-нибудь смиряютъ!» И далѣй мовилъ: «Якъ мнѣ не було тамъ смиритись, поневажъ на пана полковника (Милорадовича) великая является царская

ласка и такая милость, якой и гетманъ не маетъ!» [1]) Былъ полученъ Чарнышемъ и еще одинъ любопытный документъ: это разсказъ бывшаго комышанскаго сотника Ивана Крупки (въ іюлѣ 1718 года): «В прошломъ 1716 року, в мѣсяцю октоврію. по Покровѣ (такъ начинаетъ свой разсказъ Крупка), случилось мнѣ, мовитъ, в куренѣ волошина Афанасія бути (тогда сотникомъ ковалювскимъ найдуючогося) и в посидѣню переговорувати: в той часъ, при иншихъ рѣчахъ, сказалъ Афанасій: «Тебе, Крупко панъ полковникъ гадяцкій (Милорадовичъ) тилко для початку з уряду скидаетъ, а то еще мислитъ и цѣле забрати асауловъ полковихъ Григорія Кграбянку, Мартина Штишевского и Романа Корецкого, сотника опошнянского, да на ихъ мѣстце асауломъ Толпу (?) волошина, а Албанина сербина—сотникомъ опошанскомъ учинити, и всѣхъ сотниковъ оддалившн, своихъ подручныхъ сербовъ и волохъ на власти понаставляти—того ради: же когда трафится з ордою потичку имѣти, полковникъ говорилъ: «Добре буде, якъ всіи старшина мои... перекинутись до орди, и козаковъ... мѣсто ясиру запровадити, ибо за моею, мовитъ, старшиною мусятъ всѣ по указу, куди поведутъ, хочъ въ неволю, за началними своими ити и служити повинни»! «И можетъ чого тогда и болше говорилъ», прибавляетъ Крупка, «да слуга полковничій позвалъ его (Кицеша) на вечеру». Этотъ-же Крупка разсказывалъ еще слѣдующее про Кицеша: «Сего настоящаго 1718 року, предъ постомъ великимъ, когда обачилъ Опанаса волошина на рынку глуховскомъ з нѣякоюсь московкою переговоруючого, пришолъ до оного и вопросилъ: «Що говорите тайно? Скажи, мовитъ, и минѣ!» На що одповѣдалъ Опанасъ: «Говоритъ московка сяя вѣдомость з Москви певную, ижъ уже гетманомъ *нашъ* Каптакузинъ, а не сей *вашъ* гетманъ», и тое сказавши (продолжаетъ свой разсказъ

[1]) Кицешъ, какъ мы видѣли выше, ѣздилъ въ Москву жаловаться на Милорадовича, но принужденъ былъ «смириться», увидѣвъ «великую царскую ласку» на этомъ полковникѣ. Въ этомъ и заключается причина того, что Кицешъ и не подалъ жалобы на Милорадовича, а поспѣшилъ помириться съ нимъ.

Крупка): «Ходимъ, мовитъ, до моей волошки, где сія московка ночовала». «Куда якъ пришли, заразъ заговорилъ Афанасъ до ней по волоски, аже тая волошка русскимъ язикомъ отповѣдѣла: «Якъ я маю з тобою по волоски, и по руску зкажу тебѣ же ти скурвій сыну, шалбѣре! Чого ти в мене питаешси, чи буде Кантакузинъ, чи тежъ сей нашъ теперешній гетманъ? Бо намъ—що попъ—то батько, и дѣла намъ до сего нѣтъ!» На основаніи этого «ставленъ» былъ къ отвѣту передъ слѣдователями Кицешъ, который сказалъ: «На старшину полковую: асауловъ Кграбянку и Мартина, на Коринцкого—опошанского сотника, и прочіихъ сотниковъ хвалился полковникъ з уряду поскидати», а щобъ перекинутись до орди и козаковъ за ясиръ отдати—запирается». «На потомъ», продолжаетъ «розыщикъ», «будучи уже на дворѣ, одозвался тотъ-же Опанасъ волошинъ и по согласіи Крупчиномъ до оной московки свѣдомитись признался, мовячи: «Московка а Ляхневичева жона говорила, что Кантакузинъ, мовитъ, нашъ одноземецъ, гетманъ, а не вашъ теперешній будетъ», якіе слова повторително Афанасій предъ Крупкою повторилъ». Призвали Марью Ивановну Ляховку, жительку глуховскую, которую Крупка назвалъ волошкою, и та «на питаніе» показала: «Сего 1718 року, о мясной недѣлѣ, пришли до мене Афанасъ волошинъ з Крупкою Іваномъ, бывшимъ сотникомъ комишанскимъ, в домъ мой и почалъ говорити до мене по волоску: «Якіе ти чула вѣдомости з Москви? Ижъ, мовятъ, уже Кантакузинъ гетманомъ намъ будетъ, а сей гетманомъ не будетъ? Того ради и намъ, мовитъ, добре будетъ! Сего ради и я на Москву пойду!» На що я отповѣдала Афанасію по роскій: «скурвій сыну, шалвѣру, ти мнѣ тое говоришъ, чого я не знаю и не вѣдаю», и налаила его, мовячи: «Я бъ тобе очи вибила, ежели бъ не для сего доброго человѣка! Что буде—то буде, до того дѣла намъ нема!» Марья Ляховка ссылалась на мужа и домашнихъ, которые подтвердили справедливость ея словъ, а призванный Кицешъ «до всего того доброволне признался» [1])...

[1]) Кицешъ сказалъ еще, что онъ и отъ слуги Кантакузина слышалъ, будто Кантакузинъ будетъ гетманомъ, а потому «на доводъ

Какой же результатъ получился челобитной Кицеша въ Москвѣ? Какъ мы сказали выше, она была передана гетману: послѣдній же не обратилъ на нее вниманія... Такимъ образомъ цѣль, имѣвшаяся Чарнышомъ въ виду при началѣ розыска, была отчасти достигнута; отчасти—потому, что ни Кицешъ, ни другіе сорбы и волохи совершенно не пострадали изъ-за разоблаченной ихъ «невѣрности»... Правительство русское, быть можетъ, предпочитало имѣть такихъ урядниковъ въ Малороссіи, нежели послѣ Мазепиной измѣны—урядниковъ изъ мѣстнаго элемента... Но за то, Чарнышъ жестоко отомстилъ Кицешу за его попытку жаловаться на него въ Москвѣ.

«И у прошломъ 718 году», писалъ Кицешъ впослѣдствіи, «онъ-же, Чарнышъ, умисля, дабы меня за вишеозначенную окказію (поѣздка въ Москву) и что я на него билъ челомъ въ Москвѣ, разорить безъ остатку и в турмѣ уморить (такъ же, какъ и другихъ онъ уморилъ, державъ в турмѣ многіе годы напрасно),ославъ по меня канцеляриста Максимовича и Романа Бороховича, а с ними двухъ драгунъ, и напавъ на меня вишеприсланніе отъ него, Чарнища, на сонного в мѣстечкѣ Зенковѣ, и по повелѣнію ево били меня и мучили безъ милосердія и изграбили (а грабежемъ взяли в меня двалцятъ пять таляровъ, да далъ шапки цѣною по рублю); и взявъ меня и заковавъ в кайдани, и привезли къ нему, Чарнишу, в Глуховъ; и онъ, Чарнишъ, вторично в томъ Глуховѣ билъ меня и увѣчилъ смертнимъ боемъ безъ милосердія; и послѣ того ругателства в третей разъ еще ве-

---

невнѣйшій самъ Іванъ Бутовичъ, сербинъ, повѣдалъ: «Случилося мнѣ, мовитъ, чути одъ господиновой Кантакузиновой до его, Кантакузина, мовячіесь слова: «Ижъ досить уже тобѣ такъ войсково служить! Але просити мусишь отъ Государа такового помилованія, щобъ в Украинѣ гетманское офѣцію одержалъ?» И сіе чувши, помянутій Іванъ много иншимъ и постороннимъ людямъ разголосивъ, а всіи дворніи Кантакузина сію повѣсть пропонуютъ, якоби того ради онъ, Кантакузинъ, и на Москву поехалъ, аби столецъ гетманства одержалъ в Украинѣ». Весьма возможно, что изъ этого источника и пошли слухи о гетманствѣ Кантакузина...

лѣлъ меня бить и мучить и ругаться немилостивно, и далъ мнѣ *триста кіевъ,* и бросилъ меня замертво в турму и держалъ недѣль з десять, отъ которого незносного и нестерпимого тиранскаго мученія былъ я боленъ при смерти и лежалъ в безпамятное долгое время и *тѣло мое не токмо черви ѣли, но и шмати изъ тѣла моего отпадали* [1])... И многократне до себе приводячи, говорилъ оній Чарнишъ мнѣ з великимъ пристрастіемъ: «Могу я у тебя ту дорогу перепять! [2]) И в прежде ти меня такъ поносить и безчестить. и великому государю другой разъ бить челомъ не будешь! Имѣю-де я надѣяніе на Бога: нетокмо сербыновъ—и всѣхъ васъ волоховъ изъ Украини каменіемъ вибити!»—А мы (прибавляетъ Кицешъ), вашему царскому величеству не измѣнники,—слуги добріе и служили вѣрно и впредь служить тебѣ, великому государю, и за ваше царское величество, и за православную христіанскую вѣру кровъ свою проливать желаемъ и всегда готови неизмѣнно».

Таковы были послѣдствія поѣздки Кицеша въ Москву... Чарнышъ же ничѣмъ не поплатился; напротивъ, гетманъ, бывшій одновременно съ Кицешемъ въ Москвѣ, выхлопоталъ своему зятю царскую грамоту (отъ 3-го іюля 1718 года), коей утверждались за нимъ всѣ прежде полученныя имѣнія, а также обширная скупля въ Нѣжинскомъ полку: подъ Глуховымъ, Подоловымъ, Гайворономъ, Поповкой, Батуриномъ, Митченками, Новыми Млинами и другими селами, на что Чарнышъ получилъ универсалъ гетмана 15-го ноября 1717 года. Урокъ, данный генеральнымъ судьей Кицешу, не принесъ для Чарныша желаемыхъ результатовъ: ему не удалось у своей жертвы «перепять дорогу» въ Москву, и какъ только Кицешъ оправился и вышелъ изъ тюрьмы, то вновь поѣхалъ въ Москву добиваться суда надъ своимъ гонителемъ. Но мы пока оставимъ это дѣло и обратимся къ другимъ фактамъ изъ жизни генеральнаго судьи.

---

[1]) Глуховскій житель Александръ Ивановичъ впослѣдствіи подтвердилъ, «же на ратушу глуховскомъ быто челобитчика Кицеша нещадно, одъ которого бою лежалъ в ратушу на землѣ, *землю пълъ и шляпу свою кусалъ*».

[2]) Т. е. дорогу жаловаться въ Москву.

Постоянно стремясь къ болѣе самостоятельному положенію, чѣмъ положеніе генеральнаго судьи, Чарнышъ, занимая этотъ урядъ, мечталъ о полковничествѣ. И на этотъ разъ его взоры обратились къ стародубскому полку, который представлялъ значительныя преимущества для полковника по сравненію съ другими полками: онъ былъ по своему расположенію наиболѣе удаленнымъ отъ Глухова, гдѣ находилась гетманская власть, наиболѣе обширнымъ и черезъ него шла торговля волами, пенькой и т. п. съ заграницей. Для того, чтобы достичь этой цѣли, дальновидный Чарнышъ сталъ скупать земли въ стародубскомъ полку еще при жизни тамошняго полковника Лукьяна Жоравки. († 1719), дабы сдѣлаться своимъ человѣкомъ между полчанами. Жоравка, зная о родственныхъ связяхъ между Чарнышомъ и гетманомъ, боялся такого претендента и, отлично понимая, для какой цѣли Чарнышъ скупаетъ земли въ его полку, старался насколько позволяла ему власть, препятствовать намѣреніямъ Чарныша, запрещая подобныя продажи. Такъ, когда въ 1718 году сердюцкій сотникъ Николай Еремѣевичъ запродалъ Чарнышу свой хуторъ Вепринскую рудню (близъ села Синяго Колодязя), то узнавшій объ этомъ Жоравка «неномалу гаиилъ» продавца, «же панъ судія почалъ кустится въ полку стародубовскомъ зъ намѣреніемъ на полковництво, и за таковой мой торгъ», жаловался продавецъ, «въ вязеню мене держалъ». Такъ поступилъ съ Николаемъ Жоравка до подачи на него самого жалобы за насилія отъ всѣхъ полчанъ. Но когда жалоба эта была подана и попала въ руки генеральнаго судьи, то Жоравка, задабривая хорошо извѣстнаго своей подкупностью судью, не только разрѣшилъ продажу Вепринской рудни, но 20-го марта 1719 года подарилъ даже Чарнышу изъ своего владѣнія цѣлое село Синій-Колодезь:—«Симъ открытимъ листомъ объявляю, ижъ его милость панъ Иванъ Чарнишъ, судія енеральній, презентовалъ мнѣ купчій запись на футоръ з греблею и грунтами отъ Николая Еремѣевича, бившого сотника сердюцкого, набытій;—по вичитанію прето вишъ изображенной купчой, чинячи тому новокупленному футоровѣ вспоможене, по доброхотной моей пріязни, селце Синій Ко-

людезь, мною владѣемое, уступивши его милости пану судіи, во владѣніе даю в зуполное,—которого куплею и помянутимъ селцемъ владѣючи, его милость воленъ будетъ отъ ясневельможного его милости пана гетмана универсалную получити конфѣрмацію». Однако, дѣло Жоравки было настолько громкое, что Чарнышъ долженъ былъ дать судъ нелицепріятный... Жоравка умеръ, не дождавшись наказанія, и Чарнышъ заволновался, начавъ хлопотать о своемъ назначеніи на его мѣсто. Кандидатовъ выставлялось много: гетманъ хлопоталъ за Чарныша; Меньшиковъ же просилъ за Андрея Миклашевскаго, Гаврила Милорадовича и Танскаго, прибавляя въ письмѣ къ царю: «О Чарнышѣ изволите знать, что оный не безъ противности есть...» [1]) Чарнышъ считалъ себя едва ли не первымъ кандидатомъ на полковничество и, не зная о томъ, что въ Петербургѣ послѣ яркой картины насилій Жоравки рѣшено было оставить урядъ стародубскаго полковничества вакантнымъ, продолжалъ скупать земли въ этомъ полку, хотя ему, при его репутаціи, трудно было разсчитывать на это мѣсто. Чарнышъ этого, повидимому, не понималъ и спѣшно скупалъ земли около Синяго Колодязя, употребляя нерѣдко насилія. Жалобы на него поступали гетману во множествѣ, и тотъ (вѣроятно, не безъ вліянія кого-либо изъ московскихъ вельможъ) принужденъ былъ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1722 году, послать къ наказному стародубскому полковнику энергичный универсалъ, коимъ у Чарныша отбирались насильно скупленные имъ грунты и онъ вообще изгонялся изъ Стародубщины: «Донеслося намъ вѣдати, тутъ въ Москвѣ, что пана Чарниша, судіи войскового енералного, староста Синеколодязскій не тилко противъ указу нашего, еще з Глухова до пана Лизогуба, бунчучного войскового енералного, а одъ его к нему посиланного, оттуду, з Синего Колодязя, неслушне паномъ судіею завладѣнного, не уступилъ и въ затѣваню людемъ насилними скуплями кгрунтовъ ихъ обидъ не поскромился, но и паче еще оніе имъ чрезъ скуплѣ затѣваетъ, и в грунта ширится;—зачимъ теперь уже крайне ваш-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 292.

мости чрезъ сей листъ нашъ приказуемъ, абысь призвавши нашимъ (листомъ?) помянутого старосту, в Синемъ Колодези зостаючого, албо и насилно не хотячого ехать в Стародубъ предъ себе зискавши, всеконечно повелѣлъ ему прочь з Синего Колодезя и полку Стародубовского зъехати и всѣхъ скупленнихъ отъ пана судіи енералного землей и кгрунтовъ отступитися, чого ради прикажи вашмость и всѣмъ людямъ, у которихъ на имя пана судіино кгрунта поскуплювано, гроши поотkладати, якіе побрали за тіе свои грунта въ Синемъ Колодези, в Бѣлогощи и другихъ слободахъ, чтобъ знову были оніе в прежнемъ владѣніи тихъ людей, которіе якимъ колвекъ способомъ пану судіи в продажъ попускали».[1]) Должно быть, скупля грунтовъ Чарнышомъ производилась ужъ слишкомъ безцеремонно, если можно было принудить Скоропадскаго дать такой универсалъ... Надѣясь на поддержку тещи-гетманши, генеральный судья ошибся въ своихъ разсчетахъ, а въ іюлѣ 1722 года Скоропадскій умеръ, и для Чарныша обстоятельства рѣзко измѣнились къ худшему...

Между тѣмъ, пока Чарнышъ устраивалъ свои дѣла въ Стародубщинѣ, Кицешъ не дремалъ: въ 1719 году онъ снова ѣздилъ въ Москву жаловаться на генеральнаго судью и на этотъ разъ добился того, что ему былъ выданъ «государевъ указъ» къ гетману о назначеніи его сотникомъ въ Ковалевку. На этотъ разъ дѣло казалось для Кицеша выиграннымъ, но Чарнышъ не потерялся и придумалъ слѣдующее: «И противъ того моего челобитія»,—пишетъ въ одной изъ своихъ послѣдующихъ челобитныхъ Кицешъ,—«данъ мнѣ твой государевъ указъ до господина гетмана Івана Ілича Скоропадского, чтобы онъ учинилъ надо мною милосердіе и приказалъ бы мнѣ быть въ Ковалевкѣ сотникомъ попрежнему, также и порозграбленніе мои пожитки возвратилъ бы (генеральный судья) попрежнему. И какъ онъ господинъ гетманъ получилъ указъ, спрашивалъ меня, чтобъ отъ сотничества мнѣ отказалъ? И я ему сказалъ, что отставилъ меня вишеозначенной

---

[1]) Сулимовскій архивъ, стр. 197—207; А. Лазаревскій, Описаніе Стар. Малороссіи, I, 45—47.

Чарнишъ, и онъ господинъ гетманъ сказалъ: «Когда прибудетъ изъ Почепа отъ свѣтлѣйшого князя Федоръ Протасіевъ»,—и с нимъ, Протасіевымъ, о томъ хотѣлъ говорить и обѣцялъ бить мнѣ в сотникахъ попрежнему для того, что ему, Протасіеву, о томъ приказано (совѣтоваться съ гетманомъ). И оного Протасіева ожидалъ въ Глуховѣ недѣль с три и болши». Этой проволочкой воспользовался Чарнышъ: «И вишеозначенной Чарнишъ, довѣдався о томъ, что мнѣ господинъ гетманъ обѣщалъ быть сотникомъ попрежнему, писалъ до ковалювского сотника, которой отъ оного Чарниша опредѣленъ вмѣсто меня, чтобъ онъ пріихалъ в Глуховъ. И оной сотникъ по писму его, Чарнишову, собралъ ковалювскихъ козаковъ человѣкъ с пятдесятъ и болши, и по слову ево, Чарниша, онъ, сотникъ, науча онихъ козаковъ, привелъ къ господину гетману и велѣлъ, дабы оніе просили, чтобъ мнѣ сотникомъ попрежнему не быть. И оніе козаки, пришедъ къ гетману, по наученію ево, сотника, и судѣ Чарниша, говорили на меня всякіе неистовіе слова, также говорили, что де будетъ сей еще и повѣшенъ! И хотя бъ хто изъ онихъ козаковъ онихъ словъ и говорить не хотѣвъ и хотѣли просить, чтобъ быть по прежнему сотникомъ,—и онъ, Чарнишъ, ограживая,—имъ говорить не велѣлъ, проискивая на меня болшаго разоренія...»

А послѣ того, пишетъ Кицешъ; «видѣлся я съ нимъ, сотникомъ Демяномъ, и с козаками близъ церкви Всемилостиваго Спаса, и оной сотникъ сказалъ мнѣ: «Говоритъ на тебе судя Чарнишъ, что будетъ тебѣ и злѣе того, когда былъ гетманъ въ 1717 году в Гадячу [1]), и ты-де пропадешь; хотя и повѣсятъ, зиску не будетъ и искать за тебе нѣкому!» И тѣ его слова слишалъ бувшой воронеской сотникъ Потапъ; такъ же изъ онихъ козаковъ (ковалевскихъ): Тимофѣй Булкоцкой, Троцкой, Троеноцкой, Гордей Шкурацкой—говорили, чтобъ меня повѣсили, а Кузьма Сторашъ сказалъ: «Я самъ буду надъ тобою катомъ!» И самъ оной судя Чарнишъ, идучи одъ церкви в домъ гетманской, говорилъ на

---

[1]) Рѣчь идетъ о первой подачѣ жалобы ковалевцевъ гетману на Кицеша.

меня: «Ты—слуга вѣрній у Государя, а Государь де—далеко, а свѣтлѣйшій князь поѣхавъ, и свѣтлѣйшій князь до насъ никакова дѣла неимѣтъ. — Ви бъ все з москалями заодно, а не съ нами, и отъ москалей де намъ и такъ есть великое утѣснене, и не надлежало-де тебѣ за то и сотникомъ быть, также и хлѣбъ ѣсть напрасно, когда-де з нами обще не служишь»... «И то», прибавляетъ Кицешъ, «онъ, Чарнишъ, бунтуетъ». И господинъ гетманъ къ нему, Чарнишу, посилалъ многожди слугу своего Івана Волошенина, чтобъ онъ, судя, за пожитковъ моихъ утрату и за бой той и за увѣча заплатилъ,—и онъ, Чарнишъ, посланному отъ него, господина гетмана, сказалъ: «Не надлежитъ-де ему пожитки отдать: надлежитъ де ево повѣсить!» При этомъ, Кицешъ, разумѣется, не забылъ упомянуть и объ отношеніяхъ генеральнаго судьи къ своей женѣ, а его невѣсткѣ, выставляя лишь это обстоятельство причиной гнѣва Чарныша: «И то онъ, Чарнышъ, все учинилъ, злясь на меня за бывшую мою жену, с которою онъ прижилъ блудно ребенка, о чемъ я доносилъ свѣтлѣйшему князю Александрѣ Даниловичу прежъ сего». Въ заключеніе своей челобитной, Кицешъ проситъ «отъ великаго ево (Чарниша) на него гоненія уволнить», заставить генеральнаго судью возвратить награбленное имъ имущество и, наконецъ, опредѣлить его самого въ Ковалевку сотникомъ «по прежнему», гдѣ онъ и «построился».

Чарнышъ добылъ и просьбу ковалевскихъ обывателей, просившихъ гетмана не назначать къ нимъ сотникомъ Кицеша. Въ этой просьбѣ ковалевцы писали такъ: «А теперъ, чуючи повѣсть единъ отъ другого, же онъ, Афанасъ, прилѣжно желаетъ на врадъ сотництва Ковалювского,—завчасу стаются тривожливими и небезпечне зостаютъ на кгрунтахъ своихъ отчизнихъ, боячися тиранского отъ Афанаса Волошина побою смертелнаго, и воспять в полкъ иншій умишляютъ уходити». Принятыя Чарнышемъ въ Глуховѣ мѣры, а также послѣдняя просьба ковалевцевъ повліяли на гетмана, и тотъ оставилъ челобитную Кицеша безъ отвѣта. Потерявъ надежду и на этотъ разъ получить удовлетвореніе отъ гетмана, Кицешъ въ третій разъ поѣхалъ въ Москву, и тамъ въ

октябрѣ-ноябрѣ 1720 года подалъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, одну за другой, три челобитныхъ, при чемъ приложилъ и громадный «реестръ» пограбленнаго у него Чарышемъ имущества.

Разсказывая уже извѣстныя намъ событія, Кицешъ рисуетъ печальную картину своего существованія въ такихъ выраженіяхъ: «И того всего лишився (т. е. сотничества и имѣнія), понынѣ нуждаюся и скитаюся между дворъ, но и дневніе пищи себѣ не получаю. Да онъ же, Чарнишъ, похваляется меня, заковавъ въ кайдани, уморить безвременной смертю, не велитъ мнѣ въ томъ Гадяцкомъ полку и в дому моемъ жить и виживаетъ безъ твоего, великаго государя, указу изъ Украини вонъ самоволно; а мнѣ, нижей мяновашному, кромѣ заслужоного сего мѣста (т. е. сотничества), которое заслужилъ я у вашего царского величества (другого нѣтъ, попеже мнѣ?) въ прежнемъ моемъ дому, въ Волоской землѣ, одъ турокъ жить невозможно». Въ заключеніе своихъ челобитныхъ, Кицешъ проситъ о ковалевскомъ сотничествѣ, ходатайствуетъ объ указѣ, которымъ бы повелѣвалось Чарныша во всемъ допросить и отдать все заграбленное,— «дабы (прибавляетъ Кицешъ), ему, Чарнышу, такъ нагло нападать и безъ твоего, великаго государя, указа впредь нашу братю з Украини вибивать и разорять было неповадно».

Въ приложенномъ при одномъ изъ челобитныхъ «Реестрѣ, что у меня, ниже іменованного пограбылъ енералній судя Іванъ Чарнишъ и что къ себѣ в домъ свой побралъ, такожде приказомъ ево другіе люди побрали жъ», Кицешъ подробно перечисляетъ всѣ понесенные имъ убытки отъ Чарныша, доводя ихъ до солидной суммы въ 1230 рублей 27 алтынъ [1])... Изъ этого по-

[1]) Приводимъ этотъ «реестръ». «Побралъ онъ, Чарнишъ, къ себѣ в домъ свой лошадей воинскихъ: лошадь вороную, цена 55 руб.; лошадь сивую, цена 25 р.; лошадь гнедую з седломъ и з уборомъ, цена 26 р.; кобылу гнедую болшую жеребную, цена 13 р.; кобылу гнедую жеребную жъ, цена 14 р.; свиней старихъ болшихъ 16, ценою по 40 алт. свиня, и того 17 р. 20 алт.; овецъ старихъ 50, козъ 10, ценою

чтенныхъ размѣровъ «реестра», мы видимъ, что Кицешъ былъ лишенъ всего рѣшительно: все недвижимое его имѣніе и вся движимость, начиная отъ скота и кончая даже «шаблей» была отобрана Чарнышомъ частью на себя, частью на своихъ прислужниковъ, получившихъ за свою жалобу на Кицеша вознагражденіе изъ имѣній послѣдняго. Кицешъ остался послѣ суда надъ нимъ

за всякую овцу и козу по 8 алт. 2 деньги, итого 30 р.; пчелъ старихъ 14, отъ котораго ежегодъ имѣлъ я по трое молодихъ и по исчисленію въ 4 года будто за 14 старихъ по 1 р. за пчелъ, за молодихъ по 30 алт.,—итого з старими цена 158 р.; мехъ лисей горловой, в котором было 35 шлямъ лисихъ, цена 36 р.; тулупъ черних барановъ, бухарскій, подбитъ зайцями бѣлими, цена 26 руб.; коверъ новой турецкой болшой, цена 10 р.; три ковра настолних, ценою по 5 рублей коверъ, итого 15 р.; полотна швабского кусокъ, ц. 5 р. 10 алт..; три скатерти гданскихъ, самихъ добрихъ, по 6 р. цена, итого 18 р.; дюжину блюдъ болшихъ оловяних, тарелокъ дюжину, ложекъ 2 дюжини, цена 5 руб.; три чарки сребрених, за чарку по 40 алт., итого 3 р. 20 алт.—Итого оной Чарнишъ забралъ къ себѣ въ домъ свой пожитковъ моихъ ценою на 457 р. 10 алт. 4 деньги. Да онъ же Чарнишъ приказалъ присланному своему писару Остапу отдать другимъ разних чиновъ людемъ, которихъ онъ научивъ на меня ложно бить челомъ, а именно, хто что взявъ: Дворъ мой ис хоромнимъ строеніемъ одписали на городъ Ковалевку, ценою 40 р; такъ же на оной городъ взяли кухву вина простого, ценою 20 р.; Емелянъ Хоменко с товарищи—быка, ценою 4 р. 13 алт. 2 деньги. *(Далѣе слѣдуетъ длинный перечень лицъ и взятыхъ ими вещей, скота и т. п.).*

Да в тожъ число забрано у меня с хутора моего разних пожитковъ, шесть телегъ и с колези прядиво, 147 куриць, 60 утокъ, 20 гусей, также и что на ономъ моемъ хуторе было и на гумнѣ молоченого и немолоченого хлѣба—всего ценою на 40 р., а хто именни брали—я несвѣдомъ, понеже в то число былъ я въ Москвѣ.

И того оній Чарнишъ насилствомъ своимъ ограбилъ и взялъ к себѣ в дворъ свой и что другимъ людемъ по приказу своему оддалъ и что в небытности моей отобрано—на 630 р. 27 алт. Такъ же, что мнѣ, нижеименованному, окромѣ моихъ ограбленних пожитковъ, харчей и убытковъ стало на 600 р. Всего, что оный Чарнишъ у меня пожитковъ моихъ ограбилъ и что убытковъ мнѣ в четире года од ево Чарнишева разоренія стало—на 1230 р. 27 алтынъ».

совершенно нищимъ и понятно поэтому, что онъ такъ настойчиво добивался суда надъ своимъ сильнымъ врагомъ. Правда, «реестръ» этотъ составленъ самимъ обиженнымъ и возможно, что Кицешъ кое-что и преувеличилъ, но въ общемъ, мы думаемъ, что представленная имъ картина своего разоренія, вѣрна.

Между тѣмъ, Чарнышъ, знавшій настойчивость Кицеша, вновь собиралъ противъ него обвиненія, рѣшивъ насколько возможно затягивать разрѣшеніе тяжбы. Вновь были посланы вопросы къ Корицкому и Штишевскому, свидѣтелямъ Кицешевыхъ «неслушнихъ» словъ, и опять были получены отъ нихъ «сказки». Кромѣ того, вѣрный прислужникъ Чарныша въ Ковалевкѣ—сотникъ Демьянъ, въ письмѣ своемъ къ нему отъ 21-го августа 1720 года увѣдомлялъ о томъ, что онъ съ атаманомъ Драбомъ «особливо до пана полковника миргородского писалисмо сторони Опанасовихъ Волошиновихъ постунковъ, якъ в Сорочинцяхъ жилъ послѣ уряду, и такъ без битности его панской нескоро завзяли списокъ з ратуша Сорочинского»... А списокъ былъ не что иное, какъ произведенный въ 1719 году розыскъ, изъ котораго мы узнаемъ, какимъ путемъ Кицешъ доставалъ средства къ жизни. Оказывается, что въ это время онъ жилъ въ Сорочинцахъ и черезъ посредство своего «молодика» укралъ у Михайла Шевца «девять паръ чоботъ червонихъ», при чемъ самъ въ этомъ и повинился на Сорочинской ратушѣ... За этотъ проступокъ Кицешъ, по постановленію уряда и съ согласія миргородскаго полковника Апостола, былъ выселенъ изъ Сорочинецъ, а молодикъ на розыскѣ признался еще и въ томъ, что онъ обокралъ церковь въ Лохвицѣ, а «червоній» отдалъ Кицешу... Этотъ документъ являлся въ рукахъ Чарныша важнымъ оружіемъ противъ Кицеша. Романъ Ананіевичъ, полтавскій житель, просилъ въ это время отобрать у Кицеша коня, котораго тотъ у него забралъ и безъ котораго онъ не могъ отправиться въ походъ... Вообще, Чарнышъ не былъ застигнутъ врасплохъ, когда посланная изъ Иностранной Коллегіи грамота отъ 15-го іюня 1721 года была получена въ Глуховѣ. Ею повелѣвалось дѣло Кицеша съ генеральнымъ судьей «безволокитно» разсмотрѣть «мимо ево, генералного судіи», столь-

нику Федору Протасьеву и глуховскому коменданту Богдану Скорнякову—Писареву «обще» съ кѣмъ-либо изъ генеральныхъ особъ. Несмотря, однако, на то, что грамотой повелѣвалось разсмотрѣть дѣло «безволокитно», оно тянулось еще цѣлыхъ два года, и Чарнышъ ему лишь извѣстными средствами затягивалъ его разсмотрѣніе. На этотъ разъ, обстоятельства были всецѣло на сторонѣ генеральнаго судьи. Извѣстно, что въ началѣ 1722 года гетманъ былъ въ Москвѣ, возвратившись откуда, въ іюлѣ того же года скончался, поручивъ управленіе дѣлъ черниговскому полковнику Павлу Полуботку и генеральной старшинѣ. Смерть Скоропадскаго явилась для русскаго правительства удобнымъ моментомъ для давно задуманнаго императоромъ учрежденія Малороссійской Коллегіи, долженствующей собой замѣнить гетманскую власть, и Коллегія тотчасъ же послѣ кончины гетмана была учреждена, при чемъ президентомъ ея былъ назначенъ бригадиръ Вельяминовъ. Между Коллегіей и Полуботкомъ сразу же начались, какъ извѣстно, непріязненныя отношенія и недоразумѣнія сперва изъза неточнаго разграниченія сферы вѣдѣнія Коллегіи, а потомъ изъ-за другихъ вопросовъ, совершенно заслонявшихъ собой незначительное по существу и не задѣвавшее никакихъ принципіальныхъ вопросовъ дѣло Чарныша съ Кицешемъ. Однако, Полуботокъ, желавшій сколько возможно избавиться отъ нареканій на безмѣрную волокиту въ генеральномъ судѣ, былъ озабоченъ скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла генеральнаго судьи съ Кицешемъ, которое такъ ярко характеризовало собой положеніе суда. Въ августѣ 1722 года Полуботокъ съ генеральной старшиной писали Чарнышу, требуя отъ него отвѣта на присланную еще въ 1721 году грамоту по дѣлу его съ Кицешемъ, но генеральный судья вскорѣ отвѣтилъ Полуботку, что въ челобитной Кицеша «ни единого нѣтъ правдивого слова, одно тилько вимислное притворное его плутовство; любо можно и теперь з уликою его неправди существенній учинити отвѣтъ, однакъ» Чарнышъ воздерживается отъ этого, желая затянуть дѣло, и проситъ обратить лишь вниманіе на декретъ генеральнаго суда 1717 года и на «свидѣтельства» о «продерзливихъ» словахъ Кицеша. Указывая далѣе на свидѣтелей

его правоты, Чарнышъ въ заключеніе пишетъ: «А за прибыттемъ всѣхъ вышеписанныхъ вѣри годныхъ людей, получитъ всенародній клеветникъ и *коего инныхъ* напрасній тяжкій обноситель істинний по Бозѣ себѣ отвѣтъ».

Но надежда на то, что Коллегія не будетъ столь же подкупна, какъ генеральній судъ, придала всѣмъ обиженнымъ этимъ судомъ и вообще старшиной смѣлости. Такъ, явился въ это время новый жалобщикъ на Чарныша,—Ѳедоръ Шилченко, житель подставскій (гадяцкаго полка), который въ своей челобитной, поданной въ Генеральную Канцелярію въ октябрѣ 1722 года, излагаетъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ для характеристики Чарныша, какъ полковника. Дѣло было еще въ 1715 году. Къ Чарнышу пришли два брата Шилченки съ просьбой разобрать ихъ «заводъ» изъ-за подѣла; дѣло это было Чарнышемъ разсмотрѣно, и онъ наложилъ «вины панской» на брата челобитчика 100 золотыхъ; но на бѣду у того «грошей» не оказалось, и тогда Чарнышъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти отцовскій лугъ Шилченковъ, цѣною въ 600 золотыхъ. Но, разумѣется, Чарнышъ не хотѣлъ дать за него настоящую цѣну, а предложилъ челобитчику 10 талярей, а брату его—8 копъ. Братъ Шилченка, «не противячися ему (Чарнышу), что онъ в насъ властитель будучи», деньги принялъ, но когда челобитчикъ заявилъ, что продавать луга по такой цѣнѣ не хочетъ, то первый бросилъ ему деньги и «лаючи матерно» говорилъ: «Якъ ти не возмешъ тихъ грошей—тебѣ велитъ панъ дати кіевъ сто!» Это предостереженіе подѣйствовало на челобитчика, и тотъ согласился. Торгъ, такимъ образомъ, былъ совершенъ, и полковникъ, довольный выгодною покупкою, выдалъ, кромѣ того, братьямъ «оборонный» универсалъ, въ которомъ «поступовалъ намъ обоимъ (пишетъ Шилченко) из братомъ волности, жеби намъ волно было любъ то хоть горѣлкою шинковати, албо медомъ» и освобождалъ отъ всякихъ «долегливостей, абы предто сотникъ без волѣ его насъ нѣ на що не займалъ, нѣ тежъ атаманъ тамошній подставскій».—«Хоть и до смерти твоей—то мушу уволнити тебе», говорилъ не скупившійся на обѣщанія Чарнышъ Шилченку. Однако, не прошло и года,

какъ послѣ этого случая пріѣхалъ въ Гадячъ новый полковникъ Милорадовичъ, пославшій отъ себя къ Шилченку Волошина, который взялъ съ него «девять копъ кругового» и выгналъ «до вуйска» въ Переволочную. «И онъ» (Чарнышъ),—пишетъ далѣе Шилченко, —«не уволнивъ мене ни в чомъ, грунтомъ моимъ владѣетъ до сихъ часовъ; тилко жъ было мнѣ волности дванадцять недѣль—и за тое далъ девять копъ!» Оказывается далѣе, что Чарнышъ, еще прежде покупки этого грунта, имъ уже пользовался, вырубивъ въ немъ себѣ «на будинокъ кроквинъ и латвинъ» четыре тысячи («кроквина по алтыну, а латвина по шагу»), а когда заявленъ былъ по этому поводу протестъ со стороны Шилченка, то полковникъ далъ ему десять талярей («что зрубалъ много пущи, чили за лугъ мой—того не знаю»), но при этомъ взялъ у него же «сѣна шестьдесятъ возовъ, луку подъ себе подвернулъ и ниву изъ житомъ засѣянную, по половинѣ переоравъ», забралъ ее съ житомъ. На эту жалобу Чарнышу, видимо, было настолько легко оправдаться, что на ней имѣется лишь помѣта канцеляриста: «его милости пану судіи явити», а отвѣта самого судіи (какъ это мы видимъ, напримѣръ, на жалобахъ, собранныхъ Милорадовичемъ) нѣтъ.

Надѣясь на поддержку Малороссійской Коллегіи, рѣшился напомнить о себѣ и Кицешъ. «Неспокойный турбаторъ» въ январѣ 1723 года билъ челомъ въ Коллегіи, прося ускорить теченіе его дѣла съ Чарнышомъ. Изъ этой челобитной мы видимъ, что въ 1722 году розыскъ былъ, наконецъ, учиненъ Скориковымъ-Писаревымъ и генеральнымъ есауломъ Жураковскимъ, пославшими отъ себя въ Ковалевку: первый—«оффѣцера» Ивана Мордвинова, а второй—бывшаго гадяцкаго атамана Ивана Десятника, но рѣшеніе по розыску не состоялось. Спрошенный объ этомъ Жураковскій отвѣтилъ Коллегіи, что въ декабрѣ 1722 года былъ онъ на «коммиссіи Почепской», по возвращеніи съ которой уже было приказано канцеляристу составить приговоръ по дѣлу генеральнаго судьи съ Кицешемъ, но на бѣду послѣдняго, Скориковъ-Писаревъ былъ вытребованъ въ Москву, а Жураковскій единолично «не смѣлъ» утвердить приговоръ. Кромѣ того, розыскъ

Мордвинова и Десятника былъ не полонъ, вслѣдствіе нахожденія многихъ свидѣтелей въ Терковскомъ и Ладожскомъ походахъ. Основываясь на этихъ показаніяхъ Жураковскаго, Малороссійская Коллегія, промеморіею своею отъ 14 февраля 1723 года, предложила Войсковой канцеляріи разобрать это дѣло, на что та черезъ три дня отвѣтила, что Кицешеваго дѣла въ настоящее время, «за слабостію здоровя господина судіи Івана Чарнина, въ которомъ онъ нынѣ найдуется, вершити невозможно; развѣ когда оздоровѣетъ онъ судья—въ ту пору помянутому дѣлу в Войсковой Енеральной Канцеляріи рѣшеніе учинится». Кромѣ того, генеральная канцелярія была въ затрудненіи, не зная, кто будетъ участвовать въ составленіи и утвержденіи приговора вмѣсто Скорнякова-Писарева. Наконецъ, въ мартѣ 1723 года, было приступлено къ новому розыску. Отъ войсковой канцеляріи высланы были въ Ковалевку: полтавскій полковой обозный Лаврентій Никитовичъ, войсковой товарищъ Яковъ Новицкій и войсковой канцеляристь Василій Забѣла, а отъ Коллегіи—полковой квартермистръ Гаврила Картановъ. Но «розыщики» встрѣтили затрудненія: во-первыхъ,—дѣло было передъ праздникомъ Пасхи, и потому они «для слѣдуючихъ святъ в домы свои розехалися»; во-вторыхъ,—многихъ потребныхъ для опроса лицъ, живущихъ въ другихъ полкахъ, не было, почему Никитовичъ, Забѣла и Новицкій просили выслать нужныхъ свидѣтелей въ Ковалевку къ 23 апрѣля; кромѣ того, «ковалювцѣ, бравшіе имѣніе Кицешево, свѣдителей не могучи къ розиску представити: що взялъ кто и за що,—присягою разводитися хотятъ,—которихъ (спрашивали слѣдователи) чи належитъ до присяги приводити, или ни? Такихъ, на которихъ доводится, же неслушне худобу чолобитчика Кицеша взяли, или Кицешъ противъ ихъ присягнетъ, то у тихъ: чи истую принимать, или сугубо, жебы за протори и убитки, черезъ сѣмъ лѣтъ роненніе, стало, отбирати?»

Эти недоразумѣнія, вызванныя неясностью инструкціи, данной слѣдователямъ, были, въ концѣ концовъ, устранены, и 20-го мая 1723 года розыскъ пришелъ къ концу. Имъ было установлено, что почти все забранное ковалевскими обывателями имѣніе

Кицепа было взято у него ими на основаніи рѣшенія генеральнаго суда 1717 года и бывшій ковалевскій сотникъ примирился почти со всѣми изъ нихъ. Такимъ образомъ Кицешъ могъ требовать съ Чарныша лишь вознагражденія за «бой» и возвращенія взятаго имъ имущества якобы на своихъ племянниковъ, но и здѣсь ковалевскіе обыватели показывали, что Кицешъ, пріѣхавшій въ 1713 году въ Гадячъ, «по аффектаціи» былъ удержанъ Чарнышомъ при себѣ, а затѣмъ поселился въ Ковалевкѣ, куда «самъ-другъ на двохъ коняхъ пріѣхавши, стоялъ господою у козаковъ ковалювскихъ, именно у Юска Стрилниченка и у Рядка Коваля, где жадныхъ у его, Афанаса Кицеша (опрочъ двохъ коней, суконъ добрихъ, оружя порядочного и нѣсколко талярей битихъ) имѣнія не было; а когда зась з ласки его милости пана судіи енералного оженилъся з братовою и зосталъ сотникомъ, то в той часъ знатное число явилося бидла и прочей худоби». Кицешъ, правда, спорилъ съ ковалевцами противъ ихъ показанія, утверждая, «же не два, але три конѣ (у него было)» и что «квартируючи въ Ковалевцѣ, и грошей доволно при себѣ мѣлъ, тилко грошей никому не показовалъ», — но все-таки выходило, что генеральный судья былъ правъ, отбирая на своихъ племянниковъ имущество Кицеша по той причинѣ, что оно было получено имъ за женою.

Розыскъ этотъ касался лишь вопросовъ о забраніи имущества Кицеша самимъ Чарнышомъ и ковалевцами, и по нему Кицешъ уже не могъ требовать вознагражденія отъ генеральнаго судьи. Другихъ сторонъ дѣла, именно «боя» и «увѣчья» розыскъ совершенно не касался, и потому Кицешъ нетерпѣливо ожидалъ полнаго вознагражденія за обиды отъ генеральнаго судьи. Еще въ началѣ 1723 года, недовольный медленнымъ ходомъ его процесса, онъ писалъ Меньшикову, прося его послать свой указъ въ Коллегію къ Скорнякову-Писареву о скорѣйшемъ рѣшеніи его дѣла. «А все то», пишетъ Кицешъ про свое увѣчье отъ Чарныша, «безъ указу покойного гетмана, з ненависти своею властію такъ мнѣ мученіе не по христіанску (Чарнышъ) чинилъ; а все для того, что мы, чужоземцѣ—вернїе імператорского величества зостаемъ слуги, и ненавидячи насъ, чужоземцовъ, през килка годъ

на гадяцкого полковника Михаила Милорадовича земстилъ, и с завзятой ненависти своей и судомъ своимъ неправеднимъ мене напрасно обѣдилъ»... Далѣе Кицешъ прямо указываетъ на то, что дѣло его «залежалось» въ Коллегіи изъ-за «великихъ дарунковъ» какъ самого Чарныша, такъ и «гетмановой»[1]), вслѣдствіе чего и его самого «для наилучшаго доношенія» въ Москву не пускаютъ. Письмо это, кажется, осталось безъ отвѣта, и выведенный изъ терпѣнія судебной волокитой, Кицешъ 20 іюня пишетъ небольшое по объему, но значительное по содержанію въ немъ угрозы, письмо къ генеральной старшинѣ, изъ которой Полуботокъ, Савичъ и Чарнышъ въ это время уже были по пути въ Москву:

«Велможніи мцѣ панове старшина енералная. Понеже дѣло мое з паномъ Чарнишемъ, судіею енералнимъ, отъ семи лѣтъ точитись зачатое, до сего часу укончитись не можетъ, чрез що до крайнего, тутъ въ Глуховѣ справуючися, прихожу разоренія и нищеты,—того ради прошу велможностей вашихъ о таковий себѣ благопризрѣтелний респектъ, жебы тотъ заводъ албо тутъ по грамотѣ Імператорского величества, чрез мене принесенной, былъ успокоенъ,—или мнѣ дать свѣдителство, зачимъ оное дѣло не вершено, з которимъ бы я могъ, *заехавши въ Санктъ Пітербурхъ, високоправителствующому Сенату быть чоломъ и просить милости.* Велможностей вашихъ нижайшій слуга Афанасъ Кицешъ». Моментъ, избранный Кицешемъ для подачи этого прошенія, былъ удаченъ; въ Глуховѣ не было ни Полуботка, ни Савича, ни самого Чарныша; оставшаяся генеральная старшина въ лицѣ Жураковскаго и Лизогуба имѣла мало значенія, и въ концѣ декабря 1723 года дѣло, наконецъ, было разобрано Коллегіей и генеральной старшиной, а 3-го февраля 1724 года состоялся и приговоръ по нему, изъ котораго приводимъ пункты: 1) Просьба Кицеша о возвращеніи ему сотничества была отклонена по той причинѣ, что универсала гетмана на этотъ урядъ онъ не имѣлъ, а Демьянъ Ивановичъ таковой представилъ: 2) Относительно розданнаго Чар-

[1]) Вдова гетмана Скоропадскаго, мать второй жены Чарныша.

нынѣмъ имѣнія ковалевскаго сотника обывателямъ, судъ, основываясь на розыскѣ, изъ котораго оказывалось, что Кицешъ признавъ почти во всѣхъ случаяхъ правильность декрета генеральнаго судьи 1717 года, предложилъ Кицешу самому доискиваться убытковъ на тѣхъ, «хто у него что побралъ» и съ кѣмъ онъ еще не «поквѣтовался»; 3) Что же касается забраннаго Чарнышемъ имѣнія на своихъ племянниковъ, то судъ, «подлугъ права, в Саксонѣ на листѣ 325 под дикціею «поссессіа» написаннаго: судья отъ поссессіи нѣкого отдаляти не маетъ, правомъ его не переконавши, хочъ бы вѣдавъ, же то неслушне держитъ,— да в той же книзѣ Саксонъ на листѣ 99 написано: добра чужіе хто безправне держитъ, а потомъ отдати если оніе правне муситъ,— тогда тое з отложенемъ вини и нагородити маетъ»,—присудилъ Кицешу забранное у него Чарнышемъ имѣніе: «конь сивій (25 руб.), кобыла (13 руб.), конь вороній (55 р.), конь гнѣдій с сѣдломъ и уборомъ (26 р.), свиней двое (2 р. 13 алт. 14 д.), товару рогатого осмеро, овецъ сорокъ двѣ, козъ з козлятами восемь, пчолъ старихъ 12 (12 р.), мѣхъ лисій кгарловій (36 руб.), тулупъ чорній баранній, подбитъ зайцами (26 р.), коцъ, килимъ; да в скриняхъ, до его. судіи, взятихъ, которіе были запечатани: коберецъ новій турецкій болшій (10 р.), три коберци настолніе (45 р.), полотна шваб'ского кусокъ (5 р.), три скатерти кгданскихъ добрихъ (18 р.), блюдъ болшихъ дюжинъ, талѣрокъ дюжинъ и ложекъ оловянихъ два дюжини (5 р.), и три чарки срѣбнихъ (3 р. 20 алт.),»—признавъ, что это имѣніе было Кицеша; 4) Изъ отобраннаго же женшаго имѣнія («скоту рогатаго трое, свиней с поросятами двадцять») Кицешу предоставляется «доправить» на судьѣ четвертую часть; 5) За «похвалки» Кицешъ не понесъ никакой кары, такъ какъ «по унѣверсалу гетманскому, до его (судіи) з Санктъ-Питербурга присланному, при которомъ унѣверсалѣ и особливій его імператорского величества указъ з иностранной Коллегіи до полковника Шарфа в прошломъ 1718 году, іюля в 19 день присланъ о сиску и отсилци в Санктъ-Питербурхъ разного званія малороссійскихъ людей в великомъ царственномъ дѣлѣ,—в которомъ указѣ его Кицешового імени не

выражено». Такимъ образомъ труды Чарныша по собиранію «сказокъ» о «продерзливыхъ» словамъ Кицеша пропали даромъ; 6) Такъ какъ Кицешъ въ «великомъ царственномъ дѣлѣ» замѣшанъ не былъ, то Чарнышъ не могъ оправдать и своего надъ нимъ «боя и увѣчья», «противъ чого в Статуту, в роздѣлѣ 11-мъ, в артикулѣ 27-мъ, написано: кто-бы кого, на зелживость стану шляхетского, кіями былъ, албо бити казалъ,—за таковій кождій бой, албо зелживость, маетъ быть навязки плачено 40 копъ грошей: да в томъ же Статутѣ, роздѣлѣ 4-мъ, артикулѣ 63-мъ: если бы которій судія и другій урядникъ кгвалтъ мѣстцу нашему государевому и суду учинилъ, а кого на судѣ ранилъ,—таковій урядникъ горло тратитъ, а навязка з имѣнія его совито (вдвое) быть имѣетъ плачена. И потому за бой и увѣчче, ему, Кицешу, отъ него, судіи Чарныша, пополненное, доправить на немъ, судіи, навязки денегъ 40 рублей»; 7) «А что о блудодѣяніи противъ челобитія его Кицеша, о напрасномъ руганіи, судья Чарнышъ подалъ къ дѣлу на оного Кицеша о справедливости подъ именемъ императорского величества челобитную, в которой обявилъ, что тую дитину з Кицешевою женою не онъ, судія, прижилъ, але Яковъ Карика, которій до того блудодѣянія и самъ признался,—и то надлежитъ не къ мирскому, но духовному суду»... Такъ закончилась семилѣтняя борьба Кицеша съ генеральнымъ судьей, къ торжеству перваго изъ нихъ [1]).

---

[1]) Такъ какъ намъ съ Кицешемъ придется еще встрѣтиться, то считаемъ не лишнимъ сообщить дальнѣйшія его странствованія. Получивъ отказъ на просьбу свою о ковалевскомъ сотничествѣ, Кицешъ въ 1725 году, въ мартѣ, просилъ генеральную канцелярію «за его вѣрніе служби пожаловать его сотничествомъ, гдѣ вакансъ показуетъ, а именно въ полку Гадяцкомъ, у Зѣнковѣ, на мѣстце сотника Рожанскаго», прибавляя, что съ 1718 года, когда отставилъ его отъ сотничества Чарнышъ, онъ скитается «межъ двори и нѣякого себѣ опредѣленія» не имѣетъ. Генеральная канцелярія просила на челобитную резолюціи у Коллегіи, а та, въ свою очередь предложила учинить ее Канцеляріи. Послѣдняя навела о Рожанскомъ справку, изъ коей оказалось, что сотникъ Рожанскій «въ прошломъ году любо

Въ то время, когда дѣло Кицеша рѣшалось окончательно, генеральный судья уже былъ далеко отъ Малороссіи, вызванный еще въ іюнѣ 1723 года въ Петербургъ совсѣмъ по другому дѣлу. Несомнѣнно, что ходъ его дѣла съ Кицешемъ былъ въ полной зависимости отъ личнаго пребыванія Чарныша въ Малороссіи и отъ тѣхъ «дарунковъ», о которыхъ упоминалъ Кицешъ въ своемъ письмѣ къ Меньшикову и которые прекратились съ отъѣздомъ Чарныша изъ Малороссіи. Мы не будемъ останавливаться по-

болѣзненъ билъ на очи, однакъ гражданскіе и сотенніе порядки радѣтелно правилъ, а нынѣ, благодареніе Господеви, далеко лучшое над прежное очесамъ своимъ имѣетъ полегченне и оніе порядки правитъ же»... Получивъ такую справку отъ второго зѣньковскаго сотника Мелетія Жадка, канцелярія оставила челобитную Кицеша безъ отвѣта; но тотъ былъ нетерпѣливъ и не получивъ «указу», въ іюлѣ того же года вновь просилъ о сотничествѣ, извѣстясь, «что гадяцкого полку в опошанской сотнѣ отъ походу дербентского сотника бить не имѣется»... Вновь генеральная канцелярія навела по этому поводу справки, и наказной полковникъ гадяцкій Мартинъ Штишевскій писалъ генеральной канцеляріи въ отвѣтъ: «Якъ оного Кицеша въ здѣшнемъ полку найменшой службы не бувало, толко една прослуга, и не малая, явилася (за что и сотництва ковалювского позбулъ), з которихъ его зброднихъ поступковъ нѣкоторіе мунѣмента малѣйшіе до вѣдома в енералную канцелярію и нынѣ посилаю, а болшіе документа о крадежу килканадцятъ коней и протчіего виступку,—всѣ на сей часъ въ благороднаго его милости пана полковника нашего и пана Григорія Кграбянки, судіи полкового гадяцкого обрѣтаются... Однакъ (пишетъ далѣе Штишевскій), лучше ему, Кицашовѣ, гдѣ прислуга была—тамъ и о мѣстце старатися, нежели опорочившися доволно, еще на такое знатное мѣстце промоватися, которое гаразд совѣстнѣйшого и справнѣйшого ожидаетъ себѣ человѣка,—в семъ да благоволитъ енералная войсковая канцелярія милостиво разсмотрѣть и отъ такого непостоянца и обыдителя, паче же шкодци людского, якій не чину, но наказанія за свои поступки достоинъ,—сотнянъ опошанскихъ избавити»... Канцелярія согласилась, по всей вѣроятности, съ аттестаціей, данной Кицешу Штишевскимъ, такъ какъ Кицешъ никуда на сотничество опредѣленъ не былъ и въ 1729 году служилъ «ротмистромъ ландмилицкихъ полковъ».

дробно на причинахъ вызова для отвѣта въ Петербургъ Полуботка, Чарныша и генеральнаго писаря Савича [1]). Скажемъ только, что однимъ изъ поводовъ, которые выставлялись правительствомъ, какъ причина учрежденія Коллегіи—были безпорядки въ генеральномъ судѣ, отправленіе правосудія въ которомъ при судействѣ Чарныша совершенно прекратилось [2]).

Генеральный судья подолгу уѣзжалъ изъ Глухова въ свои маетности гадяцкаго полка и, само собой разумѣется, что въ его

---

[1]) См. монографію А. М. Лазаревскаго въ «Русскомъ Архивѣ» 1880 г., кн. I: «Павелъ Полуботокъ, очеркъ изъ исторіи Малороссіи XVIII вѣка», и Н. И. Костомарова «Павелъ Полуботокъ» въ «Русской Старинѣ» 1876 г., т. XV, стр. 137—209.

[2]) Уже указомъ 14-го ноября 1721 года гетману предписывалось «судебную канцелярію, въ которой дѣла отправляетъ генеральной судья Иванъ Чернышъ, учредить и привести въ доброй порядокъ» (Маркевичъ, IV, 1842 г., стр. 360), а въ грамотѣ отъ 29-го апрѣля 1722 года къ Скоропадскому объ учрежденіи Коллегіи сказано: «Понеже одъ Малороссійскаго народа о налогахъ, непорядкахъ, какъ отъ генеральнаго суда и отъ старшины, такъ и отъ полковниковъ, многія жалобы до насъ доходятъ, а именно, первое: въ судѣхъ генеральныхъ чинятся ради взятковъ и великихъ накладовъ, многіе неправды, одъ чего бѣдные козаки, кому болше наложить нечего, и съ правдою обвинены бываютъ,—того ради нынѣ мы указали въ Глуховѣ быть при васъ брегадиру нашему Степану Вельяминову, да съ нимъ шести человѣкамъ штапъ-оффѣцерамъ, перемѣняясь изъ гварнизоновъ украинскихъ». Получивъ эту грамоту, Скоропадскій пробовалъ оправдаться передъ царемъ и тѣмъ отвратить учрежденіе Коллегіи, что «тое (насилія старшины и неправды въ судѣ)—больш по ненависти и злобѣ вашему величеству донесено, завидя милостивому монаршему вашего императорскаго величества издревлѣ являемому къ намъ призрѣнію, ибо, хочай въ судѣхъ енералномъ и полковыхъ бываютъ иногда въ спорныхъ дѣлахъ и наклады, однакъ при вершеніи тихъ дѣлъ я тое челобитчикамъ возвращати велю,—и развѣ за вину якую знатную, вмѣсто штрафу, часть нѣкоторая зъ тихъ накладовъ удержится». (Діаріушъ Ханенка, стр. 52—54).

отсутствіе дѣлъ въ судѣ никакихъ не вершилось. На это обращалъ вниманіе Головкина уже Милорадовичъ, желавшій избавиться отъ присутствія Чарныша въ его полку и писавшій объ этомъ, какъ мы видѣли, къ канцлеру въ началѣ 1716 года. Наилучшей характеристикой Чарныша, какъ судьи, можетъ служить подробно разобранное нами дѣло его съ Кицешемъ: въ немъ отлично видны тѣ всѣ средства, которыя употреблялъ генеральный судья съ цѣлью обойти законъ, и его взглядъ на свою должность,—лишь какъ на средство личнаго обогащенія. Со смертью Скоропадскаго, положеніе Чарныша нѣсколько пошатнулось, но наказной гетманъ Полуботокъ, отлично знавшій о злоупотребленіяхъ въ генеральномъ судѣ, открыто поднять руку на генеральнаго судью не рѣшался, ибо Чарнышъ—былъ генеральной «особой», а Полуботокъ, ища булавы и желая найти поддержку въ генеральной старшинѣ, выставлялъ себя защитникомъ интересовъ сей послѣдней. Вскорѣ же по прибытіи въ Глуховъ президента Коллегіи Вельяминова, Полуботкомъ полученъ былъ указъ, коимъ запрещалось употреблять козаковъ въ частныя работы и взимать съ нихъ наклады, когда они «къ суду являются». Наказной гетманъ немедленно же разослалъ въ полки пространный универсалъ, въ которомъ старался по возможности упорядочить судебную власть въ гетманщинѣ [1]). Можно все-таки думать, что въ низшихъ судахъ (полковыхъ, сотенныхъ) взятки не достигали большого распространенія въ виду того, что судъ здѣсь состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ; что же касается до генеральнаго суда,—высшей апелляціонной инстанціи,—то онъ находился въ вѣдѣніи одного человѣка—Чарныша, пріобрѣвшаго къ тому же репутацію человѣка съ крайне продажной совѣстью. Каковы были взимаемы Чарнышемъ «наклады», видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Погарскій сотникъ Галецкій жаловался гетману Апостолу, что Чарнышъ «при расправѣ дѣла его въ генеральномъ судѣ съ погарцями, насильно побралъ у него многія взятки: златоглавами, поясами дорогими, конми и прочимъ, *на тысячъ шесть съ лишкомъ*. а суду

[1]) См. «Русскій Архивъ» 1880 г., I, стр. 150—151.

справедливаго не далъ»; въ 1724 году Генеральная Канцелярія донесла Малороссійской Коллегіи, что Чарнышъ «въ оную Канцелярію прислалъ серебряную кружку, да нѣсколько шнуровъ перелъ, да зо два портища матеріи, 100 рублей денегъ, которые взялъ было себѣ въ накладъ отъ Лукьяна и Тимоѳея Силенковъ въ ту пору, когда судилъ ихъ съ Петромъ Валькевичемъ».

Желая хоть сколько-нибудь избавиться отъ нареканій на безмѣрную волокиту въ генеральномъ судѣ, Полуботокъ, не желавшій вредить Чарнышу, ограничился лишь полумѣрой: онъ въ помощь генеральному судьѣ придалъ четырехъ второстепенныхъ судей, называвшихся «ассесорами». Эти судьи, назначавшіеся изъ наиболѣе образованныхъ бунчуковыхъ товарищей, могли и въ отсутствіе Чарныша быть въ Глуховѣ и хоть нѣсколько двигать впередъ дѣла, находившіяся въ полной зависимости отъ мѣстопребыванія генеральнаго судьи [1]). Но эта мѣра не принесла желательныхъ результатовъ: Чарнышъ продолжалъ совершенно пренебрегать своими обязанностями, понимая, что Полуботокъ не имѣетъ ровно никакого значенія на ряду съ Коллегіей. Угрозы Полуботка Чарнышу оставались безъ послѣдствій, хотя наказной гетманъ упоминалъ въ нихъ почти всегда Коллегію. Такъ, 6-го мая 1723 года онъ писалъ Чарнышу, чтобы тотъ «крайне увѣдомилъ, если по должности своей судейскаго званія впредь до судовыхъ дѣлъ пріймется и оныя отправлять будетъ, или уже совсѣмъ намѣренъ отъ дѣлъ судейскихъ устраниться»? Отвѣтъ нуженъ, поясняетъ далѣе Полуботокъ, намекая на Коллегію,— «чтобъ знать, что отвѣчать, когда гдѣ спросятъ»... По всей вѣроятности, и это письмо Полуботка осталось безъ отвѣта, такъ какъ уже 16-го апрѣля былъ присланъ указъ, по коему Полуботокъ, Савичъ и Чарнышъ вызывались въ Петербургъ, и послѣднему надо было собираться въ дорогу, а не думать о судѣ: «Что же полковникъ и старшина», говорилось въ этомъ указѣ,

---

[1]) Въ Глуховѣ у Чарныша былъ «на валу» свой домъ съ домовою церковью; въ немъ жилъ князь Шаховской во время управленія своего Малороссіею (А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 432).

«не взирая на данные имъ указы, послали нѣкоторые указы безъ совѣту съ президентомъ Коллегіи, того ради велѣно для отвѣта быть сюда полковнику Полуботку и изъ старшины—Савичу и Чарнышу» [1])...

Чарнышъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Полуботкомъ и Савичемъ изъ Глухова 13-го іюня и съ этихъ поръ фактически пересталъ быть генеральнымъ судьей, хотя и именовался имъ почти до самой своей смерти. По пути въ Петербургъ, Чарнышъ останавливался въ Москвѣ недѣли на двѣ, вмѣстѣ съ Полуботкомъ, желавшимъ разузнать у своихъ патроновъ о причинѣ вызова его съ товарищами въ Петербургъ. Сюда старшина прибыла лишь 3-го августа и остановилась въ домѣ князя-папы Бутурлина, а 6-го она представлялась царю на островѣ Котлинѣ. Какъ отъ Полуботка, такъ и отъ его товарищей никакихъ объясненій не требовали, и по всему было видно, что ихъ вызвали изъ Глухова лишь съ той цѣлью, чтобы они своими противодѣйствіями не помѣшали Вельяминову приводить въ исполненіе указъ 6-го апрѣля, коимъ отмѣнялись нѣкоторые сборы въ пользу старшины и послѣдняя обязывалась платить налоги наравнѣ со всѣми. Полуботокъ, однако медлилъ подачей привезенныхъ имъ челобитныхъ, не рѣшаясь этого сдѣлать, но ободренный ласковымъ пріемомъ царя и вельможъ, подалъ ихъ 13-го сентября въ Иностранную Коллегію и Сенатъ. Въ подачѣ этихъ челобитныхъ, домогавшихся уничтоженія Малороссійской Коллегіи, участвовалъ и Чарнышъ, и «уже съ того часу видѣли быть Монарху загнѣваннаго», говоритъ Черниговская лѣтопись [2]).

Генеральную старшину, о которой знали, что она злоупотребляетъ именемъ народа, привлекли къ допросу въ Тайную Канцелярію. Полуботка и его товарищей спрашивали, главнымъ образомъ, о розыскѣ устрашительныхъ универсаловъ для крестьянъ, а также объ ассесорахъ, причемъ Чарнышъ большею частью уклонялся отъ отвѣтовъ подъ разными предлогами. Кромѣ того, для

[1]) „Русскій Архивъ“ 1880 г., кн. I.

[2]) Черниговская лѣтопись по новому списку, стр. 33.

изслѣдованія на мѣстѣ, въ какихъ размѣрахъ принималъ участіе въ составленіи челобитныхъ Полуботка простой народъ, въ Малороссіи былъ наряженъ маіоръ преображенскаго полка Александръ Румянцевъ. Но пока Румянцевъ собирался уѣзжать, прибылъ въ Петербургъ съ такъ называемыми Коломацкими челобитными посланецъ отъ Апостола и подалъ ихъ 10-го ноября. Чаша терпѣнія царя, которому безпрерывно докучали вопросами о гетманствѣ и прочемъ, переполнилась и съ этого момента участь Чарныша и его товарищей была рѣшена. Черниговская лѣтопись [2]) такъ описываетъ подачу челобитныхъ посланцемъ Апостола—Романовичемъ. Челобитная была подана имъ «до рукъ самому імператорскоту величеству, зъ церкви святой Тройци по служби Божой идучому, ноеврія 10 числа,—такъ заразъ въ кофейный домъ увойшовши и вичитавши, и вишедши зъ того дому того-жъ моменту, изводилъ приказать своими устами генералу маэору и гвардіи преображенскаго полку маэору Андрею Ивановичу Ушакову, зъ великимъ гнѣвомъ и яростію, взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію енералного Ивана Чарныша, Семена Савича—писаря енералного, тамъ-же при кофейномъ домѣ стоявшихъ,—и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шаблѣ, тотъ же енералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попровадити въ замокъ мурованій петербургскій, где съ перваго часу порознь были всѣ за карауломъ посажени, потимъ—по 4 человѣка случени, а далѣй знову недѣль у килка поединцемъ розведени». Имѣнія генеральной старшины были описаны и конфискованы тотчасъ же послѣ ареста ея. Хотя Коломацкія челобитныя исходили не отъ Полуботка, а отъ Апостола, тоже мечтавшаго о гетманской булавѣ, но пришлось отвѣчать за все Полуботку и его товарищамъ.

Немедленно послѣ ареста Чарныша, Полуботка, Савича и другихъ, выѣхалъ въ Малороссію Румянцевъ, прибывшій туда въ концѣ ноября 1723 года. Переѣзжая изъ города въ городъ, Румянцевъ опрашивалъ народъ о степени участія его въ составле-

---

[1]) ibid., стр. 33—34.

ніи челобитныхъ Полуботка; попутно ему во многихъ мѣстахъ подавали жалобы на старшину, между прочимъ, и на Чарныша, который, пользуясь своей властію и положеніемъ, имѣлъ почти всѣ средства въ своихъ рукахъ, чтобы на него жалобы не появлялись. Но теперь, когда онъ сидѣлъ въ крѣпости, жалобы подавались на него во множествѣ какъ Румянцеву, такъ и въ Генеральную Канцелярію. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1724 года била челомъ въ Канцеляріи вдова Гадяцкаго полковника—покойная Тарасія Криницкая, жалуясь, что еще въ 1709 году Чарнышъ, будучи гадяцкимъ полковникомъ, «завладѣлъ напрасно лѣсъ и лугъ мой подъ селомъ Крутками, надъ рѣкою Псломъ, такожъ футоръ, гребло, на которой была мелница съ чотирма колами, за которой мой кгрунтъ давано мнѣ двѣстѣ шестьдесятъ рублей, а оной Чарнышъ (пишетъ Криницкая далѣе) хитростною обманою за помянутой мой кгрунтъ поступилъ сыну моему чинъ писарства полкового и маетность, или сотництво въ томъ полку гадяцкомъ, такожъ и пятьсотъ золотихъ дати—и врозно всѣхъ денегъ за тотъ мой кгрунтъ тылко далъ четырыста золотихъ чрезъ его людей. А что обѣцалъ чинъ сотництва или писарство, такожъ и маетность,—то того и не учинилъ, а помянутимъ кгрунтомъ завладѣлъ». Кромѣ этой жалобы, Криницкая одновременно подала и другую, изъ которой оказывается, что въ 1713 году продала она Якову Потребычу-Гречаному мельницу на рѣкѣ Пслѣ, «двѣ колѣ мучныхъ, а едно ступное» за сто рублей; мельница была во владѣніи Гречанаго два года, затѣмъ на нее обратилъ вниманіе Чарнышъ и пожелалъ ее пріобрѣсти. Съ этою цѣлью онъ «призвавши мене (пишетъ Криницкая) предъ себе, силно ворочалъ мнѣ сто рублей денегъ за тотъ проданній млинъ, аби я ему, Якову Гречаному, возвратила, которыхъ денегъ помянутой Гречаній не прыняль и млина неуступилъ, а Чарнышъ оніе денги мнѣ отдалъ насилно за тотъ проданній млинъ». Однако, купить этотъ млинъ Чарнышу не удалось, и онъ сумѣлъ возвратить деньги, данныя имъ Криницкой, «змисливши» на сына Криницкой «непотребне» дѣло, по которому отобралъ отъ нея ихъ въ видѣ пени и «описовалъ до покойного митрополита кіевского Кроковского

сына моего неправедно; и по тому его опису неблагословеніе митрополитанское сыну моему било и до церкви Божіей запрѣщено ходить» [1]). Далѣе Криницкая жалуется еще на Чарныша о томъ, что онъ 1) «особно кгрунта мои, лугъ, луки, садовину и по розныхъ мѣстцяхъ много поля пахатнаго взявши и давши мнѣ 20 рублей, силно завладѣлъ»; 2) «чолобитствовала я», пишетъ Криницкая, «покойному гетману Ллѣчу Скоропадскому на Троицинскую, бившую гадяцкую полковницу, за зрубаня оною моего лѣса, и дано било мнѣ до оной гетманской указъ, дабы мнѣ двѣстѣ рублей за утрату мою наградила, но генералной бившій судья не казалъ по тому указу помянутой Трощинской мнѣ уплачивать и еще прыказалъ своимъ подданымъ на потребу его останокъ того лѣса зрубать, а до двору моего прысилалъ онъ же Чарныш чотирохъ слугъ своихъ зъ обухами, абы мене вбили»; 3) «по шведской руинѣ взялъ в мене онъ-же Иванъ Чарныш пару воловъ и копей пару, которихъ и по сее время не отдалъ»; 4) «я за тіе всѣ года чолобитствуючи, такожъ и на произдъ витратила депегъ сѣмъ соть сорокъ золотихъ и чтири злотіи»; 5) «сего текущого 1724 году оного Чарныша староста сарскій послѣднимъ моимъ пахатнимъ въ розныхъ мѣсцяхъ полемъ завладѣлъ напрасно»...

5-го мая 1725 года Евдокія Онофрѣенкова, жителька города Опошняго, писала въ Генеральную Канцелярію, что еще въ 1715 году Чарныш, будучи гадяцкимъ полковникомъ, призвалъ ея мужа къ себѣ въ село Борки, «наклоняючи по половину з нимъ салитраній одправовати заводъ», и хотя мужа ея отъ того «от-

---

[1]) Обвиненіе, выставленное Чарнышемъ противъ сына Криницкой, было настолько серьезно, что изъ Кіева высланы были по этому дѣлу особые слѣдователи: игуменъ кіевскаго Кирилловскаго монастыря Самборовичъ и префектъ Пиковскій, которые, по свидѣтельству Криницкой, «нѣ в чемъ вини сына моего необискали, за то старшину полковую гадяцкую оніе розисчики наказовали за напрасное сына моего оклеветаніе, и тогда сына моего разрѣшили и велѣли за благословеніемъ архіерейскимъ въ церковь Божію ходить».

мовлялся», однако «радъ—не радъ мусѣлъ чинити его волю», причемъ Чарнышъ обязался присылать къ майдану «завше довольство козаковъ ради опасности одъ голтяйства запорозского». Но Чарнышъ слова своего не сдержалъ, и результатомъ этого было то, что «гультяйство запорожское» майданъ разорило, забрало одинъ изъ казановъ Чарныша, а другой ея мужа, и увело воловъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Чарнышъ забралъ отъ Онофрѣя всю селитру, которая была добыта послѣднимъ не только «сполно» съ полковникомъ, но и его «власную», полученную изъ третьяго казана, привезъ всю ее въ село свое Сары и тамъ «неслушне передѣлилъ». «Да еще ис тоей з нашой части», пишетъ далѣе Онофрѣенкова, «за визиченніе мужемъ моимъ пять сотъ золотихъ грошей, без уваги восемдесятъ трохъ каменій, тридцять фунтовъ, десять лотовъ и два золотника, ценою камень по два таляри, взялъ», велѣвъ мужу ея принять эту селитру по десять золотыхъ за камень. Сообщая далѣе еще нѣкоторыя изъ насилій Чарныша. Онофрѣенкова проситъ о вознагражденіи за убытки.

Между тѣмъ, Румянцевъ возвратился изъ Малороссіи и привезъ извѣстіе, что народъ не принималъ никакого участія въ составленіи Полуботковскихъ челобитенъ, почему старшина, а въ числѣ ея и Чарнышъ, была привлечена къ отвѣту за подлогъ челобитныхъ, поданныхъ 13-го сентября 1723 года. Къ сожалѣнію, допросъ старшины и ея отвѣты—неизвѣстны [1]). Чарнышъ вмѣстѣ съ товарищами, былъ оставленъ въ крѣпости до дальнѣйшаго времени и лишь 6-го февраля 1725 года, вслѣдъ за кончиной Петра Великаго, они всѣ были освобождены изъ-подъ караула съ возвращеніемъ сабель и съ повелѣніемъ жить всѣмъ въ Петербургѣ до указа [2]). При этомъ имѣнія ихъ имъ были тоже возвращены [3]). Живя въ Петербургѣ, Чарнышъ принужденъ былъ удовлетворять Кицена и многихъ другихъ челобитчиковъ, успѣвшихъ въ отсутствіе его добиться праведнаго надъ генеральнымъ

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1880 г., I, стр. 208.

[2]) Черниговская лѣтопись, стр. 34—35.

[3]) Дневникъ Маркевича, I, стр. 217.

судьей суда. Полуботокъ и Савичъ умерли, не дождавшись еще свободы, и такимъ образомъ Чарышъ лишился и своихъ товарищей по невзгодѣ. Въ февралѣ 1728 года ему позволено было поселиться въ Москвѣ, куда въ маѣ пріѣзжалъ навѣстить его сынъ Иванъ [1]), а 30-го декабря того-же года Чарышъ окончилъ свою бурную жизнь. Въ дневникѣ Марковича это событіе записано слѣдующимъ образомъ: «Іоаннъ Чаришнъ, судія енералній, преставился передъ полуднемъ, зъ поврежденихъ внутренностей, гдѣ Александръ Левицкій, его сундуки позносивши на гору, своею печаттю позапечатовалъ, куда и ми зъ родителемъ и многіе зъ нашихъ малороссіянъ, пріехали, а оставивши тамъ Матвѣя, панеи слугу, и нашихъ двохъ: Скрыдловского и Семена Цилюрика для лутшой невности, и надъ тѣломъ священниковъ читающихъ устровши, поехалисмо». Узнавъ о смерти своего зятя, гетманша Скоропадская, гостившая въ это время у своеи дочери Толстой въ селѣ Яковлевѣ, пріѣхала въ Москву, а 3-го января состоялось погребеніе Чарыша «въ монастиру Новодѣвичомъ, въ большомъ склепу, подъ великою церквою, къ трапезѣ стоячимъ, где и многіе зъ високихъ фамилѣй погребаются. При погребеніи его была панѣ (гетманша) зъ нами и многіе зъ малороссіянъ нашихъ, а отъ чина духовного—Архиерей Крутицкій Леонидъ, архимандритъ Берло и проч. По погребеніи обѣдали у квартирѣ покойника духовенство все, а по обѣдѣ разехалися всѣ, и по розездѣ, Александръ, слуга панеи, зъ отцомъ Василіемъ, позапечатовавши сундуки, побрали зъ собою до двора панеи (гетманши) сундуки, чили скрынки и три шуби» [2]).

Для полной характеристики Чарыша намъ необходимо еще очертить его какъ «державцу», хотя уже можно предполагать, что его «подданымъ» жить было не легко. Но мы приведемъ два эпизода изъ его жизни, которые еще ярче очертятъ намъ генераль-

[1]) Каталогъ музея Тарновскаго, стр. 273.
[2]) Дневникъ Марковича, II, стр. 266—8.

наго судью въ этомъ отношеніи. Чарнышъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ «державцевъ» для своихъ «подданныхъ». Объясняется это тѣмъ, что Чарнышъ стоялъ въ исключительныхъ условіяхъ при сравненіи съ другими урядниками: онъ, въ цѣляхъ наживанія богатствъ, пользовался не только своею властью, какъ вообще всякій урядникъ, причемъ эта власть въ концѣ гетманства Скоропадскаго, въ силу различныхъ стѣсненій, налагаемыхъ на гетмана, достигла въ рукахъ старшины наивысшаго своего развитія,—но и своимъ положеніемъ близкаго родственника гетмана, который, не отличаясь, какъ извѣстно, силой и твердостью характера, во многомъ зависѣлъ отъ своей супруги—Настасьи Марковны. Первый изъ приводимыхъ нами эпизодовъ относится къ 1722 году, т. е. ко времени учрежденія Малороссійской Коллегіи, и возникъ по жалобѣ бывшаго мятченскаго старосты Чарныша Пискуненка. Послѣдній жаловался наказному гетману Полуботку, что Чарнышъ «турбуетъ его совершенно невинно», и разсказывалъ, что въ бытность свою старостой, онъ получилъ однажды отъ Чарныша изъ Глухова письмо съ приказаніемъ «забить въ колодку» гайворонскаго козака Куценка, а скотъ его (2 коровы и 11 овецъ) отослать въ Гайворонскій хуторъ самаго Чарныша. Приказъ этотъ Пискуненкомъ былъ исполненъ, а затѣмъ, когда однажды Чарнышъ пріѣхалъ въ свой Гайворонскій хуторъ посмотрѣть на скотъ, то Пискуненко посовѣтовалъ Куценку, чтобъ онъ просилъ «пана» о возвращеніи отобраннаго у него скота. Но генеральный судья прогналъ Куценка, ничего ему не возвративъ и въ свою очередь посовѣтовалъ ему подать жалобу о забранномъ скотѣ въ Коллегію,—не на себя конечно, а на Пискуненка! Разсказывая объ этомъ, Пискуненко проситъ Полуботка защитить его, указывая на то, что Чарнышъ и его ограбилъ достаточно, забравъ всю его «мизерную субстанцію», т. е. одежду, сундуковъ два, скотъ, лошади, овцы, свиньи, котелъ винокурный, пчолы и, наконецъ, дворикъ... За четыре года своей службы у Чарныша Пискуненко все «прослужилъ», такъ что, по его словамъ, ему не на что и хлѣба купить... Заключаетъ свою челобитную Пискуненко слѣдующимъ любопытнымъ обращеніемъ: «Помилосердствуй,

вельможный добродѣю, надъ нами сиротами! Гдѣ намъ на его суда искать?» [1]).

Другой случай представляетъ собой подробности хозяйственныхъ операцій Чарныша въ Гайворонскомъ хуторѣ (корибутовской сотни, Прилуцкаго полка). Подъ Гайворономъ находился громадный «степъ», и Чарнышъ обратилъ на него свое вниманіе, желая присоединить его къ своимъ маетностямъ. Чтобы имѣть возможность выпросить впослѣдствіи гетманскій универсалъ на все село, Чарнышу необходимо было сперва скупить около него нѣсколько грунтовъ, завести на нихъ хуторъ, а затѣмъ уже просить и о всемъ селѣ вмѣстѣ со «степомъ». Чарнышъ такъ и началъ дѣйствовать, причемъ ему много помогла занимаемая имъ должность генеральнаго судьи. Въ 1718 году ему пришлось судить «за нечаянное убійство человѣка» краснополядинскаго жителя Василія Салогуба, который и далъ ему въ видѣ взятки «гай въ островѣ» между Гайворономъ и рѣчкою Зарукавною, вслѣдствіе чего и былъ оправданъ. Это случайное пріобрѣтеніе Чарныша въ Гайворонѣ и обратило, по всей вѣроятности, вниманіе его на богатство тамошнихъ земель. Въ слѣдующемъ году еще четверо гайворонцевъ: Бордонось, Матвѣенко, Пащенко и Ляшенко, продали генеральному судьѣ за 40 таляровъ свои «дѣдизныя сѣножати», находящіяся въ Бѣловѣжской степи, у вершины Острa, а двоюродный братъ Салогуба, Иванъ, продалъ Чарнышу за 100 золотыхъ свой хуторъ, «въ самомъ Гайворонѣ стоячій»,—«аще би

---

[1]) При отдачѣ въ 1726 году Меньшикову батуринской волости, часть митченскихъ крестьянъ также была приписана къ этой волости; быть можетъ, это были подсосѣдки изъ козаковъ, на которыхъ отдатчики батуринской волости не признали за Чарнышемъ права. Впослѣдствіи эти крестьяне были отписаны на «ея императорское величество». Захватывалъ Чарнышъ грунты и въ сосѣднемъ съ Митченками селѣ Красномъ. По описи 1726 года здѣсь показаны, среди частныхъ владѣній, генеральнаго судьи два двора, причемъ замѣчено, что первый дворъ «взятъ Чарнышемъ за покражу Васикову», а во второмъ—«мужикъ на своемъ живетъ, щитится протекціею Чарнышевою» (А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, 278, 279, 283).

не уистился до назначоного термѣну», т. е. не оправдался по дѣлу убійства Василіемъ Салогубомъ человѣка. На этихъ то грунтахъ Чарнышъ и сталъ заводить свой хуторъ. Но не только земля пріобрѣталась имъ здѣсь черезъ покупку—большая часть грунтовъ захвачена была насильно... Насилія эти были такъ велики, что гайворонцы принуждены были въ 1720 году обратиться съ жалобой на Чарныша къ Скоропадскому, который, какъ это водилось, передалъ «супилѣку» самому генеральному судьѣ, а тотъ жалобщика—атамана гайворонскаго—«билъ кіями нещадно». Послѣ такого неудачнаго исхода челобитной, гайворонцы снарядили своего атамана въ Москву, а затѣмъ обратились съ жалобой къ бывшему тогда въ Малороссіи и отлично знавшему о насиліяхъ Чарныша Меньшикову, который и выдалъ атаману и козаку Кондрату Пархоменку «за рукою княжою приказъ, абы имъ разореній и обидъ нихто не чинивъ». Явившись съ этимъ «приказомъ» къ гетману, гайворонцы безъ труда уже получили 1-го октября 1720 года защитительный для себя универсалъ, на основаніи котораго Чарнышъ изгонялся изъ Гайворона и долженъ былъ возвратить жителямъ этого села все, что пріобрѣлъ у нихъ насильно: «По занесенной отъ гайворонскихъ войскового и посполитаго стану жителей жалобъ о починенныхъ имъ, черезъ построеніе тамъ футора пана судіи нашого войскового енералного, утискахъ, посылалисмо двукратне туда на розискъ, где поневажъ, обома разами, показалося, же панъ судія енералній мало щось тамъ купивши грунту, болшъ насиліемъ людскіе поля, сѣнокосы и степъ, здавна до Гайворона належній, самъ велѣлъ, а старости его позаѣздили, чрезъ что немалое тамошнимъ гайворонскимъ людямъ сталося утѣсненіе; теди мы, по тихъ розискахъ, приказавши пану судіи енералному оттоль зъ Гайворона новоустроенній свой знести футоръ и пасѣку, и що колвекъ у гайворонцевъ насилно отнято—все бы тое непремѣнно кождому воспять возвратилъ, впредь не имѣючи туда жадного вступу. Для крѣпчайшого гайворонцамъ привернешними ихъ грунтами и степу по прежнему владѣнія, велѣли зъ канцеляріи войсковой сей панъ выдать универсалъ, которымъ всѣмъ обще гайворонскимъ жителемъ пахатніе

и сѣнокосніе ихъ грунта власніе, издавна ими заживаемій степъ и лѣсъ также давній, мирскій,—въ безпрепонное онимъ стверждаемъ користованне, такъ, аби впредь нѣхто зъ околичнихъ, особливе панъ судія нашъ войсковій енералній, знесшися одтоль, якъ и више памѣнилисмо, зъ пасѣкою, зъ футоромъ, самъ и старости его, не важилися уже гайворощамъ жадного въ тихъ ихъ грунтахъ и степу чинити утиску, препятія, озлобленія и найменшой трудности, пилно рейментарско вспоминаемъ и приказуемъ»...

Но, повидимому, строгій приказъ гетмана не былъ въ точности исполненъ Чарнышемъ; весьма вѣроятно, что гайворонцы жаловались или хотѣли жаловаться объ этомъ Вельяминову, какъ это можно предполагать изъ одного документа 1722 года, въ которомъ извѣстный уже намъ Василій Салогубъ, разсказывая о томъ, какимъ образомъ онъ получилъ у генеральнаго судьи «милость» за «нечаянное убійство человѣка», свидѣтельствуетъ, что гай, данный имъ судьѣ за свой поступокъ «знову привернепъ» ему судьею и что даже тотъ «хуторецъ, въ самомъ Гайворонѣ стоячій», который двоюродный братъ его Иванъ Салогубъ «заставилъ былъ его жъ велможности панской за сто золотыхъ, аще бп не учстился до назначоного термѣну;—и тотъ мнѣ хуторецъ зо всѣмъ полемъ, по великой своей милости панской *даровалъ, да еще 50 золотыхъ далъ*, чому я нынѣ будучи велце благодаренъ, не повиненъ ни я самъ, ни жена моя, ни дѣти, вѣчними часы, у жадного права и суду нп его велможности панской, пѣ велможной панѣ его, а нѣ благородныхъ чадъ его панскихъ, турбовати и права изчинати, а се предъ годними и честними людми добримъ словомъ всегда вспоминати и за его велможность панскую и весь домъ его панскій непрестанно Бога прохати, что для лѣпшой вѣри и певности, даю его велможности панской сіе мое доброволное писаніе при людехъ зацпихъ и вѣри годнихъ..» [1]). Конечно, Чарнышъ не безъ давленія свыше *даровалъ* Салогубу хуторъ, да еще далъ въ придачу къ нему 50 золотыхъ. Несо-

---

[1]) А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. Ш, стр. 280—3.

мнѣнію, это была взятка, но только данная уже самимъ генеральнымъ судьей жалобщику....

Своими всевозможными «утисками» Чарнышъ былъ извѣстенъ во всей Гетманщинѣ и, какъ мы видѣли, двѣ его попытки основаться въ другихъ, кромѣ гадяцкаго, полкахъ—окончились неудачей, ибо оба раза онъ оттуда довленіемъ Москвы изгонялся... Когда, въ началѣ 1724 года, въ Малороссіи распространились вѣсти, что Полуботокъ и Чарнышъ посажены царемъ въ «темницу», крестьяне села Подолковъ говорили: «Не станемъ панщины робыть, годи уже! Полуботка и Чарныша немашъ, то и сихъ пановъ не будетъ, которымъ теперь приказано начальство!» Такъ народъ былъ увѣренъ въ томъ, что съ отсутствіемъ Полуботка и Чарныша жизнь его измѣнится къ лучшему, и не будетъ ни «пановъ», ни «подданныхъ»! [1])

Таковы собранные нами факты изъ жизни генеральнаго судьи Чарныша. Мы нарочно старались очертить эту типичную для эпохи Скоропадскаго личность возможно подробнѣе. Хотя почти всѣ (за очень малыми исключеніями) урядники этого времени представляютъ собой людей, стремящихся лишь къ обогащенію и соединяющихъ въ себѣ алчность съ крайней неразборчивостью въ средствахъ, однако Чарнышъ представляетъ собой наиболѣе яркій типъ изъ нихъ и остальные стяжатели (Михаилъ Милорадовичъ, Полуботокъ, Танскій, Галаганъ и другіе) передъ нимъ блѣднѣютъ... Чѣмъ же объяснить появленіе такихъ личностей въ Малороссіи первой половины XVIII вѣка? Съ одной стороны, причиной тому было то обстоятельство, что козачество къ этому времени, подъ вліяніемъ историческихъ условій, совершенно переродилось и стало не только козаками, но «панами» и «подданными», а съ другой—русское правительство постоянно урѣзывало предѣлы гетманской власти и вмѣшивалось во

---

[1]) Русскій архивъ 1880 г., I, 29. Записки Черниг. Стат. Комитета, I, 58. С. Подолки принадлежало шурину Чарныша—Ѳеодору Гречаному, назначенному однимъ изъ правителей генер. канцеляріи послѣ ареста генеральной старшины.

внутреннія дѣла управленія Гетманщины, назначая, напримѣръ, туда полковниковъ по своему выбору. Такихъ царскихъ ставленниковъ гетманъ не могъ не только смѣщать съ урядовъ, но и судить, и хотя Чарнышъ и не принадлежалъ къ числу ихъ, но зато онъ былъ зятемъ гетманши, и это положеніе позволяло ему надѣяться на полную безнаказанность. Изъ очерка жизни Чарныша видно и положеніе правосудія въ Малороссіи того времени, которое можно назвать безнаказанностью для сильныхъ родствомъ и богатствомъ, и полное безправіе (безъ вмѣшательства русскаго правительства) для людей образованныхъ и мало замѣтныхъ [1])...

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о семьѣ Чарныша и судьбѣ собранныхъ имъ съ такими трудами и насиліями богатствъ.

Чарнышъ оставилъ послѣ себя вдову Евдокію Константиновну Голубовну съ восемью дѣтьми, изъ коихъ отъ перваго брака генеральнаго судьи было два сына Иванъ и Петръ, а отъ второго три сына—Иванъ, Семенъ и Яковъ, и три дочери—Анастасія, Анна и Елена. Положеніе вдовы было трудное, такъ какъ имущественныя дѣла генеральнаго судьи остались послѣ его смерти довольно запутанными. Какъ мы видѣли выше, большинство насилій Чарныша открылось лишь въ послѣдніе годы его жизни, и потому расплачиваться за нихъ пришлось его вдовѣ; кромѣ того, многіе изъ натерпѣвшихся «подданыхъ» генеральнаго судьи по его смерти вздумали освободиться изъ «послушенства» его вдовѣ, и послѣдней пришлось много хлопотать по этому поводу. Такъ, ей пришлось жаловаться на неповиновеніе митченскихъ крестьянъ гетману Апостолу, который въ 1729 году выдалъ слѣдующій универсалъ: «Тебѣ войту митченскому, съ посполитими, симъ нашимъ объявляемъ универсаломъ, ижъ прекладала намъ жалосне пани Евдокія Иванова Чарнышева, вдовствующая судиина енеральная, что вы, взявши предъ себе нѣякую легкомыслность, подданническаго ей не чините послушенства, (и) въ томъ проспла нашего разсмотренія. Теды вамъ грозно и

---

[1]) Портретъ Ивана Чарныша находится въ музеѣ В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ.

пилно приказуемъ, абысте оной панеи Чарнышовой въ кошеню сѣна, въ ораню поля и въ прочихъ обикновенныхъ работахъ, также въ отбуваню подводъ въ далекіе посылки,—чинили всякое послушенство, не показуючи жадного огурства и противности. А если-бы вы мѣли быть въ томъ ослушны, то, за повторною отъ ен на васъ жалобою, прислана будетъ на васъ экзекуція, и повторе рейментарско упоминаемъ» [1]).

Аоанасій Кицешъ тоже безпокоилъ Евдокію Константиновну, требуя съ нея уплаты долга мужа ея, и въ своемъ челобитьѣ къ Апостолу писалъ, что долженъ былъ ему Чарнышъ за пограбленное имущество всего 630 руб. 84 коп., а выплатилъ всего лишь 267 руб. 16 алт. 4 деньги, остальныя же деньги (363 р. 91 коп.) до сихъ поръ не отданы ему вдовой генеральнаго судьи. Кромѣ того, Кицешъ просилъ возвратить ему «скринѣ съ платемъ женскимъ, якіе скринѣ и нынѣ імѣются у оной Чарнышихи», подкрѣпляя свою просьбу тѣмъ, что онъ «вовся разорився и въ крайную нищету пришолъ у таковихъ превеликихъ волокитахъ у судѣ енералномъ; а стало мнѣ убытку двѣстѣ пятдесятъ рублей, доходячи зосталнихъ денегъ отъ 1726 году, марта 7 дня, о чемъ росписка показуетъ,—того ради всепокорственно и слезне прошу ясневелможности вашей своимъ поважнимъ рейментарскимъ указомъ оную Чарнышиху наказать, чтобъ вышепомянутіе деньги оная Чарнишиха уплатила мнѣ и скринѣ с платемъ отдала». Извѣстная уже намъ Тарасія Кринѣцкая, старица монастыря Великобудиссказо Полтавскаго, въ 1730 году просила гетмана о слѣдующемъ: «Въ прошломъ (писала она) 1726 году имѣлося в мене, нижей подписанной, в енералной войсковой канцеляріи заводное дѣло з бывшою судіпною енералною панѣю Чарнишовою о завладѣніи и отнятю мужемъ ен футора моего з двома греблями, з дубровою, полемъ и лугомъ, в Гадяцкомъ полку, подъ селомъ Крутками найдуючогося, да за млынъ на рецѣ Ислѣ о трохъ колахъ стоячій, з сѣнокосами, лугомъ и садомъ, тамъ же будучимъ; такожъ за греблю з ставомъ, на Вовчой долинѣ лежачую, и за

---

[1]) А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 279.

другіе грунта, поля, луки и сѣножати, по разныхъ мѣсцяхъ в томъ же полку найдуючіеся,—которое дѣло мое в прошломъ 1727 году в той канцеляріи вершено и велено за тіе моѣ всѣ вышеприписанные млыны, кгрунта и другія угодія помянутой панѣ Чарнышовой нагородить тысячу золотыхъ, якіе я денги по суду отъ еѣ паней Чарнышовой и приняла, а за проторы и убытки, мною отъ 1723 году з нею, пани Чарнышевою, и мужемъ еи, в Глуховѣ правуючись, роненіе, и по сее число неуплатила. Того ради—велможность вашу прошу повелѣть рейментарскій свой выдати мнѣ до еи, панеи Чарнышовой, указъ, дабы она—за проторы и убытки, на якіе. запозычившись у многихъ людей, немалое число денегъ, таскаючи по чужихъ углахъ отъ 723 году, в Глуховѣ утратила,—подлугъ уваги ясневелможности вашей нагородила».

Помимо этихъ непріятностей, сопряженныхъ съ большими расходами, вдова Чарныша испытывала много тяжелаго отъ своихъ пасынковъ, которые не могли никакъ раздѣлиться съ ней отцовскимъ имѣніемъ. Между пасынками и мачехой происходили постоянные раздоры, которые привели, наконецъ, къ тому, что дѣло о раздѣлѣ имѣній генеральнаго судьи дошло въ 1730 году до генеральнаго суда. Однако, Иванъ и Петръ Чарныши, въ томъ же году, подали гетману просьбу, въ которой говорили, что хотя они и «сысканы указомъ 1730 года въ Глуховъ, въ генеральный судъ, для раздѣлки вышъ писанныхъ добръ, однакъ по должности нашей сыновской, не хотячи нарушити чести ея материнской судовимъ позорищемъ, при обятіи ногъ рейментарскыхъ, всенижайше» просили гетмана: «Прежде суда в всѣхъ тѣхъ вышенамѣненныхъ добрахъ по своей отческой обиклой к сиротамъ высокопризрителной милости—приказать между нами черезъ парочныхъ медіаторовъ полюбовную учинить роздѣлку безобѣдно, а якую в той роздѣлки имѣемъ претенсію,—тую при сей нашой предлагаемъ суплѣцѣ, себе же при доземномъ уклонѣ на стопахъ ногъ вашихъ панскихъ повергаемъ». Дѣло въ томъ, что Иванъ и Петръ Чарныши надѣялись при помощи «медіаторовъ» учинить такой раздѣлъ, чтобы не былъ принятъ во вни-

маніе «записъ», выданный ихъ отцомъ при взятіи въ замужество Евдокіи Голубовны (см. выше): по этому «запису» большую часть своихъ имѣній генеральный судья записалъ своей второй женѣ и дѣтямъ отъ второго брака, на дѣтей же отъ перваго брака приходилась лишь четвертая часть. Въ приложенной же при послѣднемъ прошеніи «претенсіи» Иванъ и Петръ просили гораздо большаго, а именно: 1) «приданое за покойною маткою нашею, недвижимое и движимое имѣніе, при насъ би било непарушне,—нижайше просимъ; 2) грамоту монаршую, унѣверсали гетманскіе и протчіе всѣ крѣпости имѣючіеся, а особливе отъ покойного отца з Москви присланная записная книга и другіе папери, з Москви присланніе жъ подъ печатю,—обявить безъ утайкы, такожъ и шкатули, при немъ будучіе, а по смерти покойного отца нашего многихъ особъ печатмы утвержденніе, и все движимое имѣніе, отъ мала и до велика, в самую сущую правду на лице да будетъ показано без всякого укривателства,—нижайше просимъ; 3) что колвекъ покойній отецъ нашъ прежде брачного сочетанія з второю маткою нашею, движимого и недвижимого имѣнія заслужилъ и нажилъ,—тое-бъ безраздѣлно при насъ би зоставало,—нижайше просимъ; 4) особливе, что покойній отецъ нашъ, з второю маткою нашею живучи, з движимого и недвижимаго имѣнія заслужилъ и нажилъ, з того обикновенную часть ей, матцѣ нашой, видѣливши, намъ и тѣмъ сынамъ, а нашимъ братямъ, которіе с нею сложенны, з недвижимого и движимого имѣнія,—видѣлить всякому по ровной части, такожъ и ея дочерямъ, а нашимъ сестрамъ, обиклую, з чего надлежитъ, видѣлить же ровную часть,—нижайше просимъ».

По просьбѣ Ивана и Петра Чарнышей гетманомъ были высланы «медіаторы», которые должны были подѣлить Евдокію Константиновну съ пасынками. Но когда передъ высланными отъ гетмана лицами былъ предъявленъ его «запись» 1710 года, то пасынки «законтровали и (пишетъ въ своемъ челобитьѣ по этому поводу вдова Чарныша) медіяторами меженной роздѣлки чинить не похотѣвши, якъ прежде—такъ и теперь, без жадной турбаціи при спокойномъ владѣніи маетностями напрасно время умедлѣ-

ваютъ. А я (пишетъ она далѣе) всѣ челобитческіе дѣла, в судѣ войсковомъ енералномъ на покойного отца ихъ, а мужа моего, имѣючіеся, сама безъ помощи ихъ отбуваю,—якъ и теперь на челобите Казѣмѣрово, указомъ суда енералного, моего человѣка подъ карауломъ взято и нынѣ подъ карауломъ имѣется. Такъ и всегда мене толко самую во оний енералний судъ влекутъ ко отвѣтствію противъ турбаторей, чрезъ якую я волокиту з сиротами моими в послѣднее прихожу разореніе».—Поэтому «оспротѣлая вдова» просила гетмана «властію реймептарскою» между нею и пасынками возможно скорѣе «в имеціи приказать учинить роздѣлку». Такимъ образомъ, пасынки Евдокіи Константиновны намѣренно затягивали дѣлежъ отцовскаго наслѣдства, поводомъ къ чему, помимо желанія съ ихъ стороны до совершенія дѣлежа заставить свою мачеху расплачиваться съ кредиторами, послужилъ и «записъ» 1710 года.

Большое участіе принималъ въ спорахъ относительно раздѣла имущества генеральнаго судьи Яковъ Марковичъ, приходившійся вдовѣ Чарныша—двоюроднымъ братомъ. Въ его «Дневникѣ» постоянно встрѣчаются замѣтки о ходѣ дѣлъ относительно подѣла. Между прочимъ, въ мартѣ 1731 года имъ отмѣчено: «писалемъ по предложеню княжомъ (князя А. И. Шаховского) до сестри пани Чарнишовой, чтобъ пріѣздила сюда въ Глуховъ миритись съ пасинкомъ своимъ Петромъ Чарнишомъ» [1])—значитъ дѣло дошло уже, по жалобѣ Евдокіи Константиновны, вновь до суда. По этому письму она пріѣхала въ Глуховъ, но пасынки ея стояли на своемъ и не хотѣли при раздѣлѣ принимать во вниманіе «записъ» ихъ отца. Въ это время вдовѣ Чарныша пришлось платить еще по иску князя Крапоткина 1643 рубля [2]), а раздѣлъ все еще не былъ совершенъ. Въ чемъ заключалась причина иска—неизвѣстно, но она едва не потеряла изъ за него Подолова: въ ноябрѣ 1731 года это имѣніе ея было арестовано,

---

[1]) Дневникъ Марковича, изданіе «Кіевской Старины», т. III, стр. 93.

[2]) Ibid. III, 142, 144, 151.

и она спасла его тѣмъ, что послала челобитную въ Москву,—и Подоловъ былъ за нею оставленъ. Около этого времени одинъ изъ пасынковъ Евдокіи Константиновны—Петръ—скончался и вопросъ о раздѣлѣ сталъ клониться къ разрѣшенію: въ іюнѣ 1733 года былъ составленъ проектъ раздѣла [1]), по которому вдова Чарныша все имѣніе своего покойнаго мужа (села: Борки, Митченки, Сары, Цѣпки, Сватки и Крутки) раздѣляла на двѣ части: одну половину—пасынку Ивану, а другую—своимъ дѣтямъ; себѣ же оставляла лишь свое «внесене», т. е. Подоловъ. Но этотъ проектъ не осуществился. Полный и послѣдній подѣлъ имущества генеральнаго судьи совершился лишь въ іюнѣ 1735 года: 1) Иванъ Чарнышъ получилъ село Борки, за которое въ то время шла между нимъ и Гречаными тяжба, но на случай проигрыша спора онъ получалъ ровную со своими братьями часть въ Митченкахъ,—движимое приданое матери и «внесенне зъ дому Захаревскаго» [2]); 2) вдова со своими дѣтьми получила Митченки и дворъ кіевскій, равно какъ движимое имѣніе покойнаго судьи, «алмазніе вещи, денги и протчое, что надлежитъ до женска пола»; 3) надлежащее же «до мужеска полу мужнее имѣніе, плате, часи, ружья и конскій уборъ»—должно быть подѣлено по ровной части между всѣми дѣтьми Чарныша; 4) долгъ Крапоткину въ 1643 рубля обязывались всѣ платить поровну: 5) остальныя маетности, коими владѣлъ генеральный судья, были въ это время уже кѣмъ-то отобраны, но тѣмъ не менѣе Ивану Чарнышу предоставлялось право искать и стараться объ Сарахъ и Круткахъ, а остальнымъ дѣтямъ—доискиваться Сватковъ и Цѣпковъ.

Выдѣливъ пасынка и своихъ дѣтей, вдова поселилась въ Подоловѣ, гдѣ и занималась веденіемъ хозяйства. Умерла она 31-го мая 1743 года и погребена въ Кролевцѣ, завѣщавъ Подоловъ сыну своему Якову. Всѣ дѣти ея отличались врожденной

---

[1]) Любецкій архивъ графа Милорадовича, стр. 6—10.

[2]) Елена Степановна Гречаная, мать Ивана Чарныша, была родною племянницею харьковскаго полковника Ѳедора Захаржевскаго-Донца.

хилостью и изъ нихъ только трое пережили свою мать. Изъ дѣтей ея Иванъ—умеръ холостымъ въ 1741 году; Семенъ, служившій въ 1737—39 годахъ канцеляристомъ генеральной войсковой канцеляріи, умеръ въ 1742 году тоже холостымъ; Анастасія, бывшая замужемъ за Забѣлой, умерла бездѣтной въ 1742 году; Елена—умерла дѣвицей въ 1745 году; Анна, умершая въ 1745 году, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Ивановичемъ Войцеховичемъ,—и только одинъ сынъ ея Яковъ, унаслѣдовавшій Митченки, явился продолжателемъ рода. Яковъ Чарнышъ служилъ канцеляристомъ въ генеральной канцеляріи и былъ такимъ-же хилымъ и больнымъ человѣкомъ, какъ его братья и сестры. Женившись въ 1744 году на дочери извѣстнаго богача въ Стародубщинѣ и внукѣ Стародубскаго войта, Марфѣ Степановнѣ Ширай, онъ въ слѣдующемъ уже году составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ писалъ слѣдующее: «Понеже Создатель мой Христосъ Господь даровалъ мнѣ скалѣченемъ ноги моея немалую болѣзнь, которою я съ 1744 году, отъ августа мѣсяца по мѣсяцъ декабръ сего 1745 года былъ одержимъ, а съ декабря мѣсяца, не ощущая здоровья и не уповая болше жить, но еще и въ болшой чехотной отъ кашлю болѣзни будучи—тѣло мое по христіанскому обычаю погребсти въ мѣстечку Кролевцѣ близъ костей матки моей и учинить надлежащее помянованіе женѣ моей Марфѣ Шираевнѣ». «Хотя» (писалъ онъ далѣе въ тестаментѣ) нѣкоторіе денги по смерти покойной матки моей остались были и содержались въ Даніила, священника протопопіи Кролевецкой села Подолова—тѣ всѣ денги за аккуроване мене и за лѣчбу скалѣченной ноги издержаны, такъ что и нѣчего изъ денегъ не осталось, въ чемъ вѣсть Христосъ Богъ». Подоловъ, Митченки и другія свои имѣнія Яковъ Чарнышъ завѣщалъ своей женѣ, но со слѣдующей оговоркой: «Понеже по исчисленію моему съ упомянутою женою моею явилось тое, что уже тому назадъ мѣсяцей съ четире, какъ оная жена моя отъ мене стала обремененна, для того всѣмъ добрамъ, по природному наслѣдію на мене спадаючимъ (зверхъ записѣ отъ мене женѣ моей опредѣленнимъ),—буть за нею жъ,

женою моею Марфою Шираевною и за наслѣдіемъ отъ мене понесшимъ, а ею родячимся,—вѣчно»; если же «налсѣдіе» умретъ, то все имѣніе должно было достаться вдовѣ, но при условіи невыхода вторично замужъ; въ противномъ же случаѣ—имѣніе должно было перейти ближайшему родственнику завѣщателя, и этотъ послѣдній обязывался «наградить» вдову за ея «внесеніе» [1]).

Тестаментъ Якова Чарныша написанъ былъ 27-го декабря 1745 года, а на слѣдующій день онъ умеръ. Въ 1746 году у его вдовы родилось «наслѣдіе»—дочь Анна, а сама вдова вскорѣ послѣ этого (1747) вышла вторично замужъ за вдовца, генеральнаго подскарбія Михаила Васильевича Скоропадскаго. За малолѣтствомъ дочери всѣми имѣніями управляла сама Марфа Степановна, причемъ въ 1760 году едва не потеряла Митченокъ. Въ этомъ году производилась отдача пожалованныхъ Разумовскому земель, между коими была и Батуринская волость, въ число селъ которой назначенные сенатомъ «отдатчики»—полковникъ Шишкинъ и подполковникъ Семеновъ—включили и Митчинки. Основываясь на томъ, что Митченки «за преждебывшихъ гетмановъ и за гетмана Скоропадскаго принадлежали до ратуши Батуринской» и что грамота о пожалованіи генеральному судьѣ этого села, данная изъ Иностранной Коллегіи, «собственною его императорскаго величества рукою не подписана», отдатчики увѣдомили Марфу Степановну, «дабы она впредь реченнымъ селомъ Митченками не владѣла и во владѣніи онимъ селомъ его ясневельможности никакого препятствія не чинила». Но этотъ приказъ не особенно смутилъ ее, такъ какъ она не сомнѣвалась въ подлинности царской грамоты 1718 года, зная, что всѣ жалованныя грамоты того времени подписывались не самимъ царемъ, а государственнымъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ. Поэтому немедленно же по полученіи извѣщенія Шишкина и Семенова, вдова Якова Чарныша подала въ Сенатъ прошеніе, въ которомъ, жалуясь на рѣшеніе «отдатчиковъ», просила о возвращеніи Митченокъ. Удовлетворенія этого ходатайства Марфа Сте-

[1]) Любецкій архивъ, стр. 10—20.

новна не дождалась, такъ какъ 28-го февраля 1764 года умерла, переживъ и своего второго мужа, умершаго въ 1758 году.

Анна Яковлевна, оставшись послѣ смерти матери круглой сиротой, была взята въ опеку родною своею теткой по матери—Прасковьею Степановною Ширай, бывшей въ замужествѣ за новгородсѣверскимъ сотникомъ Степаномъ Судьенкомъ, и—роднымъ дядей, подкоморіемъ Стародубскаго повѣта, Михаиломъ Шираемъ. Имѣніе, оставшееся послѣ ея матери, было точнымъ образомъ описано и принято «въ безутратное содержаніе» дядей Шираемъ и теткой Судьенковой. Но тетка не безкорыстно приняла на себя обязанности опекунши. Въ послѣдующемъ своемъ прошеніи, Анна Чарнышевна разсказываетъ подробно о притязаніяхъ тетки на ея имѣніе и вообще о всемъ томъ, что ей пришлось вытерпѣть отъ нея и ея сына Ивана Судьенка. Оказывается, что когда тетка ея, вдовствующая Прасковья Судьенкова, и сынъ ея Иванъ Судьенко привезли ее въ домъ свой, то «зачали съ угрозами, разными досадами и многими устрашеніями принуждать ее продать имъ хуторъ свой, имѣючійся въ сотнѣ воронежской, прозываемый Красной» (это былъ одинъ изъ лучшихъ Чарнышевскихъ хуторовъ), утверждая, будто мать ея при своемъ «скончаніи» говорила, чтобы она, Анна, тотъ хуторъ «неотмѣнно» продала или самой Судьенковой, или ея сыну Ивану и чтобы «деньги за опой хуторъ употребленни-бъ были на поминовеніе оной умершей матери ея». Анна Чарнышевна отказывалась отъ этой продажи, не вѣря словамъ своей тетки, за что та вмѣстѣ съ сыномъ «ожесточась, бранили ее, безпремѣнно устрашая, что она всѣми людьми будетъ за проклятую признана, если не сохранитъ материнего якоби въ продажи имъ хутора приказанія, именуя оное якоби приказаніе, или сказаніе рѣчи, нѣякимсь важнымъ завѣщаніемъ». Несмотря, однако, на это обстоятельство, выставляемое Судьенками, Анна Яковлевна наотрѣзъ отказалась совершить имъ продажу хутора Краснаго и заявила, что если ее и силой заставятъ подписать актъ продажи, то все равно, когда она выйдетъ замужъ, то этотъ хуторъ «отобрать мѣетъ». Этотъ отвѣтъ еще болѣе разсердилъ Судьенковъ, и они

стали грозить Чарнышевнѣ, что ее «посмерть въ замуже не отдадутъ». А когда Анна Яковлевна на это возразила, что уже имѣетъ жениха и безъ ихъ выдачи пойдетъ за него, то Иванъ Судьенко «съ немалими укорителствами бранилъ ее и ругалъ, стращая разними бѣдствіями, отъ какихъ нападеній и угроженій она (Анна) занемогла и чуть било не умерла»...

Однако, Прасковья и Иванъ Судьенки не теряли надежды вынудить у Анны Чарнышевны продажу имъ хутора Краснаго, держали ее все время «въ строгомъ береженю», никуда не выпускали одну («когда случалось одному съ нихъ куда отлучиться, то другимъ безотлучно она бережена»), и, въ концѣ концовъ, «разними обнадеживаніями, что оное письмо о продажи того ей имъ хутора въ немалую и весьма нужную матери ей пользу сдѣлано, а напослѣдокъ грозными устрашеніями», довели ее до того, что она, наконецъ, подписала актъ о продажѣ своей теткѣ хутора Краснаго... Для дѣйствительности купчей необходимы были еще свидѣтели, и Судьенки заставляли Анну Яковлевну просить о подписи разновременно пріѣзжавшихъ въ ихъ домъ лицъ. Оставалось теперь, когда подписи были собраны, лишь заставить Анну Чарнышевну «персональне» подать свою продажную запись для засвидѣтельствованія въ земскій судъ. Съ этою цѣлью, тетка ея Прасковья Судьенкова съ сыномъ своимъ Иваномъ, разгласивъ заранѣе о поѣздкѣ вмѣстѣ съ нею въ Подоловъ и не взявъ нарочно бывшихъ при ней людей, кромѣ двухъ конюховъ, «нагло, несмотря на тогдашнюю великую стужу, въ открытихъ саняхъ, повезли ей (Анну) не въ Подоловъ, но прямо въ Глуховъ, куда и привезши поздно ввечеру, съ жесточайшими надъ прежніе устрашеніями, изневоляли ее, Анну, во всю ночь ихать съ ними до судьи земскаго повѣту глуховского господина Дергуна и все, что имъ угодно и отъ нихъ ей, Аннѣ, приказано о продажѣ имъ оного хутора, говорить велѣли, сказивая,—когда ихъ волѣ согласно будетъ чинить, то счастливою, а въ отмѣнномъ надъ волю случаи—несчастливою могутъ ее, Анну, вѣчно сдѣлать». На слѣдующій день Иванъ Судьенко, «не спуская ей съ глазъ, даби она ни съ кимъ не могла видѣться и о своей такой крайней

бѣдности пожаловаться»,—разбудилъ ее рано поутру и повезъ на квартиру къ Дергуну—«знать съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ она съ своихъ рукъ персоналне подала оное писмо, на которомъ принудили ее подписаться». Но Анна Чарнышевна этого не сдѣлала, и тогда Иванъ Судьенко заставилъ ее подписаться на доношеніи, въ которомъ содержалась отъ ея имени прозьба объ утвержденіи продажи,—и земскій судъ утвердилъ купчую...

Изъ тяжелаго положенія въ домѣ тетки своей Судьенковой Анну Яковлевну выручилъ Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ, женившійся на ней въ 1765 году; о немъ, повидимому, Анна Яковлевна и упоминала выше, какъ о своемъ женихѣ. Фридрикевичъ уже и въ это время былъ извѣстенъ какъ дѣлецъ, а потому замужество это очень было полезно для осиротѣлой наслѣдницы богатыхъ имѣній, изъ-за которыхъ ей пришлось столько вытерпѣть отъ своихъ опекуновъ, захватившихъ въ свои руки ея хуторъ Красный и многое изъ движимаго имѣнія. При помощи своего мужа Анна Яковлевна добилась въ 1769 году возвращенія Митченокъ и хутора Краснаго, но въ этомъ-же году она по какимъ-то причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, уступила всѣ свои движимыя и недвижимыя имѣнія бунчуковому товарищу Ивану Степановичу Леонтовичу, мать котораго вторымъ бракомъ была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Григоріемъ Криштофовичемъ Фридрикевичемъ, отцомъ мужа Анны Яковлевны. По этому «вѣчистому запису» Иванъ Леонтовичъ получилъ: Митченки съ хуторомъ Сѣжковскимъ, мельницу подъ Батуриномъ, мельницу и суконовальню въ селѣ Поповкѣ (Нѣжинск. полка), земли въ селѣ Гайворонѣ (Прилуцк. п.), с. Подоловъ съ слободкою Голубовкою, мельницы на р. Ретѣ и Свиднѣ, хуторъ Падалковскій, дворы въ Кролевцѣ, хуторъ Красный съ мельницами на р. Османѣ (Нѣжинск. п.), два хутора Голота и Ягодное (Стародубск. п.) и много мелкихъ угодій, а также всю движимость [1]). Возможно, что Григорій Фридрикевичъ стѣснялся взять имѣніе жены непосредственно

---

[1]) Любецкій архивъ, стр. 35—38; А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 282—3.

на свое имя и потому былъ составленъ актъ, передающій имѣніе—его брату по матери—Леонтовичу, который былъ бездѣтенъ [1]). Вслѣдъ за передачей своего имѣнія, Анна Яковлевна умерла: имѣніемъ ея пользовался Иванъ Леонтовичъ до своей смерти, а когда онъ умеръ, то оно перешло къ его братьямъ: полковнику Степану и бунчуковому товарищу Василію Леонтовичамъ. Послѣдній изъ нихъ духовнымъ завѣщаніемъ 1791 года, уступилъ какъ свое, такъ и полученное имъ Чарнышовское имѣніе—Григорію Фридрикевичу, который, такимъ образомъ, сталъ обладателемъ и имѣній своей умершей жены и Леонтовичевскихъ. Изъ послѣднихъ ему достались: переяславскаго уѣзда дер. Золотоношка, хут. Трактирный, мельница въ Гельмязовѣ, с. Нехайки и хут. Крипитоповскій. Фридрикевичъ, бывшій въ 1787 году предсѣдателемъ Черниговской Казенной Палаты и дослужившійся до рѣдкаго въ то время въ Малороссіи чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, умеръ въ 1797 году бездѣтнымъ и свое богатое имѣніе завѣщалъ родственникамъ: Настасьѣ Степановнѣ Полуботокъ (рожд. Леонтовичъ), Пелагеѣ Степан. Раковичъ (рожд. Леонтовичъ, женѣ маіора Лаврентія Раковича), дѣтямъ надв. сов. Василія Иванов. Силича (женатаго на Екатер. Степ. Леонтовичъ), дѣтямъ бунч. товар. Павла Иванов. Лисенка (женатаго на Аннѣ Степ. Леонтовичъ), Софьѣ Васильевнѣ Леонтовичъ (рожд. Дунинъ-Борковской, вдовѣ полковника Степ. Степанов. Леонтовича), колл. асс. Антону Адреев. Войцеховичу (его мать—Анна Ив. Чарнышъ, сестра Якова Чарныша) и Ульянѣ Конст. Енько, двоюродной сестрѣ своей) [2]).

Намъ осталось еще сказать о дѣтяхъ генеральнаго судьи отъ перваго брака; ихъ было два сына: Иванъ и Петръ, изъ которыхъ Петръ, женившійся на вдовѣ давняго врага своего отца Михаила Милорадовича—Ульянѣ Степановнѣ Бутовичъ, дочери

---

[1]) А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, 281—2.

[2]) Любецкій архивъ, стр. 38—49.

генеральнаго есаула, получилъ за нею въ приданое с. Бутовку, Городницкой сотни, Черниговскаго полка, и въ началѣ 1730 годовъ умеръ, не оставивъ потомства. Продолжателемъ рода явился братъ его Иванъ, во многихъ отношеніяхъ походившій на своего отца. Числясь бунчуковымъ товарищемъ (универсалъ на это званіе имъ былъ полученъ позже, именно въ 1735 году), онъ скупалъ земли въ Сваткахъ и, главнымъ образомъ, въ Боркахъ [1]), позволяя себѣ при этомъ многія насилія. Въ 1731 году вдова полкового гадяцкаго сотника Прасковья Пѣратинская писала Апостолу, заступаясь за своихъ крестьянъ села Подставокъ, «крайне обидимыхъ отъ пана Ивана Чарныша, ибо ихъ собственніе кгрунта во владѣніе отбираетъ, а сколко они на своихъ сѣнокосахъ сѣна уготовили,—то онъ, панъ Чарнышъ, позабѣралъ, да и многихъ до полусмерти позабивалъ за ихъ-же доброе,—въ якомъ крайнемъ своемъ бѣдствіи якъ козаки, такъ и посполитіе сами ѣдутъ до милостиваго и високоразсмотрителного милосердія вашей ясневелможности»... Черезъ два года жаловался на Ивана Чарныша гетману Афанасій Бардакъ: разсказывая о тѣхъ насиліяхъ, которыя пришлось ему претерпѣть отъ генеральнаго судьи и, между прочимъ, отъ подданнаго судьи—Романа Коровника, укравшаго у него вола, Бардакъ пишетъ: «Сего 1733 года, сватковскій житель Иванъ Марченко когда вишписанного вора, прозиваемого Коровника, за свою нѣякуюсь шкоду зловилъ былъ,—въ ту пору, пошедши до оного Марченка, хотѣлъ я на немъ, Коровнику, за свою шкоду доправить,—то помянутій Чарнишъ, сынъ покойного судіи Чарныша, набѣгши въ село Сватки з слугами и подданними своими и вхвативши мене з братомъ Алексѣемъ и оного Марченка въ его, Чарнишово село Борки,—далъ мнѣ *полтораста кіевъ* невѣдомо за что, такожъ и брата моего тиранско былъ, отъ якого бою и нынѣ к первобытному здоровю прийти не могу... Отъ якихъ мнѣ обидъ и разореній не могучи я болше въ селѣ Сваткахъ жить, мусѣлъ, всю худобу свою оставивъ, перейти на житло в Гадячъ»...

---

[1]) Каталогъ музея Тарновскаго, стр. 275, 276, 278, 279.

А вотъ еще одно любопытное дѣло, героемъ котораго является тотъ-же Иванъ Ивановичъ Чарнышъ. Началось оно въ 1729 году по слѣдующему поводу. Жители села Апанасовки издавна владѣли степомъ «Загрунскою долиною», сѣно съ котораго «кошувалось на рейментаровъ»; на эту долину обратилъ свое завистливое око генеральный судья и, «маючи силу», завладѣлъ ею еще въ бытность свою гадяцкимъ полковникомъ. Сыновья его Иванъ и Петръ, разумѣется, стали ею владѣть уже по наслѣдству отъ отца, имѣя съ нея «немалую собѣ денежную корысть» черезъ отдачу степи въ наемъ «многимъ купеческимъ людямъ, которіе товаръ рогатій скуповаютъ». «А мы», писали апанасовцы, «едно—въ вистаченю фуража на консистенти, а другое—за частими переиздами великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, немалую за неимуществомъ сѣна узнавали и нынѣ узнаемъ нужду»... Дѣло касалось маетности, «надлежащей до замку гадяцкого», т. е. принадлежавшей гетману, и потому, тотчасъ же послѣ жалобы жителей села Апанасовки, былъ наряженъ на розыскъ о неправильномъ владѣніи Чарнышами Загрунской долиной—полковой гадяцкій обозный Григорій Грабянка съ господаремъ гадяцкаго замка Иваномъ Ломиковскимъ. «Зъѣхавши въ село Апанасовку», слѣдователи узнали слѣдующее. «Лука, на которой шесть скиртъ становилось сѣна—вся вытолочена», причемъ слѣдъ столоки шелъ отъ Чарнышеваго хутора... Увидѣвъ эту «шкоду» войтъ капустянскій далъ «черезъ писмо вѣдать въ замокъ гадяцкій, и оттуду (разсказываетъ онъ) получилемъ указъ взять за шкоду изъ стаднини (Чарнышей), якій грабежъ и держать, поколь шкоды Чарныши не нагородятъ». Съ этою цѣлью войтъ взялъ городничаго гадяцкаго замка—Ѳедора, Лукьяна Жолнѣра и еще человѣкъ съ десять, и съ ними поѣхалъ въ поле, но такъ какъ тамъ стада, принадлежащаго Чарнышамъ уже не было, то повернулъ въ хуторъ Чарнышевскій, гдѣ «безъ жадного ссору взялисмо стаднини числомъ девятнадцатеро,—понеже меншого числа не могли отъ стада отлучить и не на узди брать для дикости». Забравъ «стаднину», войтъ капустянскій пригналъ ее съ бывшимъ при ней Чарнышевскимъ пастухомъ «до замку»; приставилъ къ ней двухъ новыхъ пастуховъ и вы-

пустилъ въ поле пастись. Но Чарныши лишь наружно выказали покорность рѣшенію господаря гадяцкаго замка. О томъ, какимъ образомъ они вернули себѣ обратно скотъ, пастухи разсказывали слѣдующее: «Пріѣхалъ къ намъ одинъ человѣкъ верхомъ и сталъ у насъ просить огня на люльку, которому и далисмо»; послѣ этого этотъ человѣкъ «сталъ стаднину и лошатъ пересмотровать», потомъ, занявши всю—погналъ скоро шляхомъ»... Пастухи гнались за угнавшимъ стадо, но не могли его догнать и вернулись «до дворца», не видавъ болѣе никого. Но другой свидѣтель, житель ананасовскій, разсказывалъ, что вѣялъ онъ «на току гречку—ажъ ѣдутъ осмь человѣка людей Чарнышевихъ, якоби ку Ананасовцѣ, потомъ, въ скоромъ часѣ,—женутъ два стадники Чарнышевы стаднину назадъ и повернули берестовскимъ шляхомъ, потомъ еще шесть человѣка мимо мене ананасовскимъ шляхомъ назадъ поѣхали». Между этими людьми свидѣтель замѣтилъ и самого Петра Чарныша, котораго опозналъ «по чапраку, на конѣ будучомъ, якій чапракъ и прежде сего не разъ подъ нимъ видалемъ»...

При этомъ, жители села Ананасовки опять жаловались слѣдователямъ на Чарнышей за завладѣніе ими и отцомъ ихъ части «степу», который и до сихъ поръ находится въ ихъ владѣніи и который они отдаютъ «великороссійскимъ купчинамъ» подъ пастбище. Грабянка, произведя розыскъ, посылалъ «до пановъ Чарнышевъ, даби или сами ку отвѣту прихали, или кого отъ себе присилали». Но Чарныши поспѣшили уѣхать въ другія свои маетности, и Грабянка доносилъ гетману: «Ихъ, Чарнышовъ, посланній въ дому не засталъ, а изъ служащихъ—нѣхто ку отвѣту не пріѣхалъ; такожъ другимъ и третимъ разомъ до ихъ, дворовихъ Чарнышевихъ, посилали, и они отказали, же господаръ и староста, и слуги—всѣ за паномъ у слободи отъѣхали»... Такъ Грабянкѣ на мѣстѣ и не удалось добиться отвѣта Чарнышей; чѣмъ кончилось это дѣло—къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Отбывъ въ 1737 году Очаковскій походъ, Иванъ Чарнышъ отъ похода 1739 года уволился «за болѣзнью» и остальное время своей жизни провелъ въ селѣ Боркахъ, гдѣ и умеръ въ 1756 году.

Женатъ онъ былъ два раза: первый—на Татьянѣ Осиповнѣ Костенецкой, дочери конотопскаго сотника, а второй—на Зиновіи Якимовнѣ, и оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: Ивана, Даніила и Александра. Изъ нихъ Иванъ—въ 1754 году былъ войсковымъ канцеляристомъ и отъ брака съ Настасьей Романовной (бывшей во второмъ замужествѣ за Ѳедоромъ Петровичемъ Войной, служившимъ въ 1762 году—гадяцкимъ полковымъ судьей, а въ 1778—81 г.г.—предводителемъ шляхетства полковъ Гадячскаго и Миргородскаго) имѣлъ единственнаго сына Василія и умеръ до 1769 года. Два брата Ивана—Данило и Александръ были живы въ 1754 году и умерли оба до 1769 года; Данило былъ женатъ на какой-то Пелагеѣ (жива 1784), Александръ—въ 1754 году былъ малолѣтнимъ.

Василій Ивановичъ Чарнышъ, правнукъ генеральнаго судьи, родился въ 1759 году, началъ служить въ 1775 году и 13-го апрѣля 1784 года былъ произведенъ изъ войсковыхъ товарищей Гадячскаго полка—въ бунчуковые; въ этомъ году у него было 1952 души въ Гадячскомъ уѣздѣ. Женатъ онъ былъ на дочери Полтавскаго полкового писаря (1768)—Аннѣ Петровнѣ Бѣлухѣ. Въ 1797 году Василій Ивановичъ былъ маршаломъ Гадяцкаго повѣта, а когда (въ 1802 году), при генералъ-губернаторѣ князѣ А. Б. Куракинѣ, прежде бывшая малороссійская губернія распалась на двѣ—Черниговскую и Полтавскую, то въ должность перваго Полтавскаго маршала оказался избраннымъ уѣздными предводителями, при предварительномъ ихъ съѣздѣ передъ открытіемъ губерніи, въ декабрѣ 1801 года въ Полтавѣ,—онъ-же. Въ 1803 году Чарнышъ назначенъ былъ генеральнымъ судью 1-го Департамента, а на его мѣсто выбранъ былъ С. М. Кочубей. Въ 1809 году Чарнышъ оказался вновь Полтавскимъ маршаломъ и пробылъ имъ до 1812 года, когда его замѣстилъ Д. П. Трощинскій; послѣдній разъ Чарнышъ занималъ эту должность въ 1818—20 годахъ, уступивъ свое мѣсто извѣстному В. В. Капнисту [1]). Чарнышъ былъ въ перепискѣ съ А. И. Чепой, который соста-

[1]) «Кіевская Старина», 1893 г., янв., стр. 41—49.

вилъ въ 1809 году по его порученію «Записку о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ», напечатанную въ «Кіевской Старинѣ», 1897 г.. т. LIX, приложенія, стр. 23—39, и умеръ вскорѣ послѣ 1820 года.

Василій Ивановичъ Чарнышъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Петра (род. въ 1771 г.. въ 1798 году—капитанъ Сѣверскаго драгунскаго полка) и Дмитрія (род. въ 1795 году) и пять дочерей: Ульяну (род. 1785), Анастасію (р. 1787), Анну (р. 1788), Анастасію 2-ю (род. 1790) и Екатерину (род. 1797) [1]; сыновья его умерли, кажется, бездѣтными; послѣдней въ родѣ была Н. В. Чарнышъ († 1871), которая передала въ 1860-хъ годахъ изъ села Беева, иначе называемаго Чарнышовкой или Чарнышовой слободой (бывшій хуторъ генеральнаго судьи Біевцы) въ мѣстную приходскую церковь ту семейную икону, передъ которой въ 1706 году молилась жена генеральнаго судьи и къ которой въ 1710 году были вырѣзаны приведенныя выше вирши [2]). Громадныя имѣнія, собиравшіеся всѣми членами рода Чарнышей, разошлись въ другія руки—частью черезъ браки и родственныя связи, частью черезъ продажу.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

[1]) «Архивъ Полтавскаго Двор. Депут. Собранія. Приносимъ свою глубокую благодарность за доставленіе оттуда справокъ—А. А. Грановскому.

[2]) «Кіевская Старина», 1897 г., т. 59.